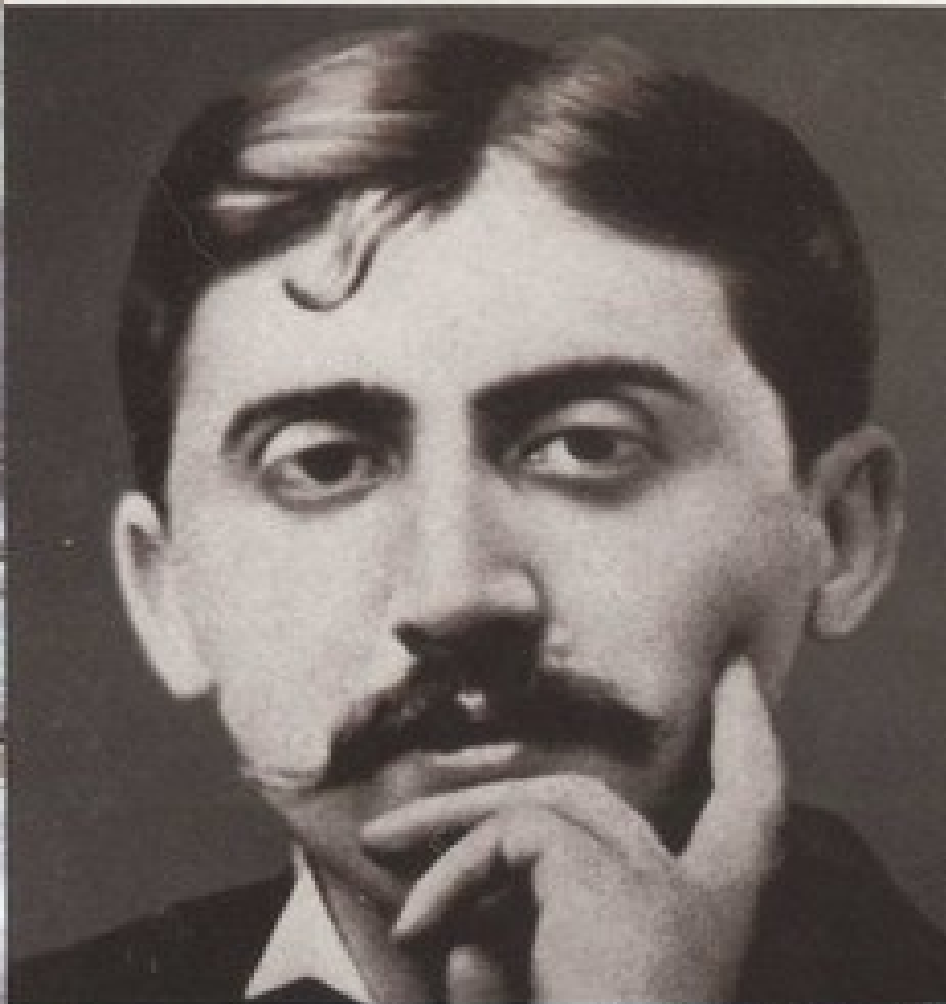
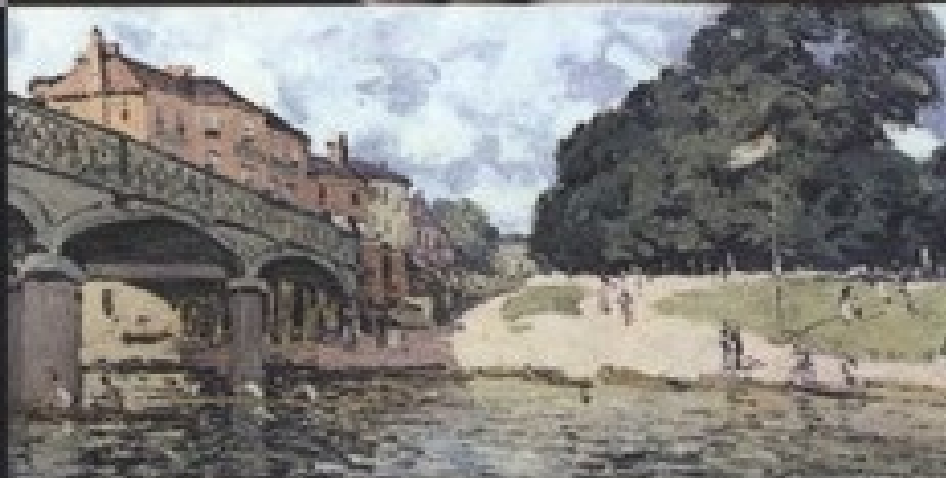

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

Талина
Субботина

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

Известный французский писатель, новеллист и критик, крупнейший представитель мировой психологической прозы Марсель Пруст (1871–1922) открыл для литературы новые сферы человеческой психики. Он впервые описал особый вид работы памяти — произвольное воспоминание, на базе которого и строится весь его автобиографический роман (или цикл романов) «В поисках утраченного времени».

Это произведение — особый механизм, который, с одной стороны, позволял Прусту быть необыкновенно откровенным (так, впервые в мировой литературе мы встречаемся с подробным описанием гомосексуальных отношений), а с другой — камуфлировал реальную жизнь писателя. Именно эта своеобразная игра Пруста с читателем — намерение спрятать то, что кажется недопустимым, но в то же время и непреодолимое желание рассказать о себе всё — и делает изучение биографии знаменитого француза по-настоящему захватывающим.

Автор книги филолог Галина Субботина прекрасно демонстрирует вышесказанное, бережно, по крупицам извлекая фрагменты реальной жизни писателя из мифов и вымыслов его романа.

знак информационной продукции 16+

-
- [Г. А. Субботина](#)
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
      - [В СТОРОНЕ ОТЦА](#)
      - [В СТОРОНЕ МАТЕРИ](#)
      - [ПОЦЕЛУЙ ПЕРЕД СНОМ](#)
      - [У ИСТОКОВ КОМБРЕ: ОТЕЙ И ИЛЬЕ](#)
      - [РОЖДЕНИЕ БРАТА](#)
      - [ДЕТСКИЕ ПРОГУЛКИ И ПЕРВЫЙ ПРИСТУП АСТМЫ](#)
    - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
      - [ЛИЦЕЙ КОНДОРСЕ](#)
      - [КЛАСС РИТОРИКИ](#)
      - [ОТКРЫТИЕ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ](#)
      - [КЛАСС ФИЛОСОФИИ И АЛЬФОНС ДАРЛЮ](#)
      - [ПЕРВЫЕ ШАГИ В СВЕТЕ](#)
      - [ВОЕННАЯ СЛУЖБА](#)

- [ДРУЖБА С ГАСТОНОМ ДЕ КАЙАВЕ](#)
- [ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ И ВОЛЬНАЯ ШКОЛА ПОЛИТОЛОГИИ](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
  - [ПРУСТ — НАЧИНАЮЩИЙ ЖУРНАЛИСТ](#)
  - [ПОРТРЕТЫ И АВТОПОРТРЕТЫ](#)
  - [ШАРЛЬ ААС](#)
  - [ГРАФИНЯ ДЕ ШЕВИНЬЕ](#)
  - [ПРИНЦЕССА МАТИЛЬДА](#)
  - [МАДЛЕН ЛЕМЕР](#)
  - [РОБЕР ДЕ МОНТЕСКЬЮ](#)
  - [ГРАФИНЯ ДЕ ГРЕФФЮЛЬ](#)
  - [НА СВЕТСКОМ КУРОРТЕ — САНКТ-МОРИЦ](#)
  - [ВЫБОР БУДУЩЕЙ КАРЬЕРЫ](#)
- [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
  - [«РЕВЮ БЛАНШ»](#)
  - [РЕЙНАЛЬДО АН](#)
  - [ЛЮСЬЕН ДОДЕ](#)
  - [ГЕНЕЗИС СБОРНИКА «УТЕХИ И ДНИ»](#)
  - [ВОСПРИЯТИЕ СБОРНИКА И ДУЭЛЬ С ОДНИМ ИЗ КРИТИКОВ](#)
  - [РОМАН «ЖАН САНТЕЙ» И ДЕЛО ДРЕЙФУСА](#)
  - [ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ РОМАНА «ЖАН САНТЕЙ»](#)
  - [СНОВА МАДАМ ПРУСТ](#)
- [ЧАСТЬ ПЯТАЯ](#)
  - [ПРУСТ ОТКРЫВАЕТ РЁСКИНА](#)
  - [ПО СЛЕДАМ РЁСКИНА: АМЬЕН, РУАН](#)
  - [ПОЕЗДКИ В ВЕНЕЦИЮ](#)
  - [СВЕТСКИЕ ДРУЗЬЯ, МОДЕЛИ СЕН-ЛУ](#)
  - [АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ ДРУЗЬЯ И СВЕТСКАЯ ХРОНИКА В «ФИГАРО»](#)
  - [СМЕРТЬ АДРИЕНА ПРУСТА](#)
  - [ПОПЫТКИ ИЗМЕНИТЬ ОБРАЗ ЖИЗНИ](#)
  - [СТАТЬЯ «ГИБЕЛЬ СОБОРОВ»](#)
  - [ПЕРЕВОД КНИГИ РЁСКИНА «СЕЗАМ И ЛИЛИИ»](#)
- [ЧАСТЬ ШЕСТАЯ](#)
  - [СМЕРТЬ МАТЕРИ](#)
  - [ТРАУР И ЛЕЧЕНИЕ В КЛИНИКЕ ДОКТОРА СОЛЬЕ](#)
  - [ПЕРЕЕЗД НА БУЛЬВАР ОСМАН](#)

- [«СЫНОВНИЕ ЧУВСТВА УБИЙЦЫ СОБСТВЕННОЙ МАТЕРИ»](#)
  - [ЛЕТО 1907 ГОДА В КАБУРЕ](#)
  - [«ДОРОЖНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОЕЗДКИ НА АВТОМОБИЛЕ»](#)
  - [ДЕЛО ЛЕМУАНА](#)
  - [СПЕКУЛЯЦИИ НА БИРЖЕ](#)
  - [ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ](#)
    - [КАБУР В 1908 ГОДУ И ДУЭЛЬ С ПЛАНТЕВИНЕМ](#)
    - [РОМАН «ПРОТИВ СЕНТ-БЁВА»](#)
    - [ОТ ПОДЖАРЕННЫХ ХЛЕБЦЕВ К БИСКВИТАМ МАДЛЕН](#)
    - [СВЕТСКАЯ ХРОНИКА И РУССКИЕ БАЛЕТЫ](#)
    - [АЛЬБЕР НАМЬЯС И ПОИСКИ ИЗДАТЕЛЯ](#)
    - [АЛЬФРЕД АГОСТИНЕЛЛИ](#)
    - [ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ПОИСКОВ»](#)
  - [ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ](#)
    - [МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОТЕРИ](#)
    - [ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ](#)
    - [СЕЛЕСТА АЛЬБАРЕ, СЛУЖАНКА ПРУСТА](#)
    - [ОТ ГРАССЕ К ГАЛЛИМАРУ](#)
    - [«ПОД СЕНЬЮ ДЕВУШЕК В ЦВЕТУ»](#)
  - [ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ](#)
    - [ПЕРЕЕЗД НА УЛИЦУ АМЛЕН](#)
    - [НОВЫЕ ЧАСТИ РОМАНА И РЕАКЦИЯ НА НИХ ЧИТАТЕЛЕЙ](#)
    - [ПОСЛЕДНИЕ ДНИ](#)
    - [РОМАН ПРУСТА: ЗАКОНЧЕН, НО НЕ ЗАВЕРШЕН](#)
  - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
  - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА МАРСЕЛЯ ПРУСТА](#)
  - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
-

Г. А. Субботина
Марсель Пруст

ПРЕДИСЛОВИЕ

marcel proust

Хотел ли Пруст, чтобы была написана его биография? Думается, что нет. Предчувствуя нескромный интерес будущих биографов, Пруст даже разработал особую теорию, которая должна была запретить изучать жизни творческих личностей. В своем эссе «Против Сент-Бёва» Пруст утверждал, что художественные творения создаются особым «я» писателя, которое имеет мало общего с тем «я», что проявляется в обыденной жизни. Потому биографические этюды (как, например, те, что практиковал Шарль-Огюстен Сент-Бёв) не дают ключа к пониманию автора, прикасаясь только к личности низкой, повседневной.

Начиная с ранней юности одной из постоянных забот Пруста было

стремление скрыть от окружающих некоторые стороны своей жизни. Создание автобиографического романа «В поисках утраченного времени» отчасти было проявлением этого желания спрятаться от взгляда «другого». Биограф Пруста вынужден постоянно разрушать мифы, существующие вокруг жизни писателя. Одним из главных препятствий на этом пути является именно его романизированная автобиография.

Можно сказать, что это произведение — особый механизм, который, с одной стороны, позволял быть необыкновенно откровенным (так, впервые в мировой литературе мы встречаемся с таким подробным описанием гомосексуальных отношений), а с другой — камуфлировал реальную жизнь писателя. Именно эта своеобразная игра Пруста с читателем — намерение спрятать то, что кажется недопустимым, но в то же время и непреодолимое желание рассказать о себе всё — и делает изучение биографии французского автора по-настоящему захватывающим.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДЕТСТВО

В СТОРОНЕ ОТЦА

Адриен Пруст (1834–1903), отец Марселя Пруста, входил в число тех людей, которые во второй половине XIX века поняли, что жизнь общества может быть значительно улучшена благодаря новым научным знаниям. Основной сферой интересов этого блестящего врача стала гигиена — новаторский еще на тот момент раздел знаний, который с середины XIX века воспринимается в аспекте не только индивидуального, но и общественного здоровья. Европейский мир стремительно менялся, однако главные признаки прогресса — урбанизация, индустриализация, начинающаяся глобализация — способствовали распространению эпидемий. Лечить многие инфекционные заболевания тогда еще не умели, потому важно было просто не допустить их возникновения. Вот почему общественная гигиена занимала такое важное место во внутригосударственной и международной политике эпохи.

Эта социальная трансформация видима во взглядах Адриена Пруста, а также в самой его карьере. Необходимость контроля за распространением болезней позволила ему быстро продвинуться по служебной лестнице и даже стать известным за пределами Франции. Его «Трактат о гигиене», неоднократно переиздававшийся, можно было прочитать и на русском языке: в начале XX века он был переведен и опубликован в России. В этом учебнике описание миссии врача-гигиениста, данное Адриеном Прустом, носит почти ренессансный характер. Отец писателя, давая определение новой области знаний, пишет: «...всё, что может привести к улучшению жизни человека, к развитию его благополучия физического и духовного, его физической и умственной деятельности, становится обязательной и законной частью гигиены. Представленная таким образом, она преодолевает пределы медицины, биологии, антропологии, юриспруденции; вся мировая история объединяется для того, чтобы дать основы и стать сферой применения этой науки». Таким образом, Адриен видит свою деятельность как глобальное преобразование жизни в Европе и за ее пределами для сохранения здоровья отдельного человека и населения в целом.

Этот блестящий функционер и талантливый медик, размышлявший об изменении жизни общества в европейском и даже мировом масштабе, родился 18 марта 1834 года в маленьком французском провинциальном городке Илье, расположенном в 25 километрах от Шартра и в сотне

километров от Парижа. Дед Марсея Пруста Луи был хозяином маленькой бакалейной лавки, расположенной на главной площади городка напротив церкви Святого Жака. Уже в начальной школе Адриен Пруст привлек внимание своими способностями и прилежанием, благодаря которым получил стипендию для продолжения учебы в Шартре. После окончания курса средней школы он отправляется в Париж, чтобы стать студентом-медиком.

Медицина в тот период являлась одной из сфер, которые позволяли продвигаться по социальной лестнице благодаря способностям и знаниям, а не происхождению и имущественному положению. Карьера Адриена Пруста быстро шла в гору: все экзамены, а также конкурсы, позволявшие занять тот или иной пост, он с неизменностью проходил блестяще. Очень быстро он достиг самых высоких степеней и в медицинской среде, и в научных исследованиях, и на государственной службе. В 28 лет Адриен Пруст получил право заниматься медицинской практикой, в 29 он был назначен на пост главы клиники, а в 33 года стал преподавателем в университете.

Во второй половине XIX века занятия гигиеной давали возможность совершать экзотические путешествия и даже подвиги. В 1869 году для уточнения путей распространения холеры Адриен отправляется в Персию, проезжает через Санкт-Петербург, Астрахань, посещает Тегеран, а на обратном пути Константинополь. Ему удается подтвердить гипотезу о том, что холера из Индии, где расположены её природные очаги, может проникнуть в Европу либо через средиземноморские порты, либо по суше, в том числе через территорию России. Среди прочего у него нашлось доброе слово для русских: он пишет, что система кордонов, выставляемых на дорогах для блокирования распространения болезней в наших южных регионах, является очень эффективной. Морские же пути, отмечает Адриен, контролировать намного проще. Наиболее важным для Европы является санитарный контроль за Египтом, ставшим морскими воротами Средиземноморья после открытия в 1869 году Суэцкого канала. Важность сведений, полученных Адриеном Прустом, по достоинству была оценена властями: в августе 1870 года из рук императрицы Евгении молодой гигиенист получил орден Почетного легиона.

Жанна Вейль, девушка из состоятельной семьи, вышла замуж за молодого подающего большие надежды врача через несколько дней после получения им награды. Карьера Адриена продолжает идти в гору. Он руководит одним из отделений в госпитале Шарите в Париже, далее в госпитале Ларибуазьер, а затем в Отель-Дьё. В 1879 году он становится

членом Медицинской академии наук, в 1884-м — главным инспектором санитарных служб, в 1885 году возглавляет кафедру гигиены медицинского факультета в Париже.

Это неуклонное социальное восхождение отца оказало несомненное влияние на представление об обществе, сложившееся у Марселя Пруста. Главный герой «Поисков», хотя и не без труда, но получает доступ в самые закрытые светские салоны Парижа, несмотря на свое буржуазное происхождение. Персонаж романа реализует идею, которую мы находим в трактате о гигиене Адриена Пруста: «Прежде классы общества были подобны той части зала суда, что отделена от остальной публики непреодолимыми барьерами, и лишь немногие среди самых сильных пытались выйти за пределы своей среды, куда случайность их помещала в момент рождения. Ныне законы и нравы уничтожили эти барьеры, каждый пытается подняться выше своих предков [...]».

Деятельность людей, подобных Адриену Прусту, соединяла в себе практически несоединимое: с одной стороны, романтизм далеких путешествий, героизм борьбы с абсолютным злом — смертью и болезнями, — а с другой — внимание к устройству водопроводов и строительству дорог, к расположению зданий и высоте потолков, к питанию и профессиональным болезням, оборудованию тюрем, казарм и больниц, проблемам алкоголизма, преступлений, самоубийств и т. д. Такая смесь высокого и низкого имела большой литературный потенциал. Вот почему логичным кажется то, что работа Адриена Пруста «Защита Европы от чумы» с описанием симптомов и путей распространения опасного заболевания была использована Альбером Камю для создания романа «Чума»: обстоятельство, которое, знай он о нем, доставило бы немалое удовольствие Марселю Прусту.

Впрочем, профессиональные обязанности Адриена не всегда соответствовали тем высоким гуманистическим идеалам, что составляют основу романа Камю. Распространение многих опасных болезней в мировом масштабе было связано с активно идущей колонизацией: во второй половине XIX века мир делили на куски как лакомый пирог. Жюль Ферри, один из политических деятелей эпохи, писал в 1890 году: «Неудержимое стремление к покорению новых территорий охватило все великие европейские нации. Это движение напоминает гигантские состязания по скачкам с препятствиями на неисследованных еще дорогах. С 1815 по 1850 год Европа была домоседкой и редко выходила за свои пределы. Это было время небольших захватов, маленьких продвижений вперёд, побед мелкобуржуазных и скудных. Сегодня завоёвываются целые

континенты [...]».

Познания Адриена Пруста в области гигиены оказались нужны Франции и потому, что они позволяли организовывать военные захваты новых территорий с минимальными потерями. В статье «О гигиене военных операций в колониях» Адриен Пруст анализирует одну из военных экспедиций англичан против государства Ашанти в Западной Африке. Старший Пруст, совершенно оставив в стороне вопрос о легитимности колониальных войн, рассуждает о том, что в тяжелых для европейцев климатических условиях только учет смены сезонов, быстрое проведение военных действий, организация эвакуации больных могут уберечь участников похода от эпидемий, а значит, и обеспечить успех военной кампании.

Внимание отца к международной политике определило и некоторые сюжеты в творчестве сына. Одна из основных тем романа — описание того, как Первая мировая война (ее подготовка и ход) обсуждалась в светских салонах Парижа, — без сомнения, была отчасти вдохновлена «военными этюдами» Адриена Пруста.

Доктор Пруст также интересовался психологией, что оказалось очень важным для его сына. Так, среди книг, написанных отцом писателя и посвященных гигиене различных болезней, например «Гигиена больных подагрой» (1896), «Гигиена страдающих ожирением» (1897), «Гигиена диабетиков» (1899), могут быть выделены две работы психологического характера: «Гигиена больных неврастенией» (1897) и «Гигиена неврастении» (1900). Казалось бы, психологическое исследование очень далеко от поэтической атмосферы романа «В поисках утраченного времени». Тем более неожиданным оказываются результаты сравнения описаний больных неврастенией из названных выше сочинений Адриена Пруста с поведением главного героя романа. Так, например, доктор Пруст объясняет, что первые признаки неврастении проявляются еще в детстве, что болезнь часто возникает под влиянием какой-либо сильной эмоции, допустим, страха.

Этот анализ заболевания заставляет вспомнить об излишней чувствительности главного героя, первый приступ нервозности которого случается с ним в детстве, во время знаменитой сцены с поцелуем матери. Упоминает Адриен Пруст и о наследственном характере неврастении, а мы невольно думаем о том, что странная болезненность была характерна не только для повествователя, но и для его тети Леонии, целые дни проводившей в постели, несмотря на то, что врачи не находили у неё никакого заболевания.

На интерес Адриена Пруста к психологии несомненно оказал влияние его коллега Жан Мартен Шарко, чьи идеи были важны для становления теории психоанализа Зигмунда Фрейда. Исследователи часто называют роман «В поисках утраченного времени» провидческим, поскольку в тексте произведения легко обнаружить воззрения, близкие к психоанализу. Причина этой осведомленности писателя очевидна: доктора Шарко и Солье, ближайšie предшественники Фрейда в мировой науке, входили в окружение Адриена Пруста, который интересовался всеми новыми течениями в психологии. Благодаря отцу с новыми достижениями науки о человеческой душе познакомился и будущий писатель.

Если публичная жизнь Адриена Пруста шла в целом благополучно, то жизнь частная была не так однозначна. Начнем с того, что взаимоотношения с Марселем, его старшим сыном, не были бесконфликтными. Блестящий практик Адриен Пруст противился увлечениям светской жизнью и литературой, увлечениям, которые представлялись ему времяпрепровождением бесполезным. Эти семейные разногласия отражены в двух романах Пруста — «Жане Сантее» и «В поисках утраченного времени». В первом столкновение с родителями носит открытый характер: так, одна из дискуссий с родителями по поводу выхода в свет заканчивается разбитой посудой и слезами Жана. В романе «В поисках утраченного времени» формы конфликтов меняются: до таких прямых конфронтаций, как в «Жане Сантее», дело не доходит. Споры с родителями приобретают более корректные философские формы, они связаны с вопросами самоопределения героя, с выбором его жизненного пути. Непонимание вызвано тем, что отец мечтает о карьере дипломата для сына, тогда как сам он хотел бы заниматься литературой.

Конфликты Адриена с Марселем — не единственный деликатный момент в жизни семьи будущего писателя. Так, доктор Пруст при случае не отказывал себе в небольших любовных интрижках на стороне, например с актрисами. Будучи врачом, приписанным к Опера-Комик, он получил в знак особого расположения от Мари Ван Зандт, одной из звезд тогдашней оперной сцены, ее фотографию в мужской одежде. По всей видимости, Пруст был в курсе этой истории, о чем свидетельствует один из эпизодов в «Поисках утраченного времени»: главный герой романа обнаруживает портрет Одетты де Креси, возлюбленной Свана, в мужском костюме в мастерской художника Эльстира.

Жизнь отца, таким образом, в трансформированной форме нашла отражение в романе писателя, демонстрируя уже упоминавшееся нами желание, с одной стороны, скрыть правду, а с другой — поведать о своей

жизни всё без утайки. Эта трансформация позволяет понять, каким образом Прусту удастся быть таким откровенным. Не самый приятный факт из биографии отца идеализирован: фотография заменена портретом, фотограф — талантливым художником, любовная авантюра — историей сильнейшей страсти Свана к Одетте. Можно видеть и другой прием: события и факты, которые кажутся Прусту слишком неприглядными, приписываются персонажам, удаленным от семьи повествователя. Так, например, неверность Адриена Пруста передана Свану, а по отношению к отцу главного героя мотив измены не рассматривается.

Марсель был даже знаком с одной из возлюбленных отца — Лорой Хейман, известной парижской куртизанкой. Лора была креолкой, она родилась в Андах, отцом ее был английский инженер. Она имела таких знаменитых покровителей, как, например, герцог Орлеанский и король Греции. Ее черты отражены в произведениях множества модных светских художников (Тиссо, Мадразо, Стюарта) и писателей (новелла «Глэдис Харвей» Поля Бурже была вдохновлена ею). Марсель был представлен светской красавице своим отцом, написал ей множество хвалебных писем и даже стал ее близким другом. Через четыре года после смерти Адриена Пруста Лора даже предлагала будущему писателю изготовить бюст его отца, поскольку она была довольно одаренным скульптором. Однако Пруст отказался от подарка, не решившись оскорбить память матери.

Высокое положение в профессиональной иерархии, а также состояние его жены обеспечивало Адриену Прусту стабильный доход и соответствующий образ жизни: большую квартиру в центре Парижа, долгие каникулы на самых дорогих курортах для него и для всей семьи. Исследователь Роже Дюшен опубликовал завещание Адриена Пруста, из которого видно, что в его собственности на момент смерти находились 1650 тысяч золотых франков. Эта сумма была разделена между Жанной Пруст, Марселем и его братом Робером. Отметим, однако, что траты писателя после получения наследства от отца остались под контролем матери, которая не разрешила ему свободно пользоваться полученной суммой и выплачивала ему что-то вроде пенсии. В этом решении матери явно просматривается уверенность в том, что непрактичный и неврастеничный Марсель был не способен правильно организовать свои расходы. Финансы сына находились под контролем матери до ее смерти в 1905 году, когда Прусту было уже 34 года.

Незадолго до кончины отца Марселю все же удалось доказать, что его литературный дар может иметь практическое применение. Летом 1903 года Адриен Пруст был приглашен на вручение наград лучшим ученикам в

коллеже Шартра и в школе в Илье. Занятый своими многочисленными обязанностями, он не нашел времени на подготовку речей, а потому попросил сына помочь ему. В текстах, составленных Марселем, очень органично звучат мысли, которые впоследствии приобретут важность в его романе. Будущий писатель рассуждает о памяти, пытаясь взглянуть на реальность глазами своего отца, уже пожилого человека. Он, например, пишет: «Существует одна вещь, которая недоступна для молодых или которая может быть понята молодыми только в форме предчувствия: это поэзия и грусть воспоминания».

Эти тексты, составленные Марселем, могут, конечно, рассматриваться как простая помощь литературно одаренного сына своему слишком занятому отцу. Однако не сказались ли эти поездки, совершенные Адриеном за несколько месяцев до смерти, и на концепции романа? Доктор Пруст очень серьезно отнесся к предложению выступить в родных стенах, ведь он любил повторять, что считает одной из самых важных своих наград то, что его имя выгравировано на доске почета в маленьком и совсем непрестижном коллеже в Шартре. Эта память отца о местности, где он родился, это уважение к тем, кто его окружал в начале жизни, напоминают то, какую исключительную роль играет описание провинциального французского городка Комбре в романе «В поисках утраченного времени».

В СТОРОНЕ МАТЕРИ

Жизнь семейства матери Марселя Пруста проходила в сфере, весьма удаленной от той, в которой проживали родные Адриена Пруста. Жанна Вейль (1849–1905) родилась в состоятельной семье евреев, выходцев из Германии, сумевших успешно адаптироваться во Франции после эмиграции. Барух Вейль (1782–1828), прадед писателя, работал в Нидервиллере на фарфоровом заводе. Он переехал из Эльзаса в Париж и уже в 1804 году сам стал владельцем фабрики, где производил так называемый парижский фарфор, который даже составлял конкуренцию севрскому. Его супруга Сара умерла при рождении второго его сына — Натэ Вейля (1814–1896), деда Марселя Пруста. Барух женился во второй раз, выбрав в супруги сестру своей первой жены. От второго брака у него родилось еще двое детей: Лазарь (или во французской транскрипции Луи) и Адель.

О карьере Натэ Вейля, деда Марселя, известно не очень много. С 1865 по 1890 год его деятельность была связана с биржей, где он был посредником в обменных операциях. В официальных документах его называют рантье. Любовь к биржевым спекуляциям, кстати, будет унаследована Марселем Прустом. Именно к деду, отличавшемуся широкими взглядами на мораль, обращался Марсель в случае затруднений с деньгами, о которых он не хотел сообщать родителям, вечно обеспокоенным его большими тратами.

Впоследствии с особой любовью Марсель будет относиться также к своему двоюродному деду Луи Вейлю, брату Натэ. Этот богатый хозяин фабрики по производству пуговиц и продавец тканей еще приумножил свои богатства, женившись на Эмили Оппенгеймер, дочери состоятельного банкира, которая умерла, не оставив ему детей. Жизнерадостный Луи имел многочисленные связи с актрисами, иногда теми же, что привлекали внимание Адриена Пруста. Так, он встречался с уже упомянутой оперной певицей Мари Ван Зандт и несколько лет покровительствовал Лоре Хейман.

По поводу денежных средств, которые достались Марселю Прусту в наследство от матери, исследователи обладают сегодня довольно достоверными сведениями. Так, в недавно обнаруженном письме Пруста к Луи д'Альбюфера, одному из близких друзей, писатель рассказывает о том, сколько денег имела в распоряжении его семья. Пруст сообщает: «Мои

родители имели на расходы в год [...] восемьдесят тысяч франков, может быть, немного больше. Папа не имел, так сказать, собственного состояния, но, несмотря на то, что у него не было частной практики, он зарабатывал около сорока тысяч франков. Поскольку мама со своей стороны обладала почти сорока тысячами франков ренты, это составляло приблизительно восемьдесят тысяч франков, которые превратились в сорок тысяч после смерти папы». Нужно иметь в виду, что речь идет о золотых франках, которые соответствовали двадцати франкам по ценам, существовавшим накануне перехода на евро. Таким образом, родители Пруста имели доход более двухсот тысяч евро в год. Эта сумма тем более велика, что налоги на доходы не существовали, что цены на жилье и на оплату труда слуг были низкими.

Семья Вейль не только принадлежала к состоятельной парижской буржуазии, она отличалась прогрессивными взглядами и оказалась причастна к большой политике. Так, Адольф Кремье (1796–1880), один из родственников прадеда Пруста, стал в 1848 году министром юстиции. Его деятельность на этом посту не прошла незамеченной для французской истории: он отменил смертную казнь за политические преступления, а также рабство во французских колониях. Он снова стал министром юстиции в 1870 году. Известно, что он был президентом Международного иудейского альянса, а также видным масоном. В 1875 году он получил пожизненное звание сенатора. Его супруга Амели держала литературный салон, в котором можно было встретить практически всех писателей-романтиков и многих знаменитых музыкантов. У нее на вечерах бывали Ламартин, Гюго, Мюссе, Мериме, Александр Дюма, а также Россини, Мейербер, Галеви. Бабушка Марсея Пруста Адель Вейль (1824–1890), урожденная Бернкастель, посещала этот салон, что, без сомнения, сказалось на либерализме ее взглядов, на ее любви к романтической литературе, на ее интересе к музыке.

Вейли имели не только республиканские воззрения, но и не отличались религиозностью. Разговаривали они только по-французски, а религиозным обрядам предпочитали посещение оперы и театра. Собственно, по этой причине брак с молодым и подающим надежды врачом-французом и стал возможным для Жанны, которая сама не приняла католичества, но дала согласие на то, чтобы ее дети были крещены. Впоследствии Пруст любил демонстрировать друзьям свидетельство о крещении, подписанное самим архиепископом Парижским. Впрочем, его происхождение продолжало оставаться во Франции рубежа веков чем-то, что следовало скорее скрывать. Показателем распространенности

антисемитизма в тот период явилось знаменитое дело Дрейфуса, объявленного шпионом только на основании его «нехристианского» происхождения. Потому степень искренности писателя в заявлениях о том, что он не чувствовал никаких связей со своими корнями, не стоит преувеличивать.

ПОЦЕЛУЙ ПЕРЕД СНОМ

В семье Вейль существовал особый культ матери и материнской любви. Так, например, совершенно особые отношения связывали Жанну Пруст с Адель Вейль, бабушкой Пруста. По воспоминаниям писателя, мать и дочь хотя и встречались практически каждый день, часто разговаривали друг с другом по несколько часов подряд: они с трудом могли расстаться, снова и снова находя темы для обсуждения. Казалось, Адель перенесла в свою жизнь ту страстную привязанность матери к дочери, которая нашла выражение в знаменитых письмах мадам де Севинье, томик которых сопровождал бабушку Пруста повсюду. Писать по три-четыре письма в неделю своей дочери в течение нескольких десятков лет, как это делала мадам де Севинье, — такая любовь казалась Адель Вейль вполне естественной.

Жанна Пруст, продолжая семейную традицию обожания Севинье, как-то призналась Марселю, что слова писательницы об одной матери, которая «отказалась от самой себя, полностью отдала себя служению детям», напоминают ей о бабушке. Марсель Пруст не забудет ни этого признания Жанны, ни семейного культа писательницы эпохи классицизма: любовь к письмам мадам де Севинье будет передана им бабушке повествователя в романе «В поисках утраченного времени» и станет одной из самых трогательных черт ее характера. Кроме того, отношение к мадам де Севинье станет одним из способов не прямой характеристики персонажей в романе: для того чтобы показать, что какой-то герой не способен на глубокие чувства, Прусту будет достаточно упомянуть, что тот считает любовь писательницы к своей дочери избыточной и неискренней.

Сильная привязанность матери к своим детям являлась, таким образом, семейной традицией. Однако эта любовь в случае с Марселем Прустом принимает особые, сложные формы. Образ Жанны Пруст, женщины из семьи с прогрессивными взглядами, образ, который кажется таким ясным и непротиворечивым, неожиданно усложняется в момент, когда мы сталкиваемся с эмоциями ее сына. Важность Жанны в эмоциональной жизни Марселя, интенсивность его привязанности к ней переходит границы обычных сыновних чувств.

Кажется, что Марселю так и не удалось окончательно повзрослеть и разорвать ту психологическую пуповину, которая связывала его с матерью. Так, в возрасте семнадцати лет он не мог пережить расставание с Жанной

Пруст без слез. В письме, отправленном вдогонку уехавшим родителям, он рассказывает: «Ночь долгая, но скорее неприятная. Еще и теперь глаза на мокром месте. Под впечатлением от вашего отъезда я даже вызвал проповедь дяди, который сказал, что моя грусть — это эгоизм». До смешного детские доводы приходилось придумывать мадам Пруст во время военной службы Марселя, чтобы успокоить слишком сильно переживавшего разлуку сына. Так, она пишет в одном из своих посланий: «Я изобрела наконец способ, как тебе сократить время отсутствия: возьми 11 плиток шоколада, который ты очень любишь, скажи самому себе, что ты будешь есть по одной плитке только в последний день месяца, — и ты будешь удивлен, как быстро они закончатся и твое изгнание вместе с ними». В письме к Морису Барресу Пруст рисует такую картину своих взаимоотношений с Жанной: «Всю нашу жизнь она меня готовила к тому, что мне придется обходиться без нее в день, когда она меня покинет, это началось уже в детстве, когда она отказывалась приходить в десятый раз ко мне в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи перед тем, как отправиться на вечер, или когда я видел поезд, увозящий ее в деревню, или позже в Фонтенбло и даже этим летом, когда я звонил ей каждый час».

Боль от расставания с матерью прекрасно описана в романе «В поисках утраченного времени». Мама повествователя, желая избавить его от привычки засыпать только после ее поцелуя, привычки, которая показывает его детскую слабость, его нервность, его неспособность контролировать свои эмоции, принимает решение не приходить в комнату сына, отправленного спать, и остается в саду с гостями. Маленький мальчик не может заснуть и стремится любой ценой заставить маму подняться к нему. Эта маленькая трагедия, разворачивающаяся в момент отхода ко сну, важна тем, что она предвосхищает в романе «В поисках утраченного времени» все будущие любовные несчастья героя: он также будет мучиться ревностью, ожидая своих возлюбленных, как когда-то он страдал оттого, что его мама была счастлива вдали от него. Кажется, что сюжет с поцелуем перед сном просто преследовал Пруста. В сборнике «Утехи и дни» он встречается в трех самых важных новеллах: в «Смерти Бальдассара Сильванда», в «Конце ревности» и в «Исповеди молодой девушки». Более того, расставание перед сном снова упоминается и в предисловии к сборнику, где автор рассказывает о постоянном присутствии матери рядом с ним ночами во время его тяжелой болезни. В неопубликованном романе «Жан Сантей» сюжет с поцелуем также играет роль. В этом произведении родители пытаются приучить Жана, главного героя, которому уже исполнилось семь лет, засыпать в одиночестве.

Загадка этой страстной привязанности писателя на какое-то время разделила биографов Пруста на два лагеря. Часть исследователей склонны были к идеализации Жанны. Этот образ безупречной матери опирался на описания родителей главного героя в романе «В поисках утраченного времени». Он находил поддержку также в многочисленных воспоминаниях людей, близко знавших Пруста: писатель, как правило, представлял своим друзьям и саму Жанну Вейль, и отношения с ней как идеальные, лишённые конфликтов.

Однако оказалось, что не всегда можно доверять Прусту в описании жизни его семьи. Дело в том, что после смерти родителей писатель просто вычеркнул из своей памяти то, что не соответствовало их идеальному образу. Возьмем конкретный пример такой идеализации, видимой, например, в истории, которую писатель рассказал своей гувернантке Селесте Альбаре. По заведенной у Прустов традиции 1 января члены семейства отправлялись раздавать подарки близким, а также слугам. В один из праздников, когда Марсель был уже достаточно большим, чтобы выполнять мелкие поручения, мадам Пруст выдала ему пять франков, которые надо было вручить кухарке. Но по дороге к ней Марсель встретил маленького чистильщика сапог, который имел такой несчастный вид, что Пруст отдал ему монету в 100 су. 40 лет спустя Пруст всё еще с волнением рассказывал, что мадам Пруст, узнав о поступке сына, не только не стала его наказывать, но даже поцеловала.

Подчеркнуто сентиментальный характер события заставляет сомневаться в его реальности. Если даже история о маленьком чистильщике сапог действительно имела место в жизни писателя, то реакция Жанны запомнилась ему, скорее всего, именно потому, что гораздо чаще родные Марселя реагировали совсем по-другому на его неумеренные чаевые обслуживающему персоналу: конфликты по поводу денег, раздаваемых Прустом направо и налево, будут продолжаться все время, пока будут живы его родители. Таким образом, мы присутствуем при сознательном или бессознательном искажении Прустом реальных взаимоотношений с ними.

В противоположность «идеализаторам» часть авторов склонны были трактовать влияние Жанны Пруст в резко отрицательном ключе. Они преподносили ее как сильную, властную женщину, имевшую склонность к постоянному контролю за своим сыном. Эти авторы утверждали, в частности, что Пруст смог начать работать над романом «В поисках утраченного времени» только после ее смерти: якобы до этого надзор матери и чувство вины по отношению к родителям не позволяли ему

взяться за перо. Однако и эта гипотеза не выдержала проверки реальными фактами: если проследить даты появления произведений Пруста в печати, то становится очевидно, что смерть матери не помогла ему, а напротив, на несколько лет прервала творческую деятельность писателя.

Психоаналитики, со своей стороны, выдвинули еще одну гипотезу: они предположили, что страстная привязанность к матери — один из признаков гомосексуальности писателя. Так, по мнению Мильтона Миллера, автора исследования «Психоанализ Марселя Пруста», нормальное развитие ребенка предполагает его сексуальное отождествление с одним из родителей: для девочек — с матерью, для мальчиков — с отцом. В случае же с Прустом излишняя привязанность к матери демонстрирует аномалию развития — отождествление с родителем противоположного пола.

В том, что касается проблемы возникновения гомосексуальности, то она представляется довольно сложной и сводить ее только к причинам, выявляемым психоанализом, было бы в настоящий момент опрощено. Однако тема трансформации матери в своего сына — одна из тех, что постоянно встречается в творчестве писателя. Так, повествователь в романе «В поисках утраченного времени» любит обнаруживать черты физического облика матерей во внешности своих друзей мужского пола. Сам себя он считает в некотором смысле инкарнацией женщины — неврастеничной тети Леонии, которая, как и повествователь, проводит целые дни, лежа в кровати.

Вплоть до самой смерти Жанны Марсель так и не сможет научиться жить без ее постоянного присутствия рядом. До конца своих дней Жанна будет заниматься организацией повседневного существования своего неприспособленного к решению бытовых проблем сына. Так, в одном из посланий 34-летнему Марселю она пишет: «Мой дорогой, ответь, пожалуйста, на мои вопросы по поводу твоих домашних дел: вся ли твоя одежда, начиная с головы и кончая ногами, в исправном состоянии? Что нужно было бы постирать — почистить — просмотреть — заменить подошву — вышить инициалы — зашить — подрубить — заменить воротники — пришить пуговицы...» Она пытается без особого успеха приучить его к порядку: «Мой дорогой, постарайся быть *совсем чуточку* более организованным и избегай тех сложностей, которые ты сам себе создаешь. Порядок будет тебе на пользу гораздо больше, чем кому-либо другому, поскольку он избавит тебя от излишней усталости!» Одной из причин постоянных волнений родителей было, конечно же, состояние здоровья Марселя. Потому Жанна Пруст просит посылать ей подробные отчеты о том, как чувствует себя ее больной астмой сын: «Мог бы ты еще,

мой дорогой, датировать свои письма, в таком случае мне было бы легче следить за тем, как идут твои дела. Кроме того, сообщать мне

подъем в
отход ко сну в
часов прогулки —
часов сна —
и т. д.

статистика была бы для меня красноречивой, и, написав несколько строк, ты выполнил бы свои обязанности».

Конечно, общение с матерью не ограничивалось только хозяйственными вопросами. Жанну Пруст отличало прекрасное чувство юмора и наблюдательность: ее письма полны точных характеристик людей, которых она встречала, а также комических зарисовок из жизни окружающих. Вот как она описывает, например, курортную публику в Сали-де-Беарн, где она проводила летние месяцы: «Мы снова встретили (такое всегда встречается снова!) прошлогоднего декадента из Бельгии, который “упадочен” пуще прежнего и не воспламеняется только по поводу Жозефена Пеладана. Есть еще турист из Бразилии, который разносит в щепки пианино с восьми часов утра до полуночи и который прерывается только, чтобы уступить место девице из Либурна, которая поет исключительно отрывки из упражнений для постановки голоса. Бедняжка со всей скоростью и энергией выпускает из своего горла: “Да-а-а-а/ разочарова-а-а-а-ние/ меня погу-у-у-бит!”».

Влияние Жанны Пруст идет даже дальше: она будет помогать сыну в его творческой работе. Дело в том, что Пруст не владел английским языком, но тем не менее взялся за перевод на французский произведений представителя английского эстетизма Джона Рёскина. При подготовке «Библии Амьена» матери писателя, которая в отличие от сына обладала достаточными познаниями в английском, пришлось готовить первый вариант текста, который потом обрабатывался Марселем.

Общение с матерью стало в каком-то смысле и основой работы Пруста над его романом «В поисках утраченного времени». Если верить теории о том, что мышление человека формируется на основе перенесения вовнутрь, интериоризации диалогов, которые он слышит вокруг и в которых участвует в детском возрасте, то диалог с родителями остается в основе мыслительного аппарата человека до конца его дней. Теория диалога оказывается очень хорошо применимой для описания творчества Пруста. Дело в том, что весь роман «В поисках утраченного времени» в некотором смысле рождается из воображаемого разговора с матерью. Своеобразным

протороманом, который позднее был трансформирован Прустом в эпопею, было уже упоминавшееся нами эссе «Против Сент-Бёва». Повествователь в этом тексте просыпался утром, в момент, когда в его комнату входила мать, решившая занести сыну свежие газеты. В одной из них он обнаруживал свою первую публикацию. Он обсуждает с матерью сначала это радостное событие, а затем переходит к изложению своих соображений по поводу биографического метода Сент-Бёва. Сначала Пруст просто добавлял к этому диалогу с матерью небольшие главы, в которых начали появляться выдуманные герои и события. А затем художественная часть, все разраставшаяся, совсем вытеснила эссеистику и превратилась в полноценный роман.

У ИСТОКОВ КОМБРЕ: ОТЕЙ И ИЛЬЕ

Брак Адриена и Жанны во многом нарушал традиции, характерные для их семейств. Адриен, выходец из среды мелких коммерсантов, уже не хотел жениться на провинциалке, но и доступ в самые престижные столичные семейства был для него закрыт. Жанна, находившаяся на периферии парижского «хорошего общества», была для него в этом смысле идеальной партией. Сама она должна была бы выйти замуж за человека из мира финансов, однако она предпочла более интересный в социальном отношении вариант, выбрав мужа, которому была уготована блестящая интеллектуальная карьера. Ее жених, как и ее родители, всего добился благодаря своему труду, однако это был «труд» более благородный — медицина, учеба, конкурсы. Между финансами и интеллектуальным капиталом она выбрала интеллект, впрочем, не лишенный финансового благополучия. Уверенность Жанны и Адриена в их предпочтениях была настолько велика, что день свадьбы не смогла отменить даже военная катастрофа.

Женитьбе предшествовали многочисленные военные поражения Франции во Франко-прусской войне. Французская армия, слабо подготовленная, хотя и горела патриотизмом, но была не способна противостоять германской военной машине. Накануне свадьбы, то есть 2 сентября 1870 года, потерпев поражение при Седане, Наполеон III сдается в плен. На день позже свадьбы — 4 сентября — он отрекается от престола. Франция, лишенная императора, становится республикой, создается «правительство национальной обороны» во главе с генералом Трошю. Однако и новая власть, несмотря на поддержку населения, не смогла организовать сопротивление врагу.

Целый ряд военных неудач французской армии открывает неприятелю дорогу на Париж. С 19 сентября начинается осада столицы. Наиболее состоятельные парижане, в том числе родители Жанны, покинули город, однако сама она решает остаться со своим мужем, который должен выполнять свои профессиональные обязанности. В осажденном Париже не хватает продуктов, жители страдают от холода. Артиллерийские обстрелы ежедневно уносят жизни около шестидесяти человек. Адриен, лишенный новостей от своих родных, не теряет присутствия духа и находит способ с ними связаться, используя последние технические достижения: он посылает им письма на почтовом воздушном шаре. В одном из посланий,

дошедшем до наших дней, он спрашивает о здоровье матери и умоляет ответить ему, используя почтовых голубей.

28 января 1871 года Франция была вынуждена подписать перемирие на тяжелых для нее условиях: она теряла большое количество укреплений, оружие, боеприпасы, Париж обязался выплатить контрибуцию в 200 миллионов франков. Гарнизон Парижа разоружался (за исключением Национальной гвардии и одной дивизии). Если правительство пошло на уступки врагу, то население города не могло смириться с унижением. Антинациональная политика властей спровоцировала революционный взрыв. 18 марта в Париже победило народное восстание. Начались 72 дня Парижской коммуны.

Жанна Пруст, ожидавшая ребенка, была вынуждена сносить все тяготы и лишения, вызванные войной и сменой власти. Впоследствии исторические события, предшествовавшие рождению Марселя, часто упоминались, чтобы объяснить и его слабое здоровье, и его нервность, и особую привязанность матери к нему. Марсель Пруст родился 10 июля 1871 года. Роды были тяжелыми, ребенок слабым. Согласно семейной легенде родители даже опасались, что их первенец не выживет.

Марсель появился на свет в доме своего двоюродного деда — Луи Вейля, в Отейе, тогда еще воспринимавшемся как пригород Парижа. Ныне Отей является частью столицы Франции, он расположен в западном Шестнадцатом округе между Булонским лесом и Сеной. Это один из самых престижных округов, где размещается множество иностранных посольств и консульств. Виртуальным соседом Луи Вейля был сам граф Монте-Кристо: в знаменитом романе Александра Дюма граф покупает сельскую виллу на окраине Отея на улице Фонтен для организации очередного этапа мести своим обидчикам. Луи Вейль жил на той же улице, но только не в 28-м, а в 96-м доме, окруженном садом с небольшим прудом и оранжереей.

В доме двоюродного деда присутствовал фривольный дух и романа Александра Дюма-сына. Жилище, купленное у актрисы Эжени Дош, когда-то игравшей главную роль в «Даме с камелиями», хранило еще воспоминания и о самой актрисе, и о ее подругах по театральным ролям, и о ее многочисленных поклонниках. Можно добавить, что образ куртизанки Маргариты Готье, героини Дюма, оказал впоследствии влияние на характер Одетты Сван в романе «В поисках утраченного времени».

Во второй половине XIX века Отей был местом, где нотариусы и банкиры, отошедшие от дел, проводили летние месяцы, а в зимний сезон он оставался полупустым. Следуя этой традиции, доктор Пруст и его жена приезжали в дом Луи Вейля весной и оставались до конца лета. В доме

было три этажа, семья Пруст занимала четыре комнаты и мансарду в одном из крыльев. Одна из кузин Пруста описывала позже всю обстановку дома в следующих словах: «грустная, мрачная, поблекшая, с рюшами из шелка, темная и негостеприимная, подобная старым девам, нарядившимся в воскресный день», однако сам писатель сохранил гораздо более приятные воспоминания. В предисловии к работе «Заметки художника» Жака-Эмиля Бланша, автора одного из портретов Пруста, писатель с удовольствием рассказывает о тяжелых занавесках из голубого атласа, о приятном запахе мыла, о прохладе первого этажа, о блеске хрустальных подставок для ножей в столовой.

Описание, данное Прустом дому дяди, заставляет вспомнить о Комбре — маленьком французском городке, представленном в романе «В поисках утраченного времени». Оказывается, жилище Луи Вейля, эксцентричного поклонника оперных актрис, во многом повлияло на образ провинциального дома в романе «В поисках утраченного времени».

Воздействие же Илье, в котором родился Адриен Пруст, видно в описании не дома и сада, а скорее самого Комбре и его окрестностей. Так, Пруст в своем романе даже не стал менять названия улицы, на которой был расположен в Илье дом сестры Адриена Пруста — Элизабет Амьо. И реальная тетя Марселя, и болезненная тетя Леония из романа проживали на улице Святого Духа. В главном произведении Пруста будут упомянуты и другие «достопримечательности» Илье: небольшой вокзал, виадук, руины замка, а также речка Луар, трансформированная в Вивонну.

Однако в создании провинциального поселения Пруст вдохновляется не только своими детскими впечатлениями от поездок на пасхальные каникулы. Комбре из «Поисков» сконструирован с опорой на хорошо разработанную теоретическую основу. Так, писатель усиливает в своем романе один из важных принципов организации провинциальной жизни: ее связь с церковью. Комбрейский храм становится центром притяжения для всего городка, так же как часы на колокольне рядом с храмом регулируют ритм каждого дня горожан. Теоретическая основа построений Пруста еще более очевидна при анализе того, как представлена комбрейская церковь. Ее описания вместили в себя идеи, позаимствованные Прустом у двух теоретиков средневекового искусства — Джона Рёскина и Эмиля Маля. Заинтересованный анализом архитектуры, проделанным двумя авторами, Пруст посетил множество провинциальных французских храмов. Благодаря этим визитам образ комбрейской церкви был многократно «усилен» по сравнению с детскими воспоминаниями Пруста.

РОЖДЕНИЕ БРАТА

Через два года после рождения первого сына в семье Пруст появился на свет второй, которому дали имя Робер (1873–1935). Сохранилось несколько фотографий, на которых Марсель и Робер запечатлены вместе. На первой из них, снятой предположительно в 1877 году, Марселю около шести лет, а Роберу — около четырех. Оба они одеты в платья по моде той эпохи: лет до десяти мальчики носили и одежду девочек, и девичьи локоны. Братья очень похожи: у них одинаковые темные волосы, большие глаза и полные губы. Однако с возрастом разница между ними становится такой очевидной, что трудно поверить, что в детстве их было невозможно отличить друг от друга. На фотографии 1882 года оба они еще одеты в совершенно одинаковые черные костюмы с белыми воротниками и яркими шелковыми галстуками, но лицо Робера уже округлилось, это крепко сбитый спортивный мальчик. Лицо Марселя осталось таким же тонким, как и раньше, его поза томная и немного манерная.

Несмотря на то что из двух братьев именно Марсель кажется тем, кому требуется защита, ему самому очень нравилось заботиться о младшем. В одном из писем Марсель, обеспокоенный плохим настроением брата, даже дает советы матери о том, как она должна себя вести: «Я нахожу, что у Робера грустный вид, и меня это беспокоит. Но лучше даже не спрашивай его ни о чем. Я не смог добиться от него ни одного слова, хотя он остается очень милым». Об этом покровительственном отношении вспоминает и Робер, который признается, что даже в своих самых удаленных детских воспоминаниях он находит образ брата, заботящегося о нем с нежностью, «окутывающей и почти материнской».

Однако различия между братьями слишком велики, чтобы согласие первых детских лет сохранилось надолго. Их разделяет прежде всего темперамент: Марсель деликатен и чувствителен, а нрав Робера сильный и взрывной. Разные характеры естественным образом разводят жизненные пути двух братьев. Если Марсель будет постоянно вызывать нарекания родителей из-за нежелания выбирать «серьезную» профессию, то Робер разочарует своих близких. Он пойдет по стопам отца, станет хирургом (его специальностью будет женское здоровье) и достигнет почти тех же карьерных высот, что и Адриен, став преподавателем на медицинском факультете и даже получив орден Почетного легиона.

Интересно, что в романе «В поисках утраченного времени» нет

никаких упоминаний о Робере, поскольку повествователь является единственным ребенком в своей семье. Брат еще играл какую-то роль в первых набросках к роману, которые, кстати, рисуют картину семейной жизни менее идиллическую, чем в окончательном варианте произведения. В отрывке, который получил название «Робер и козленок», брат оказывается связанным с рядом болезненных эмоций. В наброске рассказывается о том, как маленький Робер, узнав, что он не сможет взять в город подаренного ему козленка, устраивает настоящую акцию протеста: он топчет атласную сумочку с приготовленными в дорогу припасами, рвет надетое на него нарядное платье и громко плачет. Сменить его настроение может лишь еще одна «несправедливость»: он замечает, что ему досталось меньше шоколадного крема, чем другим. Картина страданий младшего из детей быстро замещается описанием ревности старшего. Мать забирает Робера в поездку к своей подруге, в то время как его брат вынужден остаться с отцом. И хотя старшему сыну удается уговорить мать сопровождать ее до самого вокзала, чтобы сократить время ее отсутствия, на обратном пути его переполняет гнев: ему кажется, что родители истязают его, мешая поехать вместе с матерью.

Конечно, эти детские конфликты казались уже чем-то маловажным для Марселя Пруста в момент создания его романа, потому в окончательном тексте «Поисков» они исчезают. При этом более значительные с философской точки зрения элементы сохранены. Протест Робера против отъезда в город передан главному герою «Поисков»: именно он срывает с себя нарядную одежду и плачет, обнимая любимые кусты боярышника. Таким образом, мотив расставания с Комбре, имевший принципиальное значение для идеологической структуры романа, сохранен, а ссоры братьев, не укладывающиеся в нее, оставлены в стороне.

Как видим, рукописи Пруста подтверждают мысль о том, что взаимоотношения Марселя и Робера были не безоблачны. Однако их конфликты, связанные с обычной детской ревностью, не имели серьезной подоплеки. В конце концов, даже если в последние годы жизни Марселя братья виделись не часто, то после смерти писателя именно Робер взялся за разбор черновиков и за публикацию последних глав романа «В поисках утраченного времени». Не будем и совсем противопоставлять «покладистого» Робера «бунтарю» Марселю. Младший брат был вполне способен иметь собственное мнение, как, например, случилось во время дела Дрейфуса. Адриен Пруст, функционер высокого ранга, не мог себе позволить высказаться в пользу осужденного по ложному обвинению офицера, тогда как и Робер, и Марсель выступили в поддержку Дрейфуса.

ДЕТСКИЕ ПРОГУЛКИ И ПЕРВЫЙ ПРИСТУП АСТМЫ

Марсель Пруст всю свою жизнь не терпел переездов: самым большим его желанием было, ничего не меняя в повседневном ходе дел, оставаться в одном и том же доме, хорошо обжитом, превратившемся в защитный кокон. Может быть, это стремление к постоянству связано с тем, что Пруст практически все детство и молодость провел в одной-единственной квартире: семья Адриена Пруста почти 30 лет с 1873 по 1900 год жила в доме 9 на бульваре Мальзерб. Квартира находилась в здании, оборудованном самыми современными на тот момент удобствами: газовым освещением, водопроводом, центральным отоплением, туалетами и ванными комнатами и даже, что было тогда еще большой редкостью, лифтом. Апартаменты были также очень удачно расположены — в Восьмом округе, совсем рядом с Елисейскими Полями, парком Тюильри и Монсо, в квартале, обновленном усилиями барона Османа.

Единственным недостатком квартиры, по мнению Марселя, было то, как родители относились к украшению дома: они организовывали свою жизнь скорее в соответствии с гигиеническими нормами и требованиями комфорта, чем с точки зрения эстетики. Множество знакомых будущего писателя отмечали отсутствие всякого вкуса в оформлении жилища Пруста. Фернан Грег описывал его квартиру так: «Внутри она была темной, набитой тяжелой мебелью, завешенной шторами, задушенной коврами, во всем преобладали черный и красный цвета, типичная квартира, которая не так далеко, как мы думаем, ушла от бальзаковских лавок старьевщика». Аналогичное впечатление произвели апартаменты и на еще одного великосветского знакомого Пруста, Робера Монтескью, который, по легенде, заявив, придя в гости к писателю: «Какое у вас все безобразное!» Смущение за малоэлегантную обстановку будет упомянуто и в романе «В поисках утраченного времени», где фразу Робера Монтескью произносит барон Шарлюс во время своего визита к повествователю.

Жители Восьмого округа Парижа посылали и посылают своих детей на прогулки либо в парк Монсо, либо в сад на Елисейских Полях, либо в парк Тюильри. Родители Пруста предпочитали Елисейские Поля, расположенные ближе к дому. В детстве Марсель приходил в сад практически каждый день, потому многие его друзья запомнили его и оставили об этом раннем периоде его жизни воспоминания. Одни, как

Робер Дрейфюс, отмечали, что Марсель уже тогда поражал окружающих тем, что любил читать им стихи, рассказывал о своей любви к Расину и Гюго, Мюссе и Ламартину, Бодлеру и Леконту де Лиллю. Они также вспоминали о необыкновенной способности Пруста находить путь к сердцам матерей и бабушек его друзей: он покорял их вежливостью и изяществом манер, серьезностью суждений, способностью поддержать интеллектуальную беседу и умением вовремя сделать удачный комплимент. Этот интерес к беседам с женщинами старше его был, без сомнения, связан с привязанностью Пруста к матери: в своих собеседницах он видел заместительниц мадам Пруст.

Другие ровесники Пруста сохранили менее приятные впечатления от встреч с ним. Если взрослые собеседники Пруста очень любили разговоры с ним, то подчеркнутая вежливость, обходительность и чувствительность скорее отталкивали его сверстников, которые воспринимали эти качества как доказательства его изнеженности. Кроме того, им не совсем были понятны сильные эмоциональные привязанности Марсея. Некоторые упоминали, например, непроизвольный страх, который вызывало у них требовательное прикосновение руки Пруста. Стать его другом значило оказаться под полным его контролем: уже в самом начале дружбы он заявлял, что нуждается в обладании полным и тираническом. Он требовал беспредельной верности и откровенности, немного напоминая мадам Пруст, которая тоже просила, чтобы ее сын рассказывал ей обо всем без утайки.

Благодаря знакомствам из сада на Елисейских Полях у нас сохранился и замечательный словесный автопортрет Пруста. В конце XIX века еще оставалось модным делать записи в альбомах своих друзей. Одна из подруг Марсея — Антуанетта Фор, дочь будущего президента Франции Феликса Фора, привезла такой из своей поездки в Англию. В толстой тетради, на обложке которой красовалась надпись «Исповеди», были на английском языке сформулированы вопросы, ответы на которые предполагали довольно высокий уровень самоанализа. Пруст заполнил вопросник в переходном возрасте, когда ему было лет 13–15, потому что ответы на некоторые вопросы носят еще детский характер, а на другие — демонстрируют интеллектуальную зрелость. Среди «признаний» первого типа, например, определение несчастья — «быть разлученным с мамой». Среди реакций более взрослых — объяснение того, какие люди вызывают его отвращение: «те, кто не понимает, что такое добро, не знает, что такое нежность и привязанность».

Особенно удивляет ответ на вопрос о том, какие недостатки Пруст

готов простить окружающим. В своем рассуждении он дает концентрированное выражение всего своего дальнейшего творчества. Пруст объявляет, что он готов примириться с «частной жизнью гениев». В этой фразе ясно прослеживается основная идея критического этюда «Против Сент-Бёва»: в нем писатель рассуждает о том, что повседневная жизнь одаренных людей не имеет ничего общего с их творениями, а потому недостатки писателя, проявляющиеся в повседневности, не должны влиять на оценку достоинств их произведений. Таким образом, обнаруживается, что Пруст начал размышлять над одной из главных для его философских построений проблем еще в совсем юном возрасте.

Этой же счастливой эпохой датируется и первое известное биографам любовное увлечение Марселя. Зимой 1886/87 года, когда Прусту было 15 лет, его внимание привлекла Мария Бенардаки, дочь Николая Бенардаки, придворного церемониймейстера русского царя, разбогатевшего, по слухам, на продаже чая, а после женитьбы покинувшего свой придворный пост и поселившегося в Париже. У него и его супруги, в девичестве Мари де Леброк, было две дочери — Мари и Нелли, высокие элегантные девушки, часто приходившие в сад на Елисейских Полях. Можно предположить, что автобиографический пассаж из «Жана Сантея», где герой описывает Мари Косицев, которой он увлечен, был вдохновлен Марией Бенардаки. Жан Сантей упоминает длинные темные волосы, голубые насмешливые глаза и розовые щеки, «которые светились тем здоровьем и той радостью жизни, которых не доставало Жану». Розовый цвет, упомянутый в этом описании, навсегда останется одним из самых любимых в изысканной палитре Марселя Пруста, где преобладают оттенки, напоминающие благородные металлы и драгоценные камни, а также цвета, отсылающие к картинам любимых им художников (как, например, голубой Джотто).

Марсель рассказывал, что если Мари не появлялась в парке из-за плохой погоды, то он не мог сдержать слез разочарования. Однако родители и молодого человека, и девушки считали это увлечение слишком ранним и совершенно не соответствующим их социальным амбициям. Родители Мари искали для нее более аристократическую партию: в конце концов она выйдет замуж за князя Мишеля Радзивилла, представителя старинного польско-литовского аристократического рода. Родители же Марселя считали семейство Бенардаки слишком эксцентричным: говорили, что мадам Бенардаки интересуется исключительно «любовью и шампанским» и носит слишком вызывающие наряды. Впрочем, родители Пруста скоро пожалели о своем запрете — ведь довольно быстро увлечение девушкой не

своего круга было замещено наклонностями гораздо более досадными.

Встречи с друзьями в саду на Елисейских Полях были одним из главных удовольствий юного Марселя. Однако наслаждение от них часто прерывалось приступами астмы. В первый раз Пруст пережил столкновение с этой болезнью в возрасте девяти лет после долгой прогулки с родителями по весеннему Булонскому лесу, расположенному совсем рядом с Отеем. Робер Пруст вспоминал, что болезнь застала родителей будущего писателя врасплох: приступ был настолько сильным, что Адриен Пруст не надеялся больше увидеть своего сына живым.

Растерянность Адриена Пруста, не знающего, что предпринять для спасения своего отпрыска, объяснима: причина возникновения астмы в конце XIX века была неизвестна. Считалось, что загадочная болезнь провоцируется психологическими проблемами. Потому, кстати, во многих ранних работах, посвященных биографии писателя, истоки заболевания искали в его излишней нервозности. Однако современная медицина склоняется к тому, что астма является не психологическим, а органическим заболеванием, одной из разновидностей аллергии. Это значит, что версии о том, что болезнь Пруста была воображаемой, что она позволяла ему иметь большее внимание со стороны его родителей, что она была вызвана ревностью к брату, и другие им подобные не являются достаточно обоснованными. Следует при этом отметить, что сама болезнь может изменить характер страдающего ею: пациент может стать более раздражительным, чувствительным, боязливым. Кроме того, и сами кризисы могут иногда быть вызваны психологическими причинами, например сильным волнением. Однако эти факты, показывающие связь болезни с психологическим состоянием астматика, не отменяют главного вывода об органических причинах заболевания.

В первые годы после появления приступов родители и сам Марсель надеялись, что его можно будет вылечить, что заболевание пройдет с возрастом. Действительно, в ходе болезни бывали недолгие ремиссии, однако полностью победить астму ему так и не удастся, недуг будет во многом определять его образ жизни и в конце концов станет одной из главных причин его смерти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ГОДЫ УЧЕБЫ

ЛИЦЕЙ КОНДОРСЕ

В октябре 1882 года Марсель Пруст начал учебу в лицее Фонтан, который с 1883 года сменит название на Кондорсе. Он поступает в пятый класс (во французской системе образования в период обучения в лицее счет годам идет в обратном порядке, начиная с шестого класса). Прусту 11 лет, и он уже посещал занятия в частной школе Пап-Карпантье, а также занимался со своей мамой и бабушкой немецким и латинским языками. Кроме того, он уже очень любит читать. Так, в послании своей двоюродной сестре Полине в сентябре 1880 года он пишет, что отправляется на отдых в Дьеп и в восторге оттого, что сможет провести время за чтением.

Выбор лицея Кондорсе родителями Пруста определялся несколькими причинами. Начнем с того, что он был расположен совсем близко от дома будущего писателя. Кроме того, он, без сомнения, являлся одним из самых престижных учебных заведений Парижа: лицей отличался хорошо продуманной педагогической системой, благодаря которой его в течение всего XIX века выбирали для своих детей семьи, принадлежавшие к прогрессивной французской буржуазии. Здесь, как и в некоторых других лицеях Парижа, обучался будущий правящий класс французского общества, что и учитывалось дирекцией и при приеме на работу преподавателей, и при определении направления обучения. Отбор учителей шел среди тех, кто не просто победил в самых престижных конкурсах, но и выделился на поприще конкретной деятельности в области журналистики, литературы, философии, политики. В преподавании предметов акцент ставился не только на накоплении знаний, но и на практическом их применении, потому учащихся поощряли к выполнению заданий, которые предполагали способность ясно выражать свои идеи в письменной форме, а также выступать перед публикой; им настоятельно рекомендовали издавать собственные рукописные журналы. Ведущее положение в лицее занимали гуманитарные предметы. При этом предполагалось, что ученики должны иметь представление не только о классической, но и, что особенно важно, о современной культуре. Например, лицеисты не только посещали театральные представления, но и учили наизусть монологи героев из самых популярных пьес. Таким образом, с юности они были включены в современную им культурную жизнь и как зрители, и как активные участники благодаря своим учителям и практическим заданиям. Можно сказать, что подход дирекции Кондорсе был ориентирован не на прошлое, а

на современность и будущее, что и определяло особенную привлекательность лицея.

Многие ученики упоминали о доброжелательной, открытой атмосфере, царившей в учебном заведении. Так, Робер Дрейфюс, один из друзей Пруста, рассказывал, что лицей Кондорсе напоминал разновидность кружка, чья привлекательность была настолько велика, что некоторые ученики старались приходить задолго до начала занятий: им не терпелось встретиться друг с другом и побеседовать под легкой тенью деревьев, украшавших двор на улице Авр, ожидая сигнала барабана, который скорее советовал, чем приказывал войти в класс. Дисциплина не была жесткой, она казалась семьям учеников даже слишком свободной.

Несмотря на несомненные достоинства, лицей имел репутацию дилетантского в сравнении с более высоко котируемыми учебными заведениями, расположенными на левом берегу Сены, в Латинском квартале. Считалось, что в лицее Генриха IV или в лицее Людовика XIV можно получить более глубокие и серьезные познания. Впрочем, учебные заведения на левом берегу были скорее известны тем, что открывали доступ одаренным провинциалам для продвижения в столице. Для тех же парижских семей, которым средства позволяли гарантировать и выгодное место, и удачную карьеру для своих детей, строгости этих лицеев казались излишними. Не исключено также, что родители Марселя предпочли Кондорсе и по другой причине: их сын был болен астмой, и они опасались, что слишком усиленные занятия могут пагубно сказаться на его здоровье.

Действительно, Пруст очень часто отсутствовал на уроках, особенно во время сезонных обострений — во втором и третьем триместрах, приходившихся на весну и лето. Много пропусков было у него уже в четвертом и третьем классах, а во втором он практически не посещал занятий, из-за чего ему пришлось остаться на второй год. Эти отсутствия, конечно, снижали его оценки, но Пруст, никогда особенно не блистая результатами, не был и совсем уже плохим учеником. Так, в пятом классе он получил вторую премию по курсу естествознания. Интерес Пруста к этому предмету определялся и семейными традициями — сын медика должен был интересоваться не только гуманитарными предметами — и тем, что ему повезло встретить удивительного преподавателя.

Жорж Коломб, который только что окончил Высшую нормальную школу, был человеком весьма одаренным. Он вошел в историю французской культуры как один из первых создателей комиксов. Его романы в картинках «Семейство Фенуйар», «Сапер Камамбер», «Навязчивая идея профессора Косинуса» популярны до сих пор, а по

мотивам первого в 60-е годы XX века был даже снят фильм. Он являлся не только оригинальным писателем, но и талантливым педагогом, написавшим несколько сотен работ в помощь учителю, в том числе популярные учебники с большим количеством иллюстраций, которые интересно полистать и сегодня. Между прочим, Колумб считался знатоком ботаники и закончил свою карьеру именно как преподаватель этого предмета в Сорбонне. Его научным руководителем был сам Гастон Боннье, автор знаменитой «Флоры» и ряда других книг с подробнейшими описаниями растений и с прекрасными цветными иллюстрациями. Вполне возможно, что интерес Пруста к точному описанию цветов, который характерен для его романа «В поисках утраченного времени», берет свое начало именно на уроках замечательного преподавателя из Кондорсе.

Кроме курса естествознания Прусту удавалось получать высокие баллы по французскому языку, греческому, латинскому, истории. Напротив, преподаватели по немецкому языку, географии и математике отмечали, что Марсель занимался без особого прилежания. До нас дошло несколько сочинений Пруста, написанных им в лицейские годы. Большинство из них было опубликовано в конце 50-х годов XX века. Не совсем понятно, были ли они написаны по заданию учителей из лицея, частных преподавателей, навещавших больного, или это мадам Пруст просила Марселя написать что-то, когда он пропускал школьные занятия. Среди этих дошедших до нас первых литературных опытов Пруста большое место занимают сочинения на классические сюжеты: «Умиравший гладиатор», «Процесс Писона в римском сенате», «Разграбление Коринфа», «Сципион Эмилиан в Карфагене». Одно из сочинений посвящено лунному затмению, которым воспользовался Христофор Колумб, чтобы доказать жителям Карибских островов божественное происхождение власти короля Испании. Еще один текст является пейзажной зарисовкой с описанием облаков. Все названные сочинения имеют предсказуемый характер, часто следуют плану, предложенному преподавателем или позаимствованному у других авторов.

Более самостоятельны два других текста. В первом, который не имеет названия, повествование посвящено трагической гибели каменщика Жака, ремонтирующего дом графа X. Во время работы он и его товарищ срываются с крыши и повисают на тонкой деревянной доске, которая не может выдержать двоих. Жак принимает решение погибнуть самому и спасти друга. Однако Пруст не заканчивает повествование гибелью своего героя: его интересует не просто событие, вызывающее сочувствие к благородному поступку каменщика, но более сложная проблема человеческой благодарности. В последнем абзаце текста Пруст

рассказывает, что Дени, спасенный Жаком, не испытывает к уберегшему его от смерти другу никакой признательности, потому что великодушный поступок задел его самолюбие. Парадоксальный финал сочинения показывает умение будущего писателя увидеть психологическую сложность человеческого поведения. Во втором оригинальном сочинении речь идет о Кае Тарании, учителе императора Августа, которого предал собственный сын, поддерживавший противоположную политическую партию. Тема предательства по отношению к родителям будет неоднократно разрабатываться и в романе «В поисках утраченного времени», и в других произведениях Пруста. Марсель чувствовал себя виноватым перед своими родителями за то, что не соответствовал их ожиданиям: он считал себя слишком безвольным, бесхарактерным, слишком преданным светским развлечениям.

КЛАСС РИТОРИКИ

Последние годы обучения в лицее Кондорсе — 1887/88 и 1888/89 — были одними из поворотных в биографии Марселя Пруста. Эти два года во французской системе обучения именовались классом риторики и классом философии. Пруст, которому в июле 1887 года исполняется 16 лет, из скромного подростка превращается в юношу, который постепенно осознает и свое литературное призвание, и свои сексуальные предпочтения.

Понять, в каком направлении двигалось интеллектуальное развитие Пруста, возможно благодаря письму, отправленному им одному из друзей — Роберу Дрейфюсу — в августе 1888 года. Робер был младше Марселя и хотел узнать, каких преподавателей он встретит в классе риторики. Отвечая на вопрос, Пруст не только с психологической точностью описывает характеры четырех своих наставников, но и называет главный для него критерий оценки качества преподавания: будущего писателя интересует не столько интеллектуальное наполнение занятий, сколько отношение к новейшей литературе и способность проанализировать состояние дел в ней. По сути Пруст в эту эпоху своей жизни уже переступает порог лицея Кондорсе и постепенно входит в литературную жизнь, занимая определенную позицию в литературной борьбе своего времени.

И Пруст, и Робер идентифицируют себя с теми, кто выступает за новое искусство: они предпочитают литературу сегодняшнего дня и ясно понимают, что их отношение к ней отличается от мнения большинства. Потому два первых преподавателя, о которых пишет Пруст, Дофине и Клошеваль, несмотря на высокую оценку качества знаний, которые можно получить на их занятиях, в целом не вызывают восторга у молодого человека. Дофине — «более интеллектуал, чем артист», а Клошеваль — настоящий «школьный учитель», к тому же склонный к грубости.

Эти два преподавателя противопоставляются в письме Пруста Максиму Гоше (1828–1888), который чуть менее года вел у будущего писателя занятия по греческому и французскому языкам. Одаренный наставник активно сотрудничал с популярными журналами «Ревю литерер» и «Ревю блё», где публиковал критические статьи. Известность Гоше в литературных кругах давала ему большую свободу в ведении уроков по сравнению с другими педагогами. Хотя контролирующие инстанции иногда и критиковали Гоше, но ничем реальным эти отзывы ему не угрожали. Так, в одном из отчетов по итогам проверки деятельности учителя читаем, что

для него характерны «свобода толкования, которая почти достигает литературного скептицизма и преждевременно поощряет умственное раскрепощение учащихся». Равнодушие Гоше к замечаниям руководства подтверждается и дошедшей до нас полуполюгендарной историей о том, как он попросил Марсея Пруста прочитать сочинение в день, когда на его занятие пришел школьный инспектор Эжен Манюэль, посредственный поэт, который безуспешно пытался избраться в Академию изящной словесности. Инспектор дослушал до конца выступление Пруста, потом в возмущении повернулся к Гоше и спросил: «Неужели среди самых слабых учеников вашего класса нет хотя бы одного, кто писал бы языком более ясным и правильным?» На что Гоше ответил более как литературный критик, чем как преподаватель лицея: «Ни один из моих учеников не использует язык учебника». Соль высказывания заключалась в том, что фамилия Манюэль по-французски означает «учебник».

Пруста, во-первых, привлекает смелость воззрений преподавателя, а во-вторых, знание современных авторов. Однако он предупреждает Робера, что дух фрондерства, характерный для занятий Гоше, отсутствует у других преподавателей, говорить с ними о любви к современной литературе нужно более осмотрительно. Он приводит в пример сложности, которые возникли у него во взаимоотношениях с наставниками и одноклассниками: «[...] я тебя прошу ради тебя самого, не делай того, что делал я, не будь апостолом новой веры перед учителями. Я мог это делать благодаря бесконечно свободному и очаровательному уму Гоше. Я готовил домашние задания, которые совсем на них не походили. Следствием чего было то, что через два месяца дюжина идиотов писала в декадентском стиле, что Кюшеваль считал меня отравителем, что я спровоцировал настоящую войну в классе, что некоторые стали считать меня позером.[...] В течение нескольких месяцев я читал в классе все мои домашние задания по французскому, одни меня освистывали, другие аплодировали. Без Гоше меня бы разорвали на клочки». Пьер Лаваль, одноклассник Пруста, вспоминает о регулярных чтениях Прустом его домашних заданий: «Я очень хорошо помню сочинения Марсея, богатые в выражениях и образах, уже очень “прустовские”, с их фразами, нагруженными побочными линиями и отступлениями в скобках, которые приводили в отчаяние господина Кюшеваля и так интересовали господина Гоше. Я еще вижу и слышу Марсея, читающего вслух свои работы, и превосходного, очаровательного Гоше, который комментирует, хвалит, критикует и вдруг начинает неудержимо смеяться смелости стиля, которая, по сути, приводила его в восхищение. Радостью последних дней его жизни было открытие среди его

учеников прирожденного писателя».

К сожалению, счастливая эпоха общения с одаренным преподавателем быстро подошла к концу: Гоше, который проработал в лицее более двадцати лет, во время последнего летнего триместра 1887/88 года заболел и за несколько дней до каникул умер. Его место занял Дюпре, которого Пруст характеризует как любезного и доброжелательного, но скучного. Даже тот факт, что часто его уроки трансформируются в свободные беседы с учащимися, не может исправить положения: с ним можно было обсуждать современную литературу до бесконечности, но ничего не получить взамен, поскольку новейших авторов он любил лишь с большими оговорками.

Высокая оценка, которую давал работам Пруста Гоше, известный литературный критик, помогла начинающему писателю почувствовать себя увереннее. Пруст даже находит множество подражателей и становится своего рода законодателем литературных мод в лицее Кондорсе. Он и еще несколько его друзей создают что-то вроде кружка, членам которого не терпелось покинуть стены учебного заведения, чтобы реализовать свои литературные амбиции. Они уже предпринимают вполне реальные дела, например начинают публикацию нескольких ревью. Наибольшим литературным авторитетом в кружке пользовался Пруст, но и другие молодые люди, безусловно, обладали дарованиями. В числе друзей Марселя этого периода следует назвать прежде всего Даниэля Галеви, Жака Бизе и Робера Дрейфюса. Все они были несколько младше его.

Даниэль Галеви, родившийся в 1872 году, имел с Прустом много общего. Один из его родных также переселился во Францию из Германии. Его семья относилась к той же либеральной парижской буржуазии, что и семейство Пруста. Кроме того, Даниэль мечтал продолжить литературную карьеру своего отца — Людовика Галеви, чье творчество было связано с расцветом театров на бульварах: тех театров, которые с конца XVIII века смешали народные традиции с новыми буржуазными тенденциями и создали феерию и мелодраму, развили фарс и водевиль, подняв их до уровня комедии нравов. С 1864 по 1869 год творчество Жака Оффенбаха, который использовал либретто, написанные совместно Людовиком Галеви и Анри Мельяком, придало бульварному театру новое дыхание. Огромным успехом пользовались их оперетты «Прекрасная Елена», «Парижская жизнь» и «Великая герцогиня Герольштейнская». Последняя была настолько популярна, что была названа первой в списке вещей, которые хотел бы увидеть русский император Александр II, прибывший в 1867 году в Париж на Всемирную выставку. Впоследствии Даниэль Галеви будет

активно участвовать в развитии французской литературы первой половины XX века. Он станет редактором серии «Зеленые тетради» в издательстве «Грассе», где будет публиковать практически всех ведущих писателей периода, за исключением Марселя Пруста, который подпишет контракт с более престижным «Галлимаром».

Робер Дрейфюс, будущий историк и эссеист, был знаком с Прустом еще в период его постоянных прогулок в саду на Елисейских Полях. Он был на два года младше Пруста и именно поэтому обратился к нему за советами о том, как вести себя в классе риторики. Свои с большим тактом составленные мемуары о Прусте Дрейфюс опубликовал в 1826 году в той же коллекции «Зеленые тетради», которой руководил Галеви. Переписка Пруста с Робером вместе с этими воспоминаниями дает бесценную информацию о мыслях и чувствах начинающего писателя и даже о том, в кого он был влюблен.

Третьим другом из маленькой «банды» Пруста был Жак Бизе, которого Марсель знал еще в частной школе Пап-Карпантье. Он на год младше Пруста и в 1888 году поступает вместе с остальными двумя друзьями в класс риторики. Жак — двоюродный брат Даниэля Галеви, сын Женевьевы Галеви и Жоржа Бизе, известного композитора. Когда Жаку было всего три года, его отец скончался от сердечного приступа. Смерть настигла композитора через три месяца после неудачной премьеры его оперы «Кармен», к которой Людовик Галеви и Анри Мельяк написали либретто. Опера сегодня является одной из самых популярных на театральных сценах всего мира, однако, поставленная в Опера-Комик в 1875 году, она не была по достоинству оценена критиками. Судьба Жака Бизе в каком-то смысле повторит трагический жребий его отца. Талантливый, чувствительный и очень красивый молодой человек станет наркоманом и покончит жизнь самоубийством в 1922 году, за несколько дней до смерти Пруста.

Вместе с друзьями Марсель участвовал в издании нескольких лицейских журналов. Первый, носивший название «Понедельник», был эфемерным изданием, увидевшим свет всего несколько раз. На смену ему пришел «Журнал учащихся второго класса», который вышел тринадцатью номерами с осени 1887 по весну 1888 года и отчасти совпадал с «Понедельником». В нем Пруст отвечал за рубрику литературной критики. С начала следующего учебного года друзья издавали сначала «Ревю верт», которое вышло только один раз, а затем «Ревю лила», просуществовавшее немного дольше.

Молодые авторы в полудетских литературных ревю уже пытаются найти свое место в быстро развивающейся французской литературе. В том,

что касается Пруста, уже в этот начальный момент его литературной биографии можно отметить некоторые особенности его позиции, которые определяют его дальнейшее творчество. Дело в том, что 80-е годы XIX века — это период начинающегося триумфа символизма. Символисты — новые властители дум — среди прочего считали, что реальность имеет свою ценность только потому, что она может быть преобразована в искусство и что артист, самый оригинальный из людей и в то же время постигший самые общие тенденции человеческого существования, должен реализовать это преобразование. «Мир создан для того, чтобы воплотиться в прекрасной книге» — так в метафорической форме определил высшие чаяния новаторов Малларме.

Влияние символистов может быть, конечно, прослежено в главном творении Пруста, поскольку его роман «В поисках утраченного времени», рассказывающий о превращении жизни повествователя в художественный текст, вполне соответствует символистской идеологии. Однако одной из главных особенностей литературной биографии Пруста всё же является то, что общее увлечение символистскими формами, характерное для конца века, мало его затронуло. Более того, молодой автор даже очень скоро вступит в полемику с Малларме.

Этот отказ от эстетики символизма может быть связан и с еще одной характеристикой литературных вкусов Пруста-лицеиста — его любовью к эпохе классицизма. Интерес к классическому театру, например, очевиден в одном из лицейских сочинений Пруста, в котором начинающий писатель, сравнивая Корнеля и Расина, приходит к выводу, что любить Расина — значит любить очаровательных и мучительно страдающих героев, тогда как любовь к Корнелю предполагает наслаждение «героическим идеалом». Литературные реминисценции на произведения Расина пронизывают весь роман «В поисках утраченного времени». Так, «девушки в цвету» будут обсуждать школьное сочинение на тему «Письмо Софокла Расину». По поводу творчества драматурга будут высказываться многие персонажи романа (Сен-Лу, Блок, Бергот). Трагедия «Федра», как кажется повествователю, предсказывает перипетии его несчастной любви к Альбертине. Увлечение французским театром XVII века поможет Прусту выработать особое отношение к литературному творчеству: в противоположность символистам писатель будет стремиться соединить новое модернистское видение реальности с ясностью выражения и психологизмом, характерными для классической литературы.

ОТКРЫТИЕ ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТИ

Поиски Прустом своего места в литературном процессе уже носили довольно серьезный характер, но не менее важными являлись и его любовные увлечения этого периода. Мы сталкиваемся в описании этих привязанностей будущего писателя с проблемой роли гомосексуальных отношений в его жизни, которая была во французской критической литературе разрешена уже несколько десятилетий назад. Если в первой биографии Пруста, написанной англичанином Джорджем Пейнтером в конце 1950-х годов, склонности писателя остаются в тени (автор этого исследования еще ищет женские прототипы возлюбленной главного героя романа «В поисках утраченного времени»), то в последующих исследованиях подобная ошибка уже не допускается, гомосексуальность Пруста признается научно установленным фактом и подвергается подробному анализу.

Весной 1888 года Пруст влюбляется в Жака Бизе. Исследователь может судить об этом увлечении на основании нескольких писем, написанных Марселем Жаку. Они были опубликованы только сравнительно недавно, в 1991 году, а до этого оставались в частных архивах и не вошли даже в 21-томное издание корреспонденции Марселя Пруста, подготовленное американским ученым Филиппом Кольбом (большая часть писем Пруста хранится ныне в США, в Университете Иллинойса). В первой совсем короткой записке, адресованной Жаку, Пруст обращается к своему другу за поддержкой и сообщает ему о сложностях в семье, о родителях, которые якобы хотят отправить его на обучение в провинцию: «Мое единственное утешение, когда мне на самом деле грустно, это любить и быть любимым. Именно ты соответствуешь этому моему желанию, ты, имевший так много неприятностей в начале года, ты, написавший мне такое очаровательное письмо на днях. Я тебя обнимаю и люблю от всего сердца».

В отправленном в середине июня втором послании, написать которое ему «стоило дороже всего» в жизни, Марсель еще более откровенен. По всей видимости, в промежутке между первым и вторым письмом родители Пруста запретили ему видиться с Жаком, поскольку посчитали, что молодой человек оказывает негативное влияние на их сына. Пруст объясняет своему другу, по какой причине мадам Пруст настроена против их встреч: «Дорогой, почему, видишь ли, я не имею понятия. На сколько

времени? Может быть, навсегда, может быть, на несколько дней. Почему?.. может быть, потому что она страшится этой привязанности, несколько чрезмерной, не правда ли? [...] Каким образом? не имею понятия. Может быть, по твоему лицу, может быть, услышав, что говорит о тебе мой брат, или господин Родригес, или она вошла, когда мой брат говорил о тебе с Беньером, или мой брат плохо отозвался о тебе, потому что мы с ним часто ссоримся, но, скорее всего, я думаю, из-за меня, моей излишней привязанности к тебе, моя мать сначала меня попросила больше не видаться с тобой. На мой категорический отказ она потребовала, чтобы я как минимум не приходил к тебе и не виделся с тобой у меня». Письмо заканчивается уверением, что Пруст постарается убедить родителей в том, что Жак — «восхитительное существо», в случае же, если это не получится, он сделает «из парижского кафе их общий дом». Жак передает это послание своему кузену Даниэлю Галеви, который делает копию полученного текста в дневнике, и комментирует: «Бедный Пруст совершенно сошел с ума — посмотрите на это письмо [...]. Оно написано без единой помарки. Этот сумасшедший имеет огромный талант, и я не знаю *ничего* более печального и написанного более красивым слогом, чем эти две страницы».

Жак, по всей видимости, отказывается разделить эмоции Марселя, которому ничего не остается, как смириться, о чем он сообщает в третьем послании: «Я восхищаюсь твоей мудростью, одновременно сожалея о ней». После обмена письмами, которые свободно циркулировали между двумя кузенами — Жаком и Даниэлем, — последние решают на время отдалиться от Пруста, показав ему, что не разделяют его влюбленности. Пруст, страдающий от непонимания, пытается найти поддержку у Робера Дрейфюса, задавая ему вопросы по поводу Даниэля Галеви и делая вид, что он не понимает того, что происходит: «Почему после того, как он был так мил со мной, он меня *совершенно* бросил, ясно давая мне понять это, почему месяцем позже он подошел, чтобы поздороваться, хотя он больше не разговаривал со мною? И его двоюродный брат Бизе? Почему он говорит о дружеских чувствах ко мне и избегает меня еще больше? Чего они хотят? Избавиться от меня, обидеть, ввести в заблуждение или чего-то еще?»

Родители Марселя, как можно видеть из писем, всячески противились развитию влюбленностей их сына. Насколько можно понять, близкие вначале были уверены, что Прусту необходимо просто сделать волевое усилие, для того чтобы сменить объект своих привязанностей. Они, похоже, оценивали увлечения сына как проявление безволия, как случайную ошибку, которую легко исправить. Однако они оказались так же

бессильны перед этой склонностью Марселя, как и перед его астмой. Единственное, что сможет сделать сам Пруст для того, чтобы успокоить родителей, — это держать свои влюбленности в секрете, развив эффективную систему мистификации.

Однако до полной потери надежды изменить сына родителям Пруста еще далеко. Адриен еще пробует методы, которые обычно использовались в буржуазных семьях для того, чтобы привести в чувство молодых людей переходного возраста. Сохранилось письмо, написанное Марселем в 1888 году своему деду, в котором он просит прислать ему 13 франков, поскольку, отправленный отцом в публичный дом, он в волнении не только не смог реализовать то, за чем был послан, но еще и разбил ночной горшок. Деньги ему необходимы для нового визита и для того, чтобы оплатить нанесенный ущерб. Письмо показывает, что в курсе проблем Марселя был не только Адриен, но и другие члены семьи.

Адриен делает еще одну попытку вылечить сына методами, которые диктует ему здравый смысл: он знакомит его с уже упоминавшейся нами Лорой Хейман, известной парижской куртизанкой. Марсель очарован красотой и умом Лоры, однако не испытывает никакого чувственного притяжения. Одно из писем Пруста показывает, что окружающие его в салоне Лоры мужчины не воспринимаются им как конкуренты и интересуют его едва ли не больше, чем сама куртизанка: «То, что женщина, которая вызывает желание и является простым объектом вождления, может внести только раздор в ряды своих воздыхателей, разжечь их ненависть друг к другу, это естественно. Но женщина, которая как произведение искусства открывает нам самое изысканное в очаровании, самое утонченное в прелести, самое божественное в красоте, самое чувственное в способности мышления, общим вызываемым ею восхищением объединяет и примиряет».

Очевидно, что в общении со светскими дамами Пруст вполне способен испытывать определенные эстетические эмоции, ему понятна элегантность их нарядов и очарование их остроумия, кроме того, он прекрасно понимает, что парижский свет, его самые привлекательные салоны могут стать доступны именно благодаря им. Вот почему Пруст из общения с Лорой извлекает максимум пользы для себя: не сумев изменить своих наклонностей, он шлифует свое умение делать комплименты. Снисходительная дама полусвета оценила обходительность и нетребовательность Пруста и даже подарила ему роман Поля Бурже «Глэдис Харвей», главная героиня которого, как считают, была вдохновлена самой Лорой. Обмен письмами между нею и Прустом будет длиться

несколько лет. Кроме того, Марсель будет посылать ей цветы, стихи и любимые ею фарфоровые статуэтки (целая их коллекция, составленная из подарков поклонников, украшала салон Лоры).

Марсель использовал знакомство с Лорой для того, чтобы попытаться сбить с толку своих лицейских товарищей, среди которых начали ходить слухи о его наклонностях. В сентябре 1888 года он отправил Роберу Дрейфюсу письмо, в котором рассказывал о своем увлечении одной известной куртизанкой и об обмене фотографиями и подарками с ней. Письмо завершается фразой вполне в духе послания, стремящегося уверить в существовании большого любовного опыта: «Я тебе желаю [...] самых искренних друзей и красивых любовниц». Напыщенный и неискренний тон Пруста не только не развеял подозрений, но напротив, вызвал еще большее недоумение и насмешки: в лицее Кондорсе со смехом пересказывали друг другу, что некая «Глэдис Харвей» сходит с ума по Прусту, что она повсюду таскает его с собой, что он встречается в ее салоне с «герцогами, литераторами, будущими академиками».

Можно представить, какие страдания вызывала у чувствительного Пруста грубость товарищей, которую ему никак не удавалось преодолеть. Молодого человека явно сбивало с толку то, что чем более любезным и искренним он становился, чем более элегантно письма он посылал, тем вызывал большее отторжение. В романе «Жан Сантей» Пруст даст подробный анализ конфликтных взаимоотношений главного героя с друзьями в лицее, анализ, который помогает понять чувства самого писателя: «Отсутствие его друга Анри де Ревейона длилось долгий год, в течение которого в классе у Жана совсем не было друзей, но было несколько врагов. Это была небольшая группа из трех самых умных мальчиков класса. [...] Они почти никогда не здоровались с ним, насмехались над ним, когда он говорил [...]. Жан, которому их ум внушил большую симпатию, был крайне разочарован, хотя и без малейшего озлобления. [...] Он не понимал, что эта необходимость в симпатии, эта болезненная и слишком тонкая чувствительность шокировала как лицемерие, раздражала, поскольку казалась притворством молодым людям, у которых равнодушие более холодной природы удваивалось жестокостью их возраста».

Со временем все эти подростковые страдания, конечно, забылись: если в «Жане Сантее», первом романе Пруста, еще остались следы конфликтов с товарищами по лицее, то в романе «В поисках утраченного времени» вся эпоха, связанная с периодом учебы, полностью отсутствует. Сложности во взаимоотношениях с друзьями заменены описанием более благополучно

развивающейся дружбы с очаровательным Робером де Сен-Лу.

Отметим всё же, что причиной непонимания Пруста друзьями была не только их неспособность оценить тонкие эмоции будущего писателя. В поведении Марселя за внешней мягкостью скрывалось стремление контролировать другого и манипулировать им. Например, Фернан Грег дает такое критическое описание того, как Пруст вел себя с близкими ему людьми: «Он обладает [...] окутывающей вас доброжелательностью, которая, несмотря на совершенную внешнюю пассивность, очень активна. У него вид человека, который дает, хотя он берет [...]. Так как он любит своих друзей меньше, чем он обожает самого себя в них, он немедля их бросает ровно с той же необыкновенной легкостью, с какой ему ловко удалось привязать их к себе [...] он умеет найти чувствительную струну любого тщеславия. [...] Он обладает не просто красотой, изяществом, остроумием или интеллектом, у него есть все эти качества, вместе взятые, что делает его самого в тысячу раз более любезным, чем его самая гениальная лесть».

Двойственная, манипулятивная природа дружеских привязанностей Пруста видна и в ответах на анкету, которую будущий писатель заполнил в возрасте двадцати лет. Главной чертой своей личности он называет «необходимость быть любимым и, точнее, необходимость, чтобы его ласкали и баловали больше, чем восхищались». В своих друзьях он ценит способность быть нежным с ним, но только в случае, если они достаточно изысканны, «чтобы нежность имела ценность». Занятие, которому он отдает предпочтение, — «любить». Достоинства, которыми он хотел бы обладать, — это «воля и способность соблазнять».

КЛАСС ФИЛОСОФИИ И АЛЬФОНС ДАРЛЮ

Класс философии, последний учебный год в лицее, — это в жизни Марселя Пруста прежде всего встреча с преподавателем Альфонсом Дарлю (1849–1921), который был не менее знаменит среди лицеистов, чем Максим Гоше. Его влияние на творческий путь Пруста значительно: благодаря Дарлю содержание произведений Пруста обогатилось философской составляющей, которая всегда не менее глубоко разработана в его творениях, чем психологическая и социальная. В предисловии к сборнику «Утехи и дни» Пруст вспомнит об учителе, «чья вдохновенная речь» породила в нем способность мыслить. О своем преподавателе Пруст думал и во время работы над романом «В поисках утраченного времени», в одной из рукописей которого он запишет: «Ни один человек никогда не оказывал на меня такого влияния (как Дарлю [...])». Воздействие было тем более сильным, что Пруст занимался с преподавателем в частном порядке во время учебы в университете на философском факультете и даже сопровождал его после уроков, чтобы обсудить тот или иной волновавший его вопрос.

Альфонс Дарлю получил пост преподавателя философии в лицее Кондорсе в 1885 году. Как и многие другие учителя, он проявил себя за рамками своей педагогической деятельности, основав в 1893 году «Журнал метафизики и морали», который и до сего дня издается Французским философским обществом. Правда, он публиковал свои собственные статьи не часто, но они всегда были посвящены проблемам современности. До нас дошло описание одного из его уроков, сделанное инспектором Жюлем Лашелье, который посетил лицей в 1889 году. Целое занятие было отдано докладу одного из учеников. Дарлю периодически прерывал речь учащегося, для того чтобы сделать то или иное замечание, и каждое из них провоцировало настоящую дискуссию, в которой активно принимали участие еще пять или шесть лицеистов. Инспектор был удивлен «рвением воспитанников, их знаниями, проницательностью, их философским духом» и пришел к выводу, что Дарлю «сам размышляет и заставляет размышлять своих подопечных, сам любит философию и вызывает любовь к ней». Как видно из описания инспектора, одним из коньков Дарлю было умение вовлечь молодых людей в обсуждение сложных философских вопросов. Перед шармом учителя не устоял и Марсель Пруст. На следующий же день после первого урока философии он написал Дарлю письмо-исповедь.

Марсель Пруст начинает свое послание, цитируя самого Дарлю и напоминая ему, что преподаватель говорил о молодых людях, которые «...слишком рано приобретают досадную интеллектуальную привычку, раздваиваются, если можно так выразиться для краткости, не могут ничего сделать и ни о чем подумать без того, чтобы их сознание не изучило и не проанализировало их поступки и мысли». Встревоженный Марсель признается, что он узнал в этом портрете самого себя: «Когда я начал в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет замыкаться в самом себе и изучать мою внутреннюю жизнь, это не вызывало страданий, совсем напротив. Позже, к шестнадцати годам, это стало невыносимо, особенно физически, я испытывал крайнюю усталость, что-то вроде одержимости». Через несколько лет характер самоанализа будущего писателя изменился, став более интеллектуальным. И хотя это принесло ему некоторое облегчение, теперь он был более не в состоянии испытывать прежнее наслаждение от произведений литературы. Например, когда он с увлечением читал Леконта де Лиля, его другое «я» наблюдало за «я» читающим, искало причины его удовольствия. Более того, в его голове сразу же возникали критерии красоты, совершенно противоположные тому, что он находил у де Лиля. В результате Марсель ощущал себя полностью потерянным, он признавался, что вот уже целый год не мог ничему вынести объективную оценку. Он просил учителя дать совет в том, каким образом избавиться от мучающего его раздвоения.

В центре размышлений Пруста оказывается одна из важнейших проблем в истории современной философии. Речь идет о развитии самоанализа, рефлексии, погружения в себя, о поиске собственной идентичности, которые с конца XVIII века занимают все большее место в европейской культуре и предполагают то самое разделение на «я» действующее и «я» наблюдающее, о котором рассуждает Марсель Пруст в своем письме. Второе «я», постоянно наблюдающее за первым, представляет собой интериоризированную форму внешнего контроля: если в предшествующие эпохи человек контролировался извне, например с помощью церковной исповеди, то для современного этапа развития общества, по мнению Мишеля Фуко, внешний дисциплинирующий контроль дополняется субъективирующими практиками — разнообразными методами, предлагающими человеку самостоятельно анализировать и исправлять свое поведение.

Рефлексия Пруста, о которой он рассказывает в послании Дарлю, прежде всего направлена на анализ его впечатлений от литературных произведений. Творчество Леконта де Лиля, которое упоминается Прустом,

действительно требовало переоценки. Поэт-парнасец, в 1886 году принятый в Академию изящной словесности и считавшийся в лицейские годы Пруста лучшим французским поэтом, несмотря на свой высокий литературный статус, постепенно теряет влияние на умы молодежи вместе с Теофилом Готье, роман которого «Капитан Фракасс» также часто упоминает начинающий писатель в числе произведений, которые ему особенно нравились. Парнасская школа в 1880-е годы активно популяризируется (стихи Сюлли Прюдома и Коппе входят в число изучаемых в школе), однако за этим триумфом прячется потеря интереса к ней со стороны молодых литераторов, увлеченных декадансом и символизмом. Это изменение и фиксирует Пруст, демонстрируя исключительную для такого молодого автора чувствительность к трансформациям литературного поля.

Отметим, что, несмотря на сложность идей, которые привлекли его внимание в курсе Альфонса Дарлю, они в целом соответствуют тому, что изучали французские лицеисты в эпоху Пруста. Марсель мог бы познакомиться с проблемой рефлексии сознания в любом другом французском лицее. Идеи Дарлю не были исключительными: как и целое поколение школьных философов конца XIX века во Франции, преподаватель Пруста был последователем учения Канта. Класс философии, подобный тому, что посещал Марсель Пруст, был описан, например, Морисом Барресом в его романе «Лишенные почвы» (1897): речь в нем идет о господине Бутейе, который преподавал в Нанси в конце 70-х годов XIX века. Бутейе, как и Дарлю, очаровывает своих учеников глубиной размышлений, открывающей им самые широкие горизонты. Он, так же как Дарлю, является последователем Канта и утверждает, что «мир подобен воску, на котором наше сознание, как печать, оставляет свой след». Важность субъективной составляющей в познании реальности, как видим, была идеей крайне распространенной в философии эпохи: два талантливейших французских автора упоминают о ней в своих произведениях, описывая годы учебы своих героев в средней школе.

Сам Марсель Пруст также создал литературный персонаж, вдохновленный Дарлю, в своем романе «Жан Сантей». В лицее Генриха IV Жан встречается необыкновенного преподавателя философии — господина Белье. Подобно Дарлю, Белье говорит с заметным южным акцентом, а также имеет сильный, энергичный характер. Кроме того, Белье стремится передать своим ученикам хорошо разработанную систему моральных ценностей, как и моралист Дарлю: Жан Сантей поражен тем, что его преподаватель начинает говорить о добре, правде — понятиях, которые уже

давно казались Жану несуществующими. Определенность моральных норм — не единственное достоинство курса Белье. Учитель не терпит литературных клише и расплывчатости выражений. Он критикует Жана за то, что тот использует слова, которые, с точки зрения философии, не имеют никакого смысла, как, например, «красный пожар заката». По мнению Белье, такого рода избитые метафоры уместны только в провинциальной или колониальной прессе, демонстрируют дурной вкус и невнимание их автора к реальности.

Увлечение философией и конфликты с друзьями составляли в последний год учебы Пруста в лицее тот фон, который влиял на развитие его литературного таланта. Пруст временно нашел опору для собственных литературных притязаний в концепции автора, разработанной декадентами. В противоположность поддерживаемому натуральной школой Золя образу писателя, активно участвующего в социальной жизни, декаденты предложили представление о творце, находящемся в конфликте с обществом, отвергающем его нормы, а потому близком к сумасшедшему и преступнику. Этот подход, который являлся переработкой романтической концепции творца, был выражен, например, в работе «Проклятые поэты» (1884) Поля Верлена.

Даниэль Галеви, похоже, склонялся именно к такой, смешивающей гениальность и безумие трактовке талантливости Пруста. В комментарии к посланию влюбленного Марселя он делает заключение: Пруст, может быть, сумасшедший, но это нисколько не уменьшает красоты его письма. Впрочем, роль «проклятого» не будет разыгрываться Прустом долго — активное сопротивление его семьи такому развитию событий послужит этому главной причиной. Пруст пойдет по пути сокрытия своих гомосексуальных наклонностей, хотя проблемы границ того, что в обществе называется поведением моральным и преступным, будут его волновать на протяжении всего творчества.

До нас дошло лишь несколько произведений, опубликованных Прустом в «Ревю верт» и «Ревю лила» в 1888–1889 годах. Подчеркнуто закрытый характер этих публикаций, которые не предназначались для чтения большим количеством людей, позволил Прусту быть в них очень откровенным. По этой же причине писатель не стремился к тому, чтобы сохранить эти издания. От первого и единственного номера «Ревю верт» осталась только новелла Жака Бизе «Жорж Руайе», которая описывала историю неудачника, а также отзыв Марселя Пруста на нее. Рукой Жака в этом произведении водило не только предвидение собственного трагического конца, но и желание следовать литературной моде, поскольку

тема жизненного фиаско часто встречалась в творчестве декадентов. Новелла Жака тронула Пруста, ведь его собственный интерес к литературе трактовался его родными как лень и безволие, нежелание заниматься «серьезным делом». Пруст пишет в своем отзыве: «История неудачника — один из самых меланхолических сюжетов. Но в то же время он один из самых глубоко человеческих, самых сложных для понимания, один из самых мистически непостижимых».

Из «Ревю лила», получившего свое название по цвету дешевых тетрадок, продававшихся недалеко от лица Кондорсе, сохранилось еще три текста Пруста. Первый представляет собой стилизованный в античном духе портрет юноши по имени Главк, за характером и образом жизни которого легко угадывается сам Пруст и его мечты о гармоничных взаимоотношениях с другими. Главк счастлив, потому что он получает от своих приятелей множество писем, выражающих дружеское восхищение. Время от времени он встречается с друзьями и рассуждает с ними о философии Аристотеля или стихах Еврипида. Другой текст, который написан «для “Ревю лила” с условием его последующего уничтожения», посвящен Жаку Бизе. Повествователь, уже вооруженный идеями, полученными в классе философии, описывает не просто окружающую его обстановку, но то, каким образом она изменяется под воздействием его воображения: «Божественный час! Обыденные предметы, как и природу, я освятил, не будучи в состоянии их победить. Я одел их своей душой и сокровенными, роскошными образами. Я живу в святилище, в центре театрального представления [...]. Перед моими глазами великолепные видения. Мне тепло в моей кровати... Я засыпаю». Этот текст, описывающий героя, предающегося размышлениям в ночной комнате, уже очень напоминает начало «Поисков утраченного времени», открывающихся описанием воспоминаний, которые приходят к повествователю в момент отхода ко сну. Третий текст — «Театральные впечатления» — описывает игру нескольких актеров: Муне-Сюлли, Альбера Ламбера, мадемуазель Вебер, а также целый ряд театральных постановок, которые пользовались популярностью в Париже, причем внимание Пруста привлекают и серьезные пьесы (как «Гофолия»), и развлекательные (феерии, водевили, ревю).

Окончание учебы в лицее — повод подвести первые жизненные итоги. За последние два года в учебном заведении происходит осознание Марселем Прустом своего литературного призвания; в контактах с преподавателями и лицеистами определяется творческая ориентация начинающего писателя на новые направления в литературе. Кроме того,

формируется комплекс философских идей Пруста: его привлекает кантовский философский идеализм, а также проблемы рефлексии, самоанализа. Во взаимоотношениях с родителями и товарищами вырабатываются приемы адаптации к социальному окружению, не принимающему сексуальных наклонностей Пруста: разыгрывание ролей, мистификация, секретные послания, выражение своих мыслей намеками.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В СВЕТЕ

Увлечение Марселя Пруста светской жизнью началось еще в классе риторики. Выйти в свет ему было довольно легко благодаря тому, что в лицее Кондорсе обучались дети многих представителей французской политической, экономической и интеллектуальной элиты. Первый важный салон, в который Марселю удалось попасть, принадлежал мадам Строс (1849–1826) — матери Жака Бизе. Осознав, что друг никогда не ответит на его чувства, Пруст переносит на его мать часть своего обожания и компенсирует светскими успехами свои любовные неудачи. Похожий процесс замещения будет описан в романе «В поисках утраченного времени»: повествователь, понявший, что Жильберта Сван не любит его, уравнивает потери в любви своими посещениями салона Одетты Сван, матери Жильберты. Прусту, как и повествователю в романе, удалось быстро заинтересовать мать друга, которая в отличие от родителей Марселя была убеждена в его положительном влиянии на Жака.

Женевьева Строс была дочерью композитора Фроманталя Галеви, автора оперы «Иудейка» (1835), произведения, которое еще ставится на оперных сценах, тогда как другие его творения, имевшие большой успех в эпоху Реставрации и Июльской монархии, ныне совсем вышли из моды. Матерью Женевьевы была Леони Родригес, происходившая из семьи банкиров. Несмотря на престижные родственные связи, детство Женевьевы не было счастливым. Она потеряла отца, когда ей было 13 лет, сестру — в 15. Мать Женевьевы, подверженная приступам безумия и обвиняющая ее в смерти сестры, была помещена в лечебницу. Женевьева вышла замуж за Жоржа Бизе, лучшего ученика ее отца, в 1869 году. Ее сын Жак родился через три года после свадьбы. Гармоничных отношений с мужем выстроить не удалось: отсутствие успеха у Жоржа Бизе и неврастенический характер самой Женевьевы провоцировали конфликты. Потеря мужа через три года после рождения сына стала еще одним ударом для Женевьевы, изгладить который не смогло даже то, что посмертный успех Бизе обогатил ее.

Несмотря на свою неврастению, мадам Строс умела очаровать окружающих, ее острые словечки расходились по Парижу, как, например, ответ на предложение перейти в католичество: «Во мне слишком мало веры, чтобы ее менять». Пруст очень любил неожиданную ремарку мадам Строс из разговора с Гуно, писатель даже использовал ее в своем пастише на «Мемуары» герцога де Сен-Симона. Гуно назвал один из пассажиров

«Иродиады» Массне «совершенно восьмиугольным». «Я именно это собиралась сказать», — мгновенно отреагировала Женевьева. Еще одна остроумная реплика Женевьевы связана с ее отношением к делу Дрейфуса: она была преданной сторонницей несправедливо обвиненного капитана. Больше десятка лет, с 1894 по 1906 год, приговор Дрейфусу являлся одной из главных тем, обсуждаемых по всей Франции. Когда реабилитированный Дрейфус вернулся в столицу, его первый визит был в салон Женевьевы Строс, которая произнесла вместо приветствия: «Ах, капитан, мне так много о вас говорили!»

После смерти Жоржа Бизе Женевьева закрылась у себя на целых пять лет и только потом снова начала принимать в своем салоне: среди ее посетителей были Анри Мельяк, Порто-Риш, Бурже, Мопассан и, конечно, ее двоюродный брат Людовик Галеви. В 1876 году художник Жюль Эли Делоне пишет ее портрет, ныне находящийся в Музее Орсе. Художник придал облику Женевьевы романтический характер: лицо очень красивой женщины с огромными темными глазами и чувственным ртом выражает тревогу, неудовлетворенность, страдание. Однако Делоне явно польстил своей модели: ни на одной из фотографий Женевьева не походит на свой портрет.

В 80-е годы XIX века ее салон входит в моду. После двенадцати лет вдовства в 1887 году она решает выйти замуж за адвоката семьи Ротшильд Эмиля Строса. «Это был единственный способ от него избавиться», — якобы сказала она, намекая на то, что адвокат ухаживал за ней долго и настойчиво. Доходы ее супруга позволили семье переехать в дом 134 на бульваре Осман, где Женевьева открыла салон, который просуществовал до 1925 года. Гостями Женевьевы были кроме названных уже знаменитостей Эдгар Дега, Жюль Лемэтр, актриса Режан, Жак-Эмиль Бланш, Поль Валери, Гюстав Моро, Эдмон де Гонкур, Надар, принцесса Матильда, графини де Севинье и де Греффюль, а также Шарль Аас, член Жокей-клуба и один из главных прототипов Свана в романе «В поисках утраченного времени».

Эдмон Гонкур оставил в своем «Дневнике» несколько записей, посвященных салону мадам Строс. Так, в записи от 17 января 1887 года он рассказывает историю второго замужества Женевьевы: «Кажется, что мадам Бизе была возлюбленной Строса еще до их женитьбы, но этого обладания ему не хватило. В этих отношениях темпераментом мужчины обладала женщина, которая не хотела быть закованной в цепи, темпераментом же женщины обладал мужчина, который хотел, чтобы его любимая принадлежала ему полностью и навечно». Описывая Женевьеву,

Гонкур отмечает «лихорадочное движение ее нежных, черного бархата глаз», а также «кокетство болезненных поз». Эта смесь очарования и нервности заставляла его предполагать, что в ее голове перемешалось «безумие Галеви» и душевная болезнь ее матери. Писатель также высказывает предположение о том, что хозяйка салона была прототипом госпожи де Бюрн, героини романа «Наше сердце» Мопассана: она, как и Женевьева, рано стала вдовой, но в отличие от мадам Строс решила навсегда остаться свободной. Подобно Женевьеве, она умеет очаровывать (все постоянные посетители ее дома в нее влюблены), но внутри всегда остается холодной. Женевьева вдохновит и Марселя Пруста, который представит некоторые из ее черт в образе герцогини Германтской в «Поисках». Он прямо напишет об этом Женевьеве: «Все, что есть остроумного в ней, идет от вас».

Тон преувеличенного поклонения, который принимает Пруст в своих посланиях к мадам Строс, помогает ему покорить ее сердце: в отличие от друзей по лицу светские знакомые ценят умение быть любезным, приятным собеседником. Изысканность обхождения, которую демонстрирует Пруст, не только не шокирует, но, напротив, открывает ему двери парижских салонов. Несмотря на утонченную вежливость, молодой посетитель гостиной мадам Строс позволяет себе быть откровенным с нею. Пруст, например, отправляет Женевьеве письмо, которое торжественно называется «Правда о мадам Строс». Послание начинается с тонкого анализа шарма Женевьевы, который, как вынужден признать Пруст, лишен глубины: «Дело в том, что вначале я подумал, что Вы любите только прекрасные вещи и Вы их очень хорошо понимаете, — но потом я увидел, что Вам они безразличны, затем я подумал, что Вы любите Личности, но я вижу, что и они Вам безразличны». Чтобы компенсировать критический анализ первой части письма и доказать, что он восхищается мадам Строс не меньше, чем раньше, Пруст обещает послать ей самые красивые цветы. «[...] И это, наверное, вызовет Вашу досаду, мадам, потому что Вы не изволите поддерживать чувства, с какими я в мучительном экстазе остаюсь Вашего Равнодушного Величества самым верным слугой», — элегантно завершает Марсель свое послание.

В 1893 году Пруст прямо напишет мадам Строс о том, что салон ее лишился для него привлекательности, поскольку общение с его хозяйкой, всегда окруженной несколькими десятками гостей, невозможно. Когда ему изредка уделяется пять минут, разговор не складывается: если он говорит с ней о книгах, она находит это скучным, если он говорит с ней об окружающих, она находит это нескромным, если же он говорит о ней

самой, она считает это смехотворным. Эта критика представлена в виде приступа ревности платонического обожателя, который утверждает, что даже платоническое чувство требует усилий для его поддержания. Сама возможность быть искренним показывает, что взаимоотношения между Женеви́евой Строс и Прустом не были простым общением между хозяйкой салона и его посетителем: между ними сложилось что-то вроде дружеской привязанности. Переписка с мадам Строс, продолжавшаяся до конца жизни писателя и изданная ныне отдельным томом, составляет одну из самых интересных частей корреспонденции Пруста именно благодаря ее откровенному тону.

Во время летних каникул 1889 года Пруст вместе со своими лицейскими знакомыми совершает поездку, которая тоже может считаться светской. С семейством Финали он отправляется в Остенде — престижный бельгийский курорт, который стал популярен благодаря английской моде принимать морские ванны и покровительству бельгийской королевской семьи. Курортный городок, как сообщают туристические гиды конца XIX века, предоставлял многочисленные возможности для развлечения: казино, где оркестр из пятисот музыкантов давал концерты несколько раз в день; трехкилометровую набережную, выложенную камнем и по вечерам освещенную газовыми фонарями; роскошный концертный зал. А профессиональные спасатели в пробковых жилетах следили за безопасностью тех отдыхающих, которые предпочитали проводить время на пляже из тонкого песка.

Горас Финали, ровесник и одноклассник Пруста, пригласивший будущего писателя в поездку, станет директором Банка Парижа и Нидерландов (1919–1937) и превратится на некоторое время в «серого кардинала» бюджета Франции: в 1925 году его кабинет будет располагаться в одном здании с Министерством финансов. Гуго Финали, отец Гораса, родился в Будапеште в 1844 году и переехал во Францию в 1880-м. Он участвовал в многочисленных финансовых проектах (Банк Франции и Италии, Банк депозитов и амортизации капиталовложений, Тихоокеанская финансовая и коммерческая компания, Банк Париба́ и т. д.). Ему удалось войти в узкий круг финансовой буржуазии благодаря своему двоюродному брату барону Горасу Ландау, представлявшему интересы семьи Ротшильд в Италии. Барон Ландау проживал во Флоренции, его библиотека со множеством редких рукописей была очень хорошо известна знатокам: после смерти Гораса Финали она была передана Национальной библиотеке Италии, а вилла во Флоренции подарена парижской Сорбонне. Кстати, Пруст свяжется с мадам Финали в момент, когда ему в голову придет идея

снять дом недалеко от Флоренции, чтобы провести там несколько летних месяцев, однако его слабое здоровье так и не позволит ему реализовать эту мечту.

Семья Финали — представители финансовой буржуазии, которые, без сомнения, интересовали Пруста. Опыт общения с ними, а также с близкими к ним де Бийи, Фульдами, Ротшильдами нашел отражение в романе в изображении характеров Руфуса Израэля и Ниссима Бернара, а также семьи Блока.

Доброжелательный прием, оказанный Прусту в семье финансистов, оказался недостаточным для того, чтобы развеять его одиночество. Мадам Пруст, обеспокоенная его плохим настроением, обещала сыну писать каждый день из Сали-де-Беарн, где она, как обычно, проходила летний курс лечения. Впрочем, она была уверена, что причиной меланхолии Марселя явились просто неправильный распорядок дня и нервная усталость, потому со всей строгостью настаивала: «Я требую совершенного покоя, часов одиночества, отказа участвовать в экскурсиях».

Однако та тревога, которую Пруст по привычке называл страхом находиться вдалеке от матери, была скорее всего вызвана другими причинами. Молодому человеку пора было определяться с выбором профессии и местом дальнейшей учебы. Принять это решение для него тем более сложно, что его собственное представление о его предназначении и идеи, которые имела по этому поводу его семья, категорическим образом различались. Пруст, по всей видимости, предчувствовал грядущее столкновение с родителями, которые, как он знает, не считали литературную карьеру чем-то приемлемым для их сына: такая карьера, с одной стороны, не гарантировала стабильного заработка, а с другой — требовала огромной силы воли для достижения успеха. Но именно силы воли, как считали близкие Марселя, ему катастрофически не доставало.

Не входя еще в открытый конфликт с родителями, Пруст уже предпринимает шаги в направлении, которое, как ему кажется, приближает его к реализации его мечты. Увлечение Марселя светской жизнью, казавшееся его родным простым стремлением развлечься и удовлетворить свое тщеславие, является выражением его желания войти в литературные круги. Особенно очевидной эта литературная составляющая снобизма Пруста становится при анализе его знакомства с мадам Арман де Кайаве (1844–1910). Летом 1889 года Пруст входит в один из самых важных литературных салонов эпохи, в котором можно было познакомиться со множеством известных писателей и литературных критиков, и прежде всего с Анатолем Франсом (1844–1924).

Мадам Арман де Кайаве проживала в доме 12 на улице Ош, одной из двенадцати, которые выходят прямо к Триумфальной арке. Леонтина Липпман родилась в 1844 году в семье банкира. В 1868-м, выйдя замуж за состоятельного Альбера Армана, она превратилась в мадам Арман. Несколькими годами позднее ее муж добавил к своему имени название замка, владельцем которого он был на юго-западе Франции в Капьяне. Соответственно ее имя трансформировалось в мадам Арман де Кайаве, чтобы потом упроститься до де Кайаве. Как видим, ни она, ни ее супруг не принадлежали к родовой французской аристократии, а потому ее салон не был по-настоящему аристократическим. Он не являлся и музыкальным, так как она не любила музыки. Зато самые блестящие политики, адвокаты, самые талантливые писатели и актеры регулярно собирались у нее: она принимала до сотни гостей за один вечер. По воскресеньям (а она открывала двери своего салона именно в этот день) на улице Ош можно было встретить Пуанкаре, Жореса, Клемансо, графа Примоли, Люсьена Доде, Марселя Швоба, Барреса, Морраса, Дюма-сына, Леконта де Лиля, Эредия, Ренана. По своему положению салон мадам де Кайаве напоминал собрания мадам Вердюрен из романа «В поисках утраченного времени»: это был один из лучших буржуазных салонов, расположенный в светской иерархии сразу за самыми блестящими салонами парижской аристократии.

Мадам де Кайаве начала свою светскую карьеру вместе с госпожой Обернон, еще одной известной держательницей салона конца XIX века, с которой вначале они блистали вместе, дополняя друг друга. В ту эпоху, если в присутствии мадам Обернон начинали хвалить ее подругу, она говорила: «Да, это я ее изобрела». Однако вскоре мадам де Кайаве решила обрести самостоятельность, перетянув в свой салон часть завсегдатаев гостиной своей подруги. Большинство из них просто стали посещать два салона, но исключение составил Анатолий Франс, выбравший мадам де Кайаве, в которую он был влюблен.

Когда Пруст вошел в салон мадам де Кайаве, взаимоотношения между ней и Анатолием Франсом находились на самом на пике страсти и сопровождались постоянными приступами ревности. Отражением этой интенсивной и ревливой привязанности стал роман Франса «Красная лилия»: в нем история мадам де Мартен и господина де Шартра не только напоминает влюбленность Анатолия Франса, но и предвещает некоторые перипетии романа «В поисках утраченного времени», в котором ревность является основой любовного чувства. Близок Прусту и видимый в «Красной лилии» интерес Франса к сложным философским и политическим проблемам, обсуждение которых тонко вплетено в

остроумные светские беседы.

Один из анекдотов из взаимоотношений Франса и мадам де Кайаве будет использован в романе «В поисках утраченного времени». Франс проводил в доме своей возлюбленной целые дни, работая в библиотеке. Вечером же он входил в салон и, делая вид, что только что прибыл, говорил: «Я проходил рядом с вашим домом и не смог устоять перед удовольствием положить к вашим ногам мои клятвенные заверения в очарованной верности». Маркиз Норпуа в романе Пруста будет точно так же притворяться, что он только что оказался в доме мадам де Вильпаризи, чтобы спрятать ото всех свою многолетнюю связь с хозяйкой дома.

Господин де Кайаве, законный супруг Леонтины, оставался равнодушным к увлечению своей жены, поскольку и сам не хранил верности. Каждый раз, когда он видел новое лицо в своей гостиной, он во избежание неловкостей сразу предупреждал: «Я не Анатоль Франс». Господин де Кайаве не был совсем лишен литературного дара, так как под псевдонимом Джип Топсейл он публиковал в «Фигаро» статьи, посвященные яхтингу. Это «хобби», кстати, дало ему однажды возможность «утереть нос» своему сопернику: Анатоль Франс откорректировал одну из статей господина Армана, добавив в нее несколько красивых метафор. Все исправления Франса были отвергнуты газетой. «Ха! Ха! Великий писатель, великий академик! Все ваши красоты посчитали бесполезными!» — потешался супруг, который обычно в салоне своей жены предпочитал хранить молчание, поскольку стоило ему, забывшись, пуститься в рассуждения, как Леонтина прерывала его на полуслове: «Замолчи, ты говоришь только глупости!» Если господин де Кайаве смотрел сквозь пальцы на неверность своей супруги, то мадам Франс была со своей стороны гораздо менее терпеливой: она развелась со своим мужем в 1893 году.

Считается, что встреча с мадам де Кайаве помогла Франсу приобрести вдохновение. Леонтина была уверена в том, что Франс имеет большой талант, и эту уверенность она внушила писателю. В 1886 году она настояла на том, чтобы он принял предложение газеты «Тан» о еженедельной публикации литературной хроники. В результате с 1886 по 1893 год он оставался одним из самых влиятельных литературных критиков Франции. К немногим произведениям, написанным до встречи с Леонтиной, он в течение пяти лет добавил семь новых томов и стал, таким образом, одним из самых популярных писателей. Вместе с увлечением мадам де Кайаве начался антиконформистский период в творчестве писателя: он обратился к критике современных ему социальных институтов, перешел от эстетизма к

более активному участию в политической жизни.

Публикации Анатоля Франса в «Тан» с первого дня привлекли Марселя Пруста, о чем он напишет в своем письме писателю, сообщая, что суббота стала для него настоящим праздником, потому что в этот день он читает его статьи в газете. Письмо написано 15 мая 1889 года сразу после публикации в «Журналь де Деба» критического разбора сборника новелл Франса «Валтасар». Марсель пытается убедить писателя, что тот не должен обращать внимания ни на какие замечания критиков, что у него еще осталось множество восхищенных поклонников. Пруст добавляет, что делает всё для увеличения популярности Франса: в лицее Кондорсе он познакомил с его творчеством не только всех своих друзей, но даже некоторых преподавателей. В конце послания Пруст объясняет, почему его привлекают книги Франса: «Вы научили меня находить в предметах, в книгах, в идеях, в людях красоту, которой раньше я не умел наслаждаться. Благодаря Вам вся вселенная и я сам сделали для меня прекрасными, я стал Вашим другом настолько, что не проходит ни одного дня, чтобы я не подумал о Вас несколько раз, хотя мне еще трудно представить Ваш физический облик». Отношение юного Пруста к Анатолю Франсу будет отражено в романе «В поисках утраченного времени», где писатель Бергот точно так же откроет повествователю ранее не известные ему красоты и точно так же поразит героя своей внешностью, не соответствующей образу, который у него сложился из чтения книг.

Осенью 1889 года Пруст наконец был представлен своему кумиру и получил возможность лично встречаться и беседовать с ним. Фернан Грег, которого Пруст также ввел в салон мадам де Кайаве, сохранил воспоминание об одном из разговоров между двумя писателями. Пруст, пораженный широтой познаний Франса, спросил его, каким образом тот сумел узнать так много. Франсу было приятно услышать такой вопрос, так как его широкий кругозор не был естественным образом получен из его семейного окружения. Его отец происходил из бедной крестьянской семьи и хотя позже стал благодаря своему упорству специалистом по Французской революции, его общая культура носила отрывочный характер. Потому Франс с улыбкой ответил Прусту: «Это очень просто, мой дорогой Марсель; когда я был в вашем возрасте, я не был таким красивым, как вы, не умел нравиться, не выходил в свет, а оставался дома и читал, читал без отдыха».

Светские и литературные знакомства Пруста, которые украсили последние два года в лицее и лето после его окончания, все больше убеждают Марселя в том, что его призванием является литература. Но

принять окончательное решение ему еще трудно, поэтому, отправляясь добровольцем на военную службу, которая позволяла ему на целый год забыть о сложных вопросах выбора жизненного пути, он чувствует себя почти счастливым.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

По закону 1872 года длительность службы в армии составляла пять лет. На практике больше половины призванных проводили в армии в два раза меньше времени, поскольку для государства экономически было крайне невыгодно содержать на военном довольстве молодого человека целых пять лет. При этом существовала лазейка, которая гарантированно позволяла сократить срок службы до одного года: необходимо было записаться в армию добровольцем, заплатить 1500 франков за униформу и административные расходы и пройти в конце года экзамен на звание прапорщика. Хотя в 1889 году законодательство было изменено, уловкой можно было еще воспользоваться до конца осеннего призыва. Эту последнюю возможность сократить срок военной повинности и использовал Пруст, начав 15 ноября 1889 года службу в 76-м пехотном полку в Орлеане в качестве солдата 2-го класса.

Его сослуживцы будут вспоминать о нем как о персонаже из оперетты: слишком длинная шинель, неловкая походка, страх отдачи при стрельбе такой сильный, что он забывает прицелиться. Капитан попросит Пруста покинуть казарму и жить в городе, так как его приступы астмы будят других солдат. Комично закончится и его служба в штабе: неразборчивый почерк Пруста приводит к тому, что полковник Арвер получает нарекания от начальства и вынужден лишить Пруста его «интеллектуального» поста. Финальный экзамен он все-таки сдаст, получив 63-е место из 64-х, при этом в его досье будет записано: «плавать не умеет».

И тем не менее Пруст счастлив: несмотря на все мелкие неприятности, еще и через 15 лет Марсель напишет одному из своих друзей по поводу года, проведенного в Орлеане: «Любопытно, что вы считали свою военную службу адом, а я раем». В одном из автобиографических пассажей сборника «Утехи и дни» Пруст так опишет армейскую жизнь: «Сельский характер местности, простота некоторых из моих товарищей, тело которых осталось более красивым, более ловким, дух более самобытным, сердце более непосредственным, характер более естественным, чем у молодых людей, которых я встречал прежде или которых я встретил позже, спокойствие жизни, в которой все занятия организованы и воображение менее ограничено, чем в какой-либо другой, где наслаждение нас сопровождает тем более постоянно, что у нас нет времени убежать от него, бросаясь на его поиски, все это ныне способствует тому, что я вижу в этой

эпохе моей жизни подобие вереницы картинок, которые полны счастливой правды и шарма и на которые время распространило свою нежную грусть и поэзию». Причиной приподнятого состояния духа Пруста была не только возможность отложить на год решение сложных вопросов, отдавшись простой, здоровой, хорошо организованной жизни, наконец соответствующей гигиеническому идеалу Адриена Пруста. В новом окружении Марсель на время избавляется и от тех конфликтов с родителями и друзьями, которые отравляли его жизнь в последние годы. Насмешки товарищей из лица Кондорсе скоро забыты: общительный и вежливый молодой человек пользуется любовью и офицеров, и товарищей по службе.

Вдобавок к причинам сугубо субъективным имелась еще одна — служба в армии представлялась Прусту, как и большинству его соотечественников, довольно престижной: с армией связывались надежды на возвращение Эльзаса и Лотарингии, потерянных Францией во время войны с Пруссией. Хотя антимилитаристские выступления французских интеллектуалов уже зазвучали, но они пока были совершенно не замечены широкой публикой. Критика интеллектуалов начнет оказывать влияние на общественную жизнь только с 1894 года, то есть после начала дела Дрейфуса.

Сгладить неудобства военной службы Прусту помогало то, что добровольцы занимали привилегированное положение: они служили вместе с остальными солдатами, но их рассматривали как будущих офицеров. Соответственно офицерский состав видел этих молодых людей, выходцев из аристократических и буржуазных семей, равными себе. Кроме того, семья Пруста сделала все, чтобы облегчить условия службы для Марселя. Доброжелательному и заботливому полковнику Арверу Пруст был рекомендован благодаря политическим связям своего отца. В результате будущий писатель был освобожден от наиболее сложных физических упражнений — утренней маршировки, верховой езды и плавания. А мадам Пруст даже приглашала к себе в гости майора медицинской службы Копффа, который должен был присматривать за здоровьем Марселя.

Армия предоставила Прусту даже возможность завести новые светские знакомства. Среди офицеров орлеанского гарнизона выделялся своим происхождением капитан Шарль Валевский, отец которого родился от связи Наполеона с графиней Марией Валевской. Окружающие его военные отмечали и физическое сходство с императором, и необыкновенную вежливость потомка Наполеона. Его можно назвать

прототипом князя Бородино, вызывающего восхищение главного героя в романе «В поисках утраченного времени». Однако сведений о том, что Прусту удалось сблизиться с капитаном Валевским, нет, скорее всего знакомство с ним не пошло далее обмена несколькими фразами во время случайных встреч по делам службы.

Чуть более дружеские отношения устанавливаются с графом де Шоле. По крайней мере в конце года службы граф подарит Марселю свою фотографию с надписью: «Добровольцу Марселю Прусту от одного из его мучителей, Орлеан, 1890». Лейтенант де Шоле будет трансформирован в «Жане Сантее» в Ги де Брюкура, которым сослуживцы восхищаются благодаря его «неординарному уму».

Однако именно с этим персонажем связана одна из самых болезненных сцен романа: в ответ на приветствие Жана офицер отвечает ему не обычным кивком головы, а по-военному приставляя руку к фуражке: таким образом он показывает герою, что отношения между ними никогда не пересекут рамки официальных. В романе «В поисках утраченного времени» такое же шокирующее повествователя поведение приписывается Роберу де Сен-Лу. Сама незначительность события не должна обманывать: ничтожная деталь передает всю непреодолимость дистанции, о которой герой забывает, убаюканный доброжелательностью аристократических друзей. Можно увидеть в этих сценах и более глубокий смысл: они представляют собой описание тревоги от неожиданного открытия новой, незнакомой стороны другого, что является одной из важных тем романа «В поисках утраченного времени».

Военная жизнь не только подарила Прусту один год относительного спокойствия. Марсель также с удовольствием задавал вопросы офицерам о ведении военных действий, организации военной жизни, возможных военных конфликтах и т. д. Эти сведения, полученные из первых рук, вместе с реальным опытом, пережитым в юности, обогатили роман «В поисках утраченного времени» не только описанием жизни военного гарнизона в провинциальном городке Донсьер, но и рассуждениями о философии войны.

ДРУЖБА С ГАСТОНОМ ДЕ КАЙАВЕ

Скрашивать однообразные военные будни Прусту помогали еженедельные увольнительные, которые он проводил то у родителей, то в салоне мадам де Кайаве, который привлекал Пруста не только своими знаменитыми посетителями. Пруст нашел там друга, близкого ему по духу, — Гастона Армана де Кайаве, сына Леонтины. Молодой человек, который был на два года старше Пруста, также проходил добровольную службу, но значительно ближе к Парижу — в Версале. Гастон — веселый молодой человек, одаренный несомненным литературным талантом. Вместе с Робером де Флером он в начале XX века создаст целую серию либретто для оперетт, пользовавшихся большим успехом. Например, пьеса «Король» выдержала несколько сотен представлений. Пруст был так очарован Гастоном, что, возвращаясь в казарму, он говорил только о своем друге, в результате восхищенные его рассказом военные даже отправили Гастону открытку на Новый год.

Пруст сблизился с Гастоном настолько, что тот рассказал ему о своей тайной влюбленности в Жанну Пуке. Пруст с удовольствием принял участие в интриге, в которой уже чувствовался вкус Гастона к комедии положений. Дело в том, что Гастон и Жанна были помолвлены, но из-за юности невесты их влюбленность следовало держать в секрете от отца девушки и от семьи Гастона. При этом мать Жанны была в курсе увлечения своей дочери и с удовольствием играла роль режиссера. Она состояла в переписке с Гастоном, рассказывала ему о переживаниях дочери и давала советы, как лучше покорить сердце Жанны. В этом сценарии нашлась роль и для Пруста — он изображал ложного поклонника Жанны, который отвлекал внимание от реальной влюбленности. Кроме того, он являлся конфиденнтом Гастона и Жанны и не без любопытства выслушивал их признания. Его услужливость доходила до того, что он предложил снять для Жанны, ее матери и Гастона небольшой замок недалеко от Орлеана, чтобы они могли принимать там своих друзей.

Гастон и мадам Пуке очень ценили услуги Пруста, а вот Жанна его недолюбливала: ее поражало отсутствие искренности в его сложных комплиментах, и ей не нравилось, что Пруст исподтишка наблюдал за нею. Недоверчивая Жанна интуитивно чувствовала, что, участвуя в легкой светской комедии, Пруст стремился реализовать какие-то непонятные ей цели. В своих письмах Гастону она нередко называла его свихнувшимся:

«Это определенно очень странный молодой человек, который часто пугает меня своими рассуждениями про нас. Если он верит всему, что он сказал мне по нашему поводу, то мы не сможем удивить его нашими новостями еще года два! [...] В понедельник, когда в какой-то момент было названо твое имя, он незаметно повернулся ко мне и внимательно посмотрел с таким странным видом, что я отвела взгляд, так как почувствовала себя не в своей тарелке».

Интуиция не подвела Жанну. Участвуя в интриге, Пруст выработывал тактику сокрытия своих гомосексуальных привязанностей, которую использовал и позже. Под ложным обожанием Жанны он скрывал свою влюбленность в Гастона де Кайаве. Амплуа незадачливого влюбленного, которое выбрал Пруст, давало ему возможность постоянно быть рядом с другом, делиться с ним самыми сокровенными мыслями без того, чтобы эта близость вызывала подозрения окружающих. Прусту удалось провести даже Гастона, который разорвал дружбу с ним из ревности после того, как Марсель попросил у него фотографию Жанны. Его невесте, кстати, пришлось выбросить письма Пруста в огонь во время одной из сцен ревности, устроенной Гастоном, о чем она очень сожалела позже. Подобные тройственные союзы снова встретятся в жизни писателя в его взаимоотношениях с Луизой де Морнан и Луи д'Альбюфера, с принцессой Сутзо и Полем Мораном. Марсель будет рассказывать о своей выдуманной страсти к женщине тому, кого он любит на самом деле.

История ложной сердечной склонности к Жанне будет повторяться Прустом еще долгие годы. Он напишет, например, Симоне, дочери Гастона и Жанны, в 1910 году: «Когда я был влюблен в Вашу маму, я делал для того, чтобы иметь ее фотографию, вещи невозможные. Но это ни к чему не привело. Я все еще получаю на новый год открытки от жителей Перигора, с которыми я познакомился, чтобы попытаться получить эту фотографию». Симона, кстати, станет впоследствии второй женой Андре Моруа, писателя, который напишет одну из биографий Пруста.

Жанна Пуке постарается спрятать свое ироничное и недоверчивое отношение к писателю в написанной ею и опубликованной в 1926 году книге «Салон мадам де Кайаве». Посмертная слава Пруста заставит ее отказаться от искреннего описания их отношений. Портрет писателя потеряет конкретность и идеализируется: «Марсель нравился всем. Его считали очаровательным. И он был именно таким. Его красота, изящество, любезность приводили женщин в восторг. Его интеллект, его остроумие, его такая оригинальная манера судить о предметах и людях покорили представителей элиты, бывших завсегдатаями на улице Ош».

Своей дочери Симоне Жанна признается, что образ Жильберты в романе «В поисках утраченного времени» во многом списан с нее. Присутствие Гастона и Жанны в романе может быть также обнаружено в описании любви Робера де Сен-Лу и Жильберты Сван. Подобно Сен-Лу, Гастон умирает молодым. Брак его с Жанной не был счастливым, как и брак Сен-Лу. Ходили слухи, что, подобно персонажу романа, Гастон не был верен своей супруге. В семье Гастона и Жанны, так же как и в семье персонажей романа, родилась всего одна дочь.

Среди ложных любовных страданий Пруста настигла печаль вполне реальная: 2 января 1890 года умерла его бабушка по материнской линии. Смерть Адель тронула его тем более сильно, что он видел боль своей матери. Умная, чуткая, заботливая Адель была настоящей подругой Жанны Пруст. В память о своей матери Жанна начала читать и цитировать мадам де Севинье. Марсель посоветовал Жанне еще и другое произведение — «Роман одного ребенка», только что опубликованный Пьером Лоти. Несложное сентиментальное повествование, в котором привязанность к матери является одной из центральных тем, могло как нельзя лучше утешить Жанну. Действительно, мадам Пруст была тронута текстом Лоти, о чем она написала в одном из писем сыну. Роман Лоти — один из тех текстов, которые теплотой своих строк, несомненно, оказали влияние на описание детства повествователя в «Поисках».

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ И ВОЛЬНАЯ ШКОЛА ПОЛИТОЛОГИИ

Через шесть дней после демобилизации в ноябре 1890 года Пруст подал документы на юридический факультет Сорбонны. Выбор факультета явно был сделан по настоянию родителей, которые стремились обеспечить сына благополучной карьерой. Ход рассуждений близких писателя прекрасно описан в романе «Жан Сантей». Отец Жана собирает сведения о том, как получше пристроить сына и спрашивает совета об этом у одного именитого преподавателя права. «Если у него литературные способности, пусть занимается юриспруденцией», — безапелляционно заявляет преподаватель. Однако профессор, по всей видимости, плохо себе представлял, что такое литературный дар, «так как юриспруденция наводила на Жана скуку и он провалил свой первый экзамен». Жан Сантей не осмеливается даже говорить о литературной карьере с родителями, так как они, не желая понимать его намеков, сразу же приводят в пример судей и врачей, которые, несмотря на склонность к литературе, выбрали более доходные профессии.

Неудача Жана Сантея в учебе отражает провал самого Пруста: на втором курсе он не смог сдать часть экзаменов и вынужден был пройти переэкзаменовку осенью. Брат с сочувствием спрашивал его в письме: «Много ли у тебя работы из-за твоего несчастного экзамена по праву? Кажется, бедняжка, что у тебя был сильнейший приступ астмы». Действительно, неудача на экзамене спровоцировала сильный приступ болезни, но Марсель собрался с силами и осенью все-таки получил проходной балл. Чтобы избежать проблем на третьем курсе, он стал брать уроки у Шарля Монно, преподавателя права и известного адвоката, а также занимался с Пьером Лавалле, одним из своих одноклассников из лицея Кондорсе, который уже отучился на этом же факультете и помогал Марселю в занятиях. После окончания третьего курса 29 июля 1893 года в возрасте двадцати двух лет Пруст получил свой диплом юриста.

Право в целом его очень мало заинтересовало. Единственный юридический вопрос, который окажется важным для писателя и найдет отражение в его творчестве, — это знаменитое дело Дрейфуса. Впрочем, подробное описание этого процесса будет сделано только в юношеском романе «Жан Сантей», в более зрелых «Поисках» процесс останется почти без упоминания.

Параллельно с занятиями на юридическом факультете Пруст посещал Вольную школу политологии, учебные курсы которой заинтересовали его гораздо больше. Школа, основанная в 1872 году, представляла собой частное учебное заведение, которое воплотило важнейшую тенденцию в развитии науки и общества во второй половине XIX века. Эмиль Бутми, основатель школы, во время Франко-прусской войны, а также последовавшей за ней Парижской коммуны был поражен тем, что зажиточные слои французского общества были не в состоянии во время революционных событий ни проделать их глубокого анализа, ни предсказать их развития. Для Бутми было очевидно, что необходимо начать научное изучение вопросов политики, управления, власти, а также поставить на научную основу подготовку государственных кадров. Религии, морали, экономики, которые ранее помогали в объяснении происходящих в обществе трансформаций, уже было недостаточно для управления государством. Вольная школа, во-первых, должна была предоставить быстро развивающемуся государству недостающие квалифицированные кадры, а во-вторых, гарантировать доступ состоятельной буржуазии к ключевым постам в государственной системе управления. Учебному заведению удалось реализовать свою цель: его выпускники составили основу высшего административного аппарата Третьей республики: они доминировали в Министерстве иностранных дел, Государственном совете, а также в важнейших государственных финансовых институтах.

В Вольной школе Марсель провел два года на отделении дипломатии, ведущим преподавателем которого был Альбер Сорель (1842–1906), который вместе с Альбером Вандалем считается основателем изучения истории международных отношений во Франции. Преподаватель читал в то время, когда в школе учился Пруст, два курса: «Историю внешних отношений Франции с 1815 по 1878 год» и «Историю дипломатии в эпоху революции и империи». Альбер Сорель был преподавателем с нетипичной карьерой. Он родился в 1842 году в Нормандии в буржуазной католической семье, основной деятельностью которой были промышленность и торговля. Долгое время он колебался между двумя карьерами — литературной (он писал рассказы и сотрудничал с «Ревю де Дё Монд», а впоследствии подготовил два исследования, посвященные Монтеスキё и мадам де Сталь) и дипломатической. В конце концов выбор был сделан в пользу последней, после того как в 1866 году он получил место атташе в Министерстве иностранных дел. Он участвовал в деятельности Правительства национального спасения во время Франко-прусского конфликта. В 1875

году, подводя итоги этого периода своей жизни, он опубликовал «Историю Франко-германской войны». С 1872 года, когда ему исполнилось всего 29 лет, по рекомендации Ипполита Тэна он стал преподавателем в Вольной школе политологии. За несколько десятков лет работы он не только создал новую для Франции учебную дисциплину, но и воспитал несколько поколений французских внешнеполитических работников. Среди его важнейших трудов — восьмитомная «Европа и Французская революция» (1885–1904), написанная на основе изучения редких архивных материалов, а также «Восточный вопрос в XVIII веке» (1877). Его интерес к теоретическим вопросам был настолько велик, что он отказался от постов министра иностранных дел и посла Франции в Берлине, предложенных ему Леоном Гамбеттой. В 1894 году его избрали в Академию наук Франции. Несмотря на общий прогрессивный характер его деятельности, во время дела Дрейфуса он, католик, патриот и консерватор, станет ярким антидрейфусаром.

В основе взглядов Сореля — понятие государства, развитие которого, по мнению историка, определяет весь исторический процесс. Сорель считал, что государства строят свою внешнюю политику, руководствуясь геополитическими интересами, а не идеологией. Потому, например, внешняя политика Франции во время и после революции преследовала те же цели, что и во Франции роялистской. «Самые высокие принципы и самые благородные чувства являются не более чем масками, прикрывающими самые эгоистические интересы», — развивая свою мысль о преобладании экономических выгод над идеологией, утверждал Сорель.

Другим убеждением Сореля было то, что ни один из фактов в истории дипломатии не должен рассматриваться изолированно, что для понимания каждого элемента в отдельности необходимо глобальное видение исторической ситуации. Отсюда интерес Сореля к анекдоту: занимательное событие позволяло ему проанализировать весь комплекс стоявших за ним проблем, обнаружить скрытые за анекдотом закономерности. Такой подход будет характерен и для «Поисков» Марселя Пруста, который стремился за мельчайшими фактами открыть самые общие закономерности человеческого существования. Возможно, что скрупулезность Пруста имела одним из своих источников лекции профессора Сореля, шедшего в своих рассуждениях от самого частного к самому общему.

Одним из веяний времени во французской дипломатии конца XIX века был интерес к Восточной Европе и России. Среди преподавателей Пруста было несколько специалистов по дипломатическим связям с Россией и восточными странами. Прежде всего следует упомянуть Альбера Вандаля,

которому, как вспоминал Робер де Бийи, «нравилось вводить в ужасающую сложность восточных дел живые замечания, предназначенные благодаря остроумному слову зафиксировать в сознании Кючук-Кайнарджийский мирный договор или восстание Ипсиланти». Вандаль интересовался франко-русскими взаимоотношениями, им были написаны книги, посвященные императрице Елизавете Петровне и Александру I. Другой преподаватель, Анатолий Леруа-Болье, читавший лекции о важнейших государствах Европы, также интересовался Россией, которой он посвятил несколько книг: «Империя царей», «Франция, Россия и Европа», «Русский государственный деятель Николай Милютин». Этот дипломат был также литературно одарен: свои впечатления о поездках на Восток он публиковал в «Ревю де Дё Монд», сборник его стихов «Часы одиночества» был опубликован издателем Дантю в 1865 году. И само название сборника, и некоторые составляющие его произведения (как, например, поэма «Венеция», стихотворения «Детство», «Девушки и цветы») близки по своей тональности и содержанию к ранним произведениям Пруста.

Интерес к Восточной Европе можно обнаружить и на страницах романа «В поисках утраченного времени», где упомянуты король Болгарии Фердинанд I, а также русский царь Николай II. Описывая эпоху накануне и во время Первой мировой войны, Пруст мало затрагивает дипломатические связи Франции с Англией, Америкой, Германией, гораздо больше его интересуют взаимоотношения с восточными соседями. Интерес Пруста к дипломатии и анализу внешней политики Франции проявится в романе «В поисках утраченного времени» также в создании образа дипломата маркиза Норпуа, в котором отражены некоторые черты преподавателей Вольной школы политологии. Об этом сходстве говорит, например, Андре Зигфрид в своей книге «С признательностью Эмилю Бутми и Альберу Сорелю»: «Манера Сореля в преподавании заключалась в какой-то в хорошем смысле слова фамильярности с той избранной публикой, которая слушала его лекции. В ней была также такая лестная доверительность старейшины, который делился со своими молодыми преемниками опытом в манере почти задушевной. Поскольку мы были не очень удалены от великих исторических эпох, эта фамильярность не была лишена некоторой торжественности. В этом обаятельном преподавании было даже что-то, какое-то отражение, которое я не могу точно определить, манеры, которую прославил маркиз Норпуа».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
В СТОРОНЕ ГЕРМАНТОВ

ПРУСТ — НАЧИНАЮЩИЙ ЖУРНАЛИСТ

Во время учебы в университете Пруст начинает активно сотрудничать с литературными журналами, все более и более серьезными. Довольно рано он пришел к осознанию того факта, что известность писателя создается не только его произведениями, но и реакцией на них в прессе. В течение всей своей литературной карьеры Пруст будет уделять большое внимание «рекламе» своих произведений и публикациям в периодических изданиях. Несмотря на мнение родителей, уверенных, что их Марсель неспособен на волевые усилия, Пруст никогда не оставался без литературной работы, он трудился постоянно. Представление о том, что Пруст в течение долгих лет был занят только светскими развлечениями, родилось из переноса содержания романа «В поисках утраченного времени» на биографию писателя. На самом деле нет ничего более далекого от реальности, чем идея о лени Пруста. До начала «Поисков» Пруст проделал огромную работу, его перу уже принадлежали десятки статей, эссе, новелл, а также две книги переводов.

Так, совсем недавно, в 90-е годы прошлого столетия, были найдены ранее неизвестные произведения Пруста, которые были написаны и опубликованы им уже в годы учебы в университете. Речь идет о публикациях в журнале «Мансуэль», с которым Пруст сотрудничал с октября 1890 по сентябрь 1891 года. Это было первое нерукописное издание, в котором участвовал Пруст. Публикации в журнале принадлежали в основном самому Марселю, а также основателю издания Отто Буван ван дер Буаджену. Отто, которому только исполнилось 18 лет, был сыном известного архитектора и учеником Вольной школы политологии, где, по всей видимости, он и встретился с Прустом. Отто станет библиотекарем в библиотеке Арсенала, композитором, президентом Концертного общества Сорбонны. Однако в корреспонденции Пруста это имя упоминается лишь однажды, что и привело к тому, что о статьях Пруста узнали совсем недавно. По одной из версий, между двумя молодыми людьми произошел конфликт, который и спровоцировал нежелание Пруста упоминать о своем сотрудничестве с журналом.

Задача издания, как она обозначена в первом номере, была довольно амбициозной: авторы предполагали дать резюме того, что произошло за месяц в области культуры и политики в Париже и во Франции. Такой глобальный взгляд на реальность напоминает подход, который будет

использован Прустом в романе «В поисках утраченного времени». Единственное отличие заключалось в том, что в «Мансуэле» описывалась современность, а в «Поисках» речь пойдет о прошлом. Однако амбициозная задача была еще слишком сложной для молодого автора: своей всеядностью и поверхностностью «Мансуэль» скорее напоминал туристические проспекты для иностранцев, желавших открыть для себя все радости парижской жизни, чем глубокий философский роман. В журнальных статьях видно увлечение Пруста внешним блеском происходящего вокруг, его рассуждениям пока не хватает глубины, его выбору — вкуса, а оценкам произведений искусства — знаний.

Для своих публикаций Пруст использовал псевдонимы, потому определение авторства делается на основе анализа стиля, а также содержания статей, которые имеют сходство со зрелым творчеством писателя. Интересы Пруста можно разделить на две сферы. С одной стороны, его перу принадлежат описания светской жизни и парижской моды, а с другой — находятся тексты, в которых Пруст пробует себя то в качестве критика, описывающего свои впечатления от живописи, музыки, театра, то в качестве автора небольших художественных произведений.

В описаниях светской жизни и новых веяний в области одежды Пруст следовал литературной традиции, заложенной Малларме, который в течение одного года издавал журнал «Последняя мода». В своих статьях Пруст пока в основном просто фиксировал модные нововведения: большие фетровые шляпы с перьями и голубыми шелковыми цветами, черепаховые гребни, корсажи, турнюры, пелерины в стиле Генриха II, жакеты в стиле Людовика XV, воротники в стиле Медичи. Многие из упомянутого будут воспроизведены в романе «В поисках утраченного времени»: так, черепаховый гребень получит Альбертина, возлюбленная главного героя. Серый цвет, также упомянутый в статьях «Мансуэля», станет в «Поисках» воплощением самого изысканного вкуса: Пруст будет противопоставлять дам, которые предпочитают элегантность, бросающуюся в глаза, тем, кто одевается не менее элегантно, но чей вкус гораздо труднее оценить, так хорошо он спрятан за неброским серым цветом. А вот описание внешности актрисы Иветт Гильбер имеет уже совсем прустовский характер. Молодой писатель сообщает: «Одетая в белое платье, которое делает еще более заметными ее длинные черные перчатки, она своим бледным от пудры лицом, на котором слишком красный рот сочится кровью как порез, напоминает очерченные грубыми контурами и полные интенсивной внутренней жизни создания, которые часто встречаются на полотнах Рафаэлли». Образ Иветты Гильбер поражает трагизмом (кровавая рана

рта, бледное лицо, интенсивные эмоции) и заставляет вспомнить о судьбе актрисы Берма в романе «В поисках утраченного времени». Описание, данное Прустом, также очень живописно: оно построено на благородном контрасте трех цветов — белого, черного и красного. Кроме того, молодым автором уже найден один из приемов, характерных для описаний зрелого Пруста, — это отсылка к произведениям известных художников.

Более интересны опубликованные в последнем номере «Мансуэля» художественные тексты Пруста, которые вдохновлены поездкой юного автора в Нормандию летом 1891 года. Пруст отправился в Трувиль, в замок Ле-Фремон, принадлежавший семейству Бэньер: его пригласил товарищ по лицу Кондорсе Жак Бэньер, чей дядя-финансист и владел расположенным на вершине высокого холма небольшим шато. Одной из замечательных особенностей роскошной резиденции был огромный, вытянутый в длину салон, все окна которого выходили на море. В романе «В поисках утраченного времени» такой же салон будет описан Прустом на вилле Ла-Распельер, которую снимает семейство Вердюрен.

Трувиль вошел в моду не благодаря туристам из Англии, как Дьеп или Остенде, а благодаря художникам, которые с начала XIX века приезжали сюда для того, чтобы рисовать морские пейзажи. Курбе, Уистлер, Моне, Коро, Боннар, Дега, очарованные пляжами, набережной, портом, белыми скалами, яркой зеленью, регулярно посещали этот нормандский городок. Вслед за художниками в Трувиль потянулась и аристократия, желающая своими глазами увидеть красоты, изображенные на картинах. В окрестностях Трувиля светские люди начали строить элегантные жилища для отдыха летом: особенно красивы были Персидская вилла, замки Курбрюле, де Рош, де Мюрье. Поездки в Трувиль вошли в моду и благодаря техническому прогрессу: как сообщают рекламные афиши 1890-х годов, дорога на поезде от Парижа занимала всего около трех с половиной часов. Пруст приедет в Трувиль и в следующем, 1892 году: вилла Ле-Фремон будет при посредстве Пруста снята семейством Финали. Затем замок, так полюбившийся Марселю, будет куплен Горасом Ландау для своей племянницы.

Один из текстов, посвященных Нормандии, представляет собой пейзажную зарисовку: Пруст описывает сельскую местность и морское побережье вблизи Трувиля. Повествователь наблюдает за ними с расположенной высоко над морем террасы и отмечает, что эта самая богатая сельская местность Франции неиссякаемым изобилием ферм, коров, сливок, яблонь, сидра, густых газонов приглашает сначала только отдохнуть, однако с приходом ночи она приобретает таинственность и

«соревнуется в меланхолии с огромной равниной моря». Новелла «Воспоминание» является более сложным текстом, в котором пейзаж играет только вспомогательную роль. Новелла рассказывает о герое, приехавшем на берег моря, чтобы навестить там женщину, которую он когда-то любил. Одетта, живущая в доме на холме над морем, больна и не покидает более своего шезлонга, проводя целые дни в чтении и воспоминаниях. Она одинока: ее мать умерла, отец слишком стар, брат занят собственными любовными переживаниями (его обманула любимая женщина), а сестра слишком молода. Главный герой также покидает Одетту, так и не сумев признаться, что он когда-то боготворил ее. История Одетты будет развита писателем в нескольких новеллах сборника «Утехи и дни», где Пруст более подробно опишет прошлое героев, сместив акцент с описания пейзажа на психологию персонажей.

После закрытия «Мансуэля» (последний номер вышел в сентябре 1891 года) Пруст участвовал в создании нового журнала, тоже просуществовавшего всего один год. В начале 1892 года Пруст встречался со своими старыми друзьями из лицея Кондорсе и обсуждал с ними свежий литературный проект. К авторству в журнале были привлечены в основном давние знакомые Пруста: Жак Бизе, Фернан Грег, Робер Дрейфюс, Луи де Ласаль, Даниэль Галеви, Горас Финали. Позже к ним присоединятся Габриэль Трарье (поэт, публиковавшийся в «Мансуэле»), Робер де Флер, Анри Рабо, Гастон де Кайаве, Леон Блюм, Анри Барбюс. Хотя идея нового издания была одобрена сразу, организаторам никак не удавалось придумать название. После веселого и шумного обсуждения на первом заседании друзья смогли найти лишь одно слово — «хаос», которое могло бы объединить все их идеи. На втором заседании было предложено еще около пятнадцати наименований. В конце концов остановились на «Пире», названии, которое намекало на одноименный диалог Платона и заставляло вспомнить античную традицию обсуждения сложных философских проблем в кругу друзей. Члены редакции должны были платить ежемесячно по десять франков: на эту сумму и осуществлялось издание сначала четырехсот, а затем двухсот экземпляров. Печать стоила недорого благодаря связям Жака Бизе, который был знаком с директором типографии газеты «Тан». Возглавил редакцию журнала, увидевшего свет всего восемь раз, Фернан Грег, самый серьезный и организованный из друзей. Даниэль Галеви, Робер Дрейфюс и Пруст составили редакционный комитет, принимавший решение о возможности публиковать те или иные произведения.

В первом номере журнала в обращении к читателю молодые люди

сформулировали кредо своего издания. Хотя они определяли его словом «эkleктизм», тем не менее их позиции были довольно определенными. Они выступали против литературной моды на «заумь», которая стала порабощать литературные издания, близкие к символизму. Выход из «заумного» тупика молодые авторы видели по-разному. Во-первых, в обращении к идеям иностранных авторов (в журнале будут опубликованы отрывки из произведений Ницше, Ибсена, Теннисона, Россетти, Шелли, Суинбёрна). Многие из этих переводов были сделаны Даниэлем Галеви. Преодоление пределов французской литературной традиции привлекало и Пруста, который впоследствии будет очень интересоваться, например, русским романом: вначале главным образом творчеством Льва Толстого, а затем Федора Достоевского. Второй способ выхода из литературного застоя молодые авторы видели в возврате к французской литературной традиции, смешению классицизма с романтизмом (эта идея развивалась Робером Дрейфюсом и была также близка Прусту). Третью возможность они видели в опоре на интересные, с их точки зрения, открытия декадентской прозы (что будет реализовано в таких текстах, как «Пессимизм» Фернана Грега или «Размышления о самоубийстве моего друга» Леона Блюма). Впоследствии тема самоубийства друга будет также использоваться Прустом в его новеллах.

Пруст с жаром принимается за работу в журнале. Практически в каждом номере он публикует несколько художественных текстов, многие из которых будут им перепечатаны в сборнике «Утехы и дни». В том, что касается их тематики, то она напоминает ту, что мы встречали в «Мансуэле», так как их основу составляют зарисовки из светской жизни. Однако при этом многие тексты приобретают более психологический характер: перед нами уже не просто журналистская работа, фиксирующая то, что происходит в парижском свете. Пруст пишет произведения, опирающиеся на жанр психологической светской новеллы, созданный писателями-романтиками. Это небольшие тексты величиной от одной до трех страниц, а иногда и всего в один абзац, одной из главных тем которых является несчастная любовь. Пессимизм Пруста по поводу возможности гармоничных любовных отношений виден уже в этих первых произведениях.

Так, новелла «Возлюбленные Фабриса» из третьего номера журнала проводит «эксперимент» по изучению возможности взаимоотношений с женщинами, обладающими красотой и умом в разных сочетаниях. Рассказ начинается с описания увлечения главного героя женщиной красивой и умной, однако ее ум не только не вызывает восхищения Фабриса, но,

напротив, мешает ему наслаждаться ее красотой. Поэтому он находит себе возлюбленную красивую и обделенную интеллектом. Но скоро ее ограниченность ему надоедает. Тогда Фабрис влюбляется в женщину просто умную, которая, к удивлению главного героя, не отвечает ему взаимностью. После перебора всех возможных сочетаний ума и красоты новелла подводит читателя к выводу, что Фабрис не может быть счастливым ни с одной женщиной.

Мы снова встречаемся с Фабрисом в новелле «Непостоянный» в третьем номере «Пира»: герой продолжает менять одну влюбленность на другую, переходя от Ипполиты к Барбаре, от Барбары к Клелии. И вот новая попытка: герой влюбляется в Беатрис, но предвидя, что его увлечение продлится недолго, он уже размышляет о том, что когда его любовь к Беатрис минует, он станет ее другом, будет навещать ее, вести с ней занимательные беседы. Однако после того как его чувства проходят, ему становится скучно с Беатрис настолько, что он не может провести с нею даже десяти минут. Ему скучно со старой привязанностью, потому что все его мысли заняты новой — Джулией.

В новелле Пруст развивает важную для его творчества идею о том, что сам объект любви не имеет значения для возникновения чувства. Привязанность может родиться по отношению к любой женщине, вне зависимости от ее достоинств. Поэтому стоит эмоциям пройти, как бывшая возлюбленная теряет всякую привлекательность. Очарование ее связано исключительно с внутренним состоянием влюбленного.

Еще более развернутое описание возможных любовных неудач дано в новелле «Виоланта и светская жизнь», опубликованной с подзаголовком «Сказка» в седьмом номере «Пира». Героиня новеллы, дочь виконтессы Стирии, страдает от недостатка воли, который вызывает беспокойство ее родителей. Но поскольку она остается сиротой в 15 лет, родные не могут уберечь ее от ошибок. Оноре, юноша шестнадцати лет, пришедший к гостям к Виоланте вместе с сестрой ее матери, зароняет в ее душу соблазн разговорами о любви. Героиня долго колеблется, стоит ли ей встречаться с Оноре; наконец она решается назначить ему рандеву. Но ее решение принято слишком поздно: молодой человек отправляется в долгое морское путешествие. Чуть позже Виоланта влюбляется в Лоранса, молодого англичанина, который не отвечает ей взаимностью. Для того чтобы покорить его, она бросается в светские развлечения, создавая видимость равнодушия. Лоранс наконец разделяет ее чувства. Но теперь уже сама Виоланта испытывает отвращение к его низости. Она выходит замуж по расчету и страдает от скуки. Однако даже испытывая отвращение к

светской жизни, она не находит сил вернуться на родину, в свою родную Стирию. Привычка оказывается сильнее, чем тщеславие, отвращение, презрение и даже скука. Это наиболее разработанный текст Пруста, который имеет явный автобиографический характер. Среди автобиографических мотивов находим «безволие» героини, от которого, как ему кажется, страдает сам Пруст, а также привязанность Виоланты к матери и беспокойство родителей, вызванное характером их ребенка. Все эти темы напоминают перипетии семейных взаимоотношений самого писателя.

Рядом с художественными текстами Пруст публиковал критические разборы произведений других авторов (Луи Гандара, Анри Ренье), а также несколько философских эссе: о современных модах, о потере государством религиозности, о красоте. Три последних вопроса будут важны для Пруста в дальнейшем. Мода будет одной из главных тем его художественных произведений. Проблемы религии снова заинтересуют его в момент, когда церковь будет отделена от государства во Франции. Тайна красоты и ее источников (находятся ли они вовне или их следует искать внутри самого человека, в его воспоминаниях о том, что он видел в ходе своей жизни) также будет еще неоднократно исследоваться Прустом.

ПОРТРЕТЫ И АВТОПОРТРЕТЫ

Живописный Трувиль подготовил Прусту еще один подарок. На вилле Ле-Фремон в начале октября 1891 года Жак-Эмиль Бланш (1861–1942), один из известнейших светских художников, с которым Пруст познакомился в одном из парижских салонов еще в период своей военной службы, сделал карандашный портрет писателя. Художник был последователем и учеником Фантен-Латура, Мане и Дега и быстро приобрел популярность в качестве портретиста в среде парижских интеллектуалов и артистов. Его кисти принадлежат портреты Барреса, Малларме, Жида, Кокто, Стравинского, Джойса, Бергсона, Жироду, Валери. Вхождение художника в артистический бомонд произошло естественным путем: его отец Антуан Бланш и дед Эспри Бланш были врачами и специализировались на нервных болезнях, при этом лечили они по большей части представителей парижского света. Так, в клинике деда оказывалась медицинская помощь несчастному Жерару де Нервалю. Пруст позже будет с юмором вспоминать об отце художника: «Если я высказывал мнение, с которым Жак Бланш не соглашался слишком энергично, доктор, [...] привыкший иметь дело с сумасшедшими, строго отчитывал своего сына: “Погоди, Жак, не мучай его, не волнуй. Придите в себя, мой друг, старайтесь сохранять спокойствие, он совсем не думает того, что говорит; выпейте немного холодной воды маленькими глотками, считая до ста”».

Бланшу очень удался карандашный набросок. Художник в своих воспоминаниях сравнивал Пруста с «юным жителем Ассирии», ему казалось, что в лице писателя есть что-то восточное. Сходное мнение о внешности Пруста оставил Поль Дежарден, его соученик по лицу Кондорсе, который назвал своего друга «юным персидским принцем с огромными глазами газели». На карандашном портрете взгляд прекрасных темных глаз Марселя гипнотизирует, притягивает к себе, заставляет вглядываться снова и снова. Взор писателя сосредоточен, но обращен не к зрителю, а углублен в самого себя. Лицо бледное, чуть одутловатое, глаза обведены темными кругами: Пруста можно принять либо за утомленного болезнью молодого человека, либо за посетителя салона, проведенного в развлечениях очередную бессонную ночь. Энергичный рисунок художника прекрасно передает тревожную внутреннюю жизнь писателя.

Если карандашный портрет Бланша дает возможность хотя бы отчасти проникнуть во внутреннюю жизнь Пруста, то портрет маслом, написанный

тем же художником, показывает нам другую — более парадную, светскую сторону характера Пруста. Портретист будет работать над картиной весной 1892 года. Полотно лишено большой психологической глубины, написано в академическом стиле. Бланш, обладая несомненным талантом, не поднялся как живописец выше подражаний своему учителю Мане. Сам Пруст ценил в произведениях своего светского знакомого скорее выбор моделей и способность угадать в них будущих знаменитостей, чем качество картин. Однако это критическое отношение Пруста не распространялось на его собственный портрет: писатель восхищался созданным художником образом денди в элегантном костюме с орхидеей в петлице. Портрет был выставлен на Марсовом поле в 1893 году. Пруст с удовольствием показывал картину друзьям, этот портрет всегда висел на видном месте во всех жилищах писателя. Ныне это полотно находится в коллекции Музея Орсе.

В романе «Жан Сантей» Пруст рассказывает о портрете, который очень напоминает картину Бланша: это изображение главного героя, «... блестящего молодого человека, который, казалось, еще позировал перед всем парижским светом без застенчивости, но и без вызова, смотря своими красивыми вытянутыми и белыми, как свежий миндаль, глазами, не выражающими пока никаких мыслей, а потому похожими на глубокий, но пустой резервуар». Думается, что портрет Бланша привлек писателя тем, что он представлял собой тот идеальный светский образ (лишенный глубины, но очаровательный и свежий), который ему хотелось бы представить окружающим.

ШАРЛЬ ААС

Среди светских знакомых Пруста периода учебы в университете уже можно выделить нескольких, которые окажут влияние на систему персонажей «Поисков утраченного времени». Среди них стоит прежде всего назвать Шарля Ааса (1833–1902), главного прототипа Шарля Свана в романе. Шарль Аас, с которым Пруст впервые встретился в салоне мадам Строс, покорила парижский свет, очаровав его остроумием и элегантностью, несмотря на свое незнатное происхождение. По словам Бони де Каслана, одного из его светских друзей, Аас «удивлял своей интуицией, тонкостью, умом» и «принадлежал к той категории праздных людей, остроумных и бесполезных, которые составляли сливки светского общества, хотя их главным достоинством было лишь то, что они сплетничали перед ужином в Жокей-клубе или у герцогини де Латремуй». Сам Аас имел привычку называть себя «единственным иудеем, допущенным в парижский свет и не имеющим огромного богатства».

Аас имел все-таки более широкий круг интересов, чем пишет о нем Бони де Каслан: он увлекался литературой и искусством, являлся завсегдатаем литературных салонов и ателье художников. Среди его друзей были Дега, Монтеスキю, Бурже. Особенно он интересовался итальянской живописью. Его страсть к искусству была так широко известна, что по рекомендации Мериме в 1868 году Ааса назначили генеральным инспектором исторических памятников.

В 1868 году художник Тиссо изобразил Ааса на картине «Кружок с улицы Руаяль» вместе с принцами Полиньяком и Сен-Морисом, маркизами де Ло и де Гане и генералом Галифе. Кстати, благодаря этому полотну мы можем быть уверены в том, что прототипом Свана в романе был именно Аас, так как повествователь, в очередной раз смешивая реальность и выдумку, дает название этой картины Тиссо, когда описывает Свана.

И на полотне Тиссо, и на некоторых удачных снимках, дошедших до нашего времени, мы видим высокого, худощавого, элегантно одетого мужчину с правильными чертами лица, красиво закрученными усами и светлыми, вьющимися волосами. В позе Шарля Ааса есть какое-то загадочное очарование: она сочетает в себе, с одной стороны, утонченность, прекрасный контроль над собственным телом, а с другой — свободу и естественность. Быть светским человеком для него совсем не тяжкий труд: у него уверенный разворот плеч и спокойное лицо,

привыкшее не выдавать никаких эмоций. При этом чуть откинута назад голова, приподнятые брови и упирающийся в фотографа взгляд как будто создают между Аасом и всеми остальными людьми невидимую дистанцию, которую непрошенный собеседник не сможет преодолеть. Перед нами идеальный светский человек — его высокомерие настолько элегантно и естественно выражено, что становится очаровательным.

Шарль Аас на всю жизнь остался холостяком, хотя разговоры о его многочисленных любовных связях ходили по всему Парижу. Какое-то время он был любовником Сары Бернар, которая писала ему письма, полные страсти, хотя он сам считал ее женщиной, недостойной внимания, и изменял ей. Несмотря на это, Сара продолжала его обожать и оставалась его преданным другом до смерти Шарля. От связи с испанской аристократкой Аделаидой де Арреллано маркизы д'Одифрет в 1881 году у Шарля Ааса родилась дочь Луизита, чья дата рождения совпадает с датой рождения Жильберты Сван, дочери Шарля Свана в романе «В поисках утраченного времени».

Светские успехи Ааса восхищали Пруста потому, что он идентифицировал себя с элегантным Шарлем: как и Аас, Пруст происходил из состоятельной буржуазной семьи, которой был закрыт вход в самые аристократические салоны Парижа, и до того, как он стал известным писателем, Пруст мог рассчитывать лишь на свое обаяние в покорении парижского света. Можно видеть в судьбе семьи Ааса сходство с социальным восхождением семьи самого Пруста. Старший Аас, происходивший из Франкфурта, переехал в Париж в 1816 году, а восемь годами позже он уже работал на Ротшильдов и женился на Софи Лан, дочери коммерсанта. В 1828 году Архив Консistorии назвал его в списке пятидесяти наиболее богатых иудеев Парижа. Он, умерший, когда Шарлю было всего шесть лет, составил свое состояние, работая в качестве биржевого маклера.

Следует при этом отметить, что хотя персонаж Шарля Свана имеет огромную важность в развитии сюжета романа «В поисках утраченного времени», писатель знал его прототипа довольно плохо, встречался с ним редко, о чем он прямо напишет в романе: «И все-таки, дорогой Шарль Сван, хотя я вас так мало знал, когда был молод, а вы были уже у могилы, только благодаря тому, что тот, кого вы, должно быть, считали слабоумным, сделал вас персонажем одного из своих романов, о вас еще говорят и вы продолжите жить». Шарль Аас в отличие от своего двойника в романе никогда не был близок к семье писателя, никогда не бывал в Илье, его дочь никогда не вызвала привязанности Пруста. Аас никогда не был женат на

даме полусвета, как это сделал вопреки мнению всех своих блестящих светских друзей Шарль Сван.

Любимый персонаж Пруста приобретает важность благодаря тому, что он становится автобиографическим. Работая над первыми вариантами романа, Пруст даже смешивал в своих рукописях истории, относящиеся к повествователю и к Свану. Так, любовные увлечения на берегу моря первоначально были связаны со Сваном, и лишь позднее его место занял главный герой романа. Отсутствие информации о прототипе не становится препятствием для творческой работы Пруста: напротив, притягательный, но неопределенный образ дает возможность легкой идентификации с ним. Таким образом, Сван становится в романе двойником Пруста, автобиографическая информация делает персонажа сложным и глубоким.

Примером сходства между Сваном и Прустом может служить то, как относятся их близкие к увлечению светом. Родные повествователя не могут себе представить, в какие самые закрытые аристократические круги вхож их друг Сван. Если он говорит им о какой-нибудь принцессе, они уверены, что речь идет о принцессе полусвета. Если он жалуется на скуку на каком-то светском рауте, родные принимают его слова за чистую монету и приходят к выводу, что он посещает только собрания, не заслуживающие никакого интереса. Шарль из скромности не развеивает предубеждений своих друзей. Подобное поведение очень напоминает прустовское: в одной из своих статей писатель рассказывал о комической ситуации, спровоцированной его первыми выходами в свет. Пруст, боясь ранить самолюбие своих товарищей, избегал рассказывать им о своих новых знакомствах. В результате они решили, что у него совсем нет никаких светских связей. Одного из этих друзей он встретил в омнибусе, отправляясь на бал к принцессе Ваграм. Тот заметил его белый галстук и с удивлением спросил, зачем Пруст его надел, если он никогда не бывает в свете. На что смущенный Марсель пробормотал, проглотив слово «принцесса», что он идет на «бал Ваграм». Пруст не знал в тот момент, что в зале Ваграм давались балы для официантов и прислуги. Друг Пруста, услышав объяснение, с возмущением заявил: «Мой дорогой, как минимум не стоит делать вид, что вы приглашены в свет, если вы настолько лишены связей, что вам приходится ходить на балы для слуг, к тому же платные!»

Трансформация реальной биографии Ааса идет не только в направлении идентификации автора с персонажем, но и в сторону адаптации к нуждам романа. Этот процесс предполагает поиск возможных связей между темами, которые важны для Пруста. Например, писателя интересует история с поцелуем матери. Пруст ищет и находит способ

объединить ее с образом, вдохновленным Аасом: Сван превращается в близкого знакомого семьи повествователя, и сцена вечернего расставания происходит в момент, когда он находится в гостях у родителей главного героя. Мы видим рождение событий из повествовательной необходимости. Неожиданные совпадения, так часто встречающиеся на страницах романа, — один из технических приемов, порождение запущенной в ход механики романа, требующей объединения разнородного материала в единое целое. Из адаптации нескольких важных для Пруста сюжетных линий и рождается история Шарля Свана в романе.

ГРАФИНЯ ДЕ ШЕВИНЬЕ

В начале 1892 года Пруст познакомился с графиней де Шевинье, урожденной Лорой де Сад (1859–1936), одним из главных прототипов герцогини Германтской в романе «В поисках утраченного времени». Лора де Сад происходила из старой дворянской провинциальной семьи, гордившейся тем, что среди ее предков была знаменитая Лаура, которой поклонялся Петрарка. По мнению графини, Лора де Нов, проживавшая в Авиньоне в XIV веке, стала вдохновительницей итальянского поэта. Среди предков мадам де Шевинье были сторонники и других типов любви. Лора де Сад не скрывала, что была внучатой племянницей маркиза де Сада, что придавало некоторую пикантность ее собраниям. В 20 лет она вышла замуж за графа де Шевинье, принадлежавшего к древней аристократической семье, и ей удалось установить знакомство и дружбу со всем Сен-Жерменским предместьем, а также со всеми правящими фамилиями Европы. Впрочем, вход в ее салон не был закрыт и для незнатных людей, умеющих поддержать занимательную беседу. По воспоминаниям принцессы Бибеско, Лора «всегда была готова ответить собеседнику остроумной ремаркой и говорила “ты” всем присутствующим хриплым голосом, который, казалось, осип от столетий властных приказаний».

История знакомства Пруста с графиней началась с промаха писателя. Марсель был очарован Лорой и рассказами о ее салоне настолько, что стал ее преследовать: каждое утро он отправлялся на авеню де Мариньи, чтобы увидеть ее во время утренней прогулки. Сначала графиня думала, что ежедневные встречи не более чем случайность. Затем, когда она заметила горящий взгляд Пруста, преследования молодого человека начали ее пугать. Марсель, не замечая страха аристократки, решился обратиться к ней с несколькими словами, на что перепуганная Лора нашла силы только пробормотать, что ее «ждет Фитцджеральд», после чего развернулась и, ускоряя шаг, бросилась по направлению от «преследователя».

Несмотря на то что установить короткое знакомство Прусту не удалось, он в мае 1892 года в третьем номере журнала «Пир» опубликовал портрет мадам де Шевинье, который явился первым наброском внешности герцогини Германтской. Писатель упоминает «...птичий, нос с горбинкой, глаза пронзительные и нежные, руки в белых перчатках, положенные на бортик театральной ложи». Далее Пруст развивает мысль о сходстве Лоры

с пернатыми, рассказывая, что «...никогда не мог встретить ее сыновей или племянников, которые все имеют нос с горбинкой, тонкие губы, пронзительные глаза, слишком тонкую кожу, без того, чтобы не распознать в них ее “расу”, берущую свое происхождение, без сомнения, от какой-то птицы или богини».

Пруст сблизился с графиней только после 1905 года, когда его промах забылся. Однако после публикации «Стороны Германтов» между Прустом и мадам де Шевинье возникло новое непонимание. Лора слишком близко к сердцу приняла некоторые насмешливые описания герцогини Германтской. Обиженный и раздраженный Пруст, рассказывая в одном из писем своему другу де Гишу о своем конфликте с мадам де Шевинье, сравнивал ее с «упрямой курицей», которую прежде он принимал за «райскую птицу».

ПРИНЦЕССА МАТИЛЬДА

Еще одно светское знакомство Пруста окажется связанным с романом «В поисках утраченного времени»: в 1891 году начинающему писателю удалось войти в салон принцессы Матильды (1820–1904), племянницы Наполеона, дочери Жерома Бонапарта, короля Вестфалии. Когда-то она была замужем за князем Анатодем Демидовым, племянником Николая I, человеком грубым и несдержанным, с которым она в конце концов развелась. Принцесса будет упомянута под своим настоящим именем в романе «Под сенью девушек в цвету»: повествователь будет ей представлен в Булонском лесу Сваном. В своем представлении Сван перемешает реальные и выдуманные факты. «Это принцесса Матильда [...] вы знаете, она была знакома с Флобером, Сент-Бёвом, Дюма. Только представьте, что это племянница Наполеона! Ее руки просили сам Наполеон Третий и русский император», — скажет он.

Пруст опишет свои впечатления от салона принцессы в статье «Один исторический салон. Салон ее императорского величества принцессы Матильды», опубликованной в «Фигаро» в 1903 году. В статье Пруст цитирует несколько связанных с принцессой анекдотов. Например, историю о том, как ее родственник принц Луи Наполеон решил избрать армейскую карьеру. Принцесса, недовольная этим решением, заявила, что существование одного военного в семье не дает права другим делать подобные глупости. Когда ее спросили о том, что она думает о Французской революции, ожидая, что представительница высшей аристократии будет говорить о ее ужасах, принцесса неожиданно заявила: «Французская революция? Да без нее я бы продавала апельсины на улицах Аяччо!»

В салоне принцессы бывали такие знаменитости, как Мериме, Сент-Бёв, Тэн, Флобер, братья Гонкур, Мюссе. Однако в эпоху Пруста, когда принцессе было уже 70 лет, из былых гениев остались в живых лишь Тэн и Эдмон Гонкур. В 1887 году она разорвала отношения с Тэном, потому что он написал серию критических статей о Наполеоне. Гениев в ее салоне заменили завсегдатаи со странностями: так, граф Жозеф Примоли собирал марки. Гости принцессы посмеивались над филателистом до того момента, пока он не продал свою коллекцию за огромную сумму. Другой страстью Примоли была привычка приглашать к себе на ужин смертельных врагов. Вошла в легенду и подруга принцессы баронесса де Гальбуа, известная

своей недалекостью. Она, например, заявила однажды, что Флобер читал ей «Бювара и Пекюше». Когда же присутствующие стали высказывать сомнения по поводу возможности такого чтения, она решила признать свою ошибку, но лишь наполовину. «Возможно, Флобер читал мне только Бювара, но не Пекюше», — пробормотала она. Одна из историй, которые рассказывали о баронессе, была использована Прустом в романе. Мадам де Гальбуа, услышав однажды, что речь идет о телефоне, совсем свежем на тот момент изобретении, решила показать, что очень ценит нововведения. «О, телефон, — прервала она беседующих, — я не видела ничего более замечательного со времени изобретения... столоверчения». В тексте Пруста одна из недалеких гостей вечера в салоне Вердюренов использует подобное комическое сравнение со столоверчением для того, чтобы описать свое восхищение сонатой Вентейля.

МАДЛЕН ЛЕМЕР

Салон мадам Лемер (1845–1928) был одним из самых оригинальных в парижском свете. Она принимала гостей в небольшом особняке на улице Монсо по вторникам. Пруст в своей статье «Сиреневый сад и мастерская роз. Салон мадам Мадлен Лемер», опубликованной в «Фигаро» в 1903 году, расскажет, что особняк представлял собой трехэтажное здание, к которому прилегало застекленное ателье, окруженное сиреневым садом. Мадам Лемер, владелица особняка, была исключительно влиятельна и известна не только во Франции, но и за ее пределами. Ее подписи на акварели и на приглашении ценились в парижском свете более, чем произведения любого другого художника и приглашения любой другой хозяйки салона. Александр Дюма, желая сделать ей комплимент, сказал как-то, что только сам Создатель может поспорить с мадам Лемер в количестве сотворенных роз. Действительно, любимым жанром этой художницы и хозяйки одной из самых блестящих гостиных Парижа были натюрморты с цветами.

Ее салон стал популярен благодаря знакомствам мадам Лемер с художниками — Жаном Боро, Пюви де Шаванном, Леоном Бонна, Жоржем Клареном, к которым со временем присоединились и другие люди искусства. «Постепенно, — сообщает Пруст в своей статье, — стало известно, что в мастерской бывают небольшие собрания без малейших приготовлений и без каких-либо претензий на “вечер”, на которых каждый из приглашенных “занимался своим делом” и демонстрировал свой талант, в результате чего маленький праздник в тесном кругу включал такие развлечения, которые не могли предложить самые блестящие парадные обеды». В салоне стали устраивать небольшие представления актеры (Режан, Коклен, Барте), играть свои произведения композиторы (Массне, Сен-Санс). А вскоре в гостиной стало тесно и от аристократии: у мадам Лемер стали бывать графиня де Шевинье и даже великая княгиня Мария Павловна. К ним, доведя салон до совершенства, присоединились и писатели: Франс, Лемэтр, Флер, Кайаве.

Для объединения в единую композицию всех блестящих гостей необходим был исключительный талант мадам Лемер. Но, несмотря на все ее усилия, без скандалов все-таки не обходилось. Так, граф де Ларошфуко, которого как-то усадили за стол слишком далеко от хозяйки, в возмущении закричал: «А на моем месте подадут все блюда?» Тот же Ларошфуко во всеуслышание с презрением отозвался о происхождении герцогов де Люин:

«У них не было никакого положения в десятом веке!» Особенно трудно было удержать вместе аристократов и артистов: первые опасались насмешек, вторые не любили высокомерия представителей «голубых кровей». Потому мадам Лемер предпочитала приглашать к себе новые таланты, которые еще можно было использовать в качестве «зубочисток» — так фамильярно называли участников небольших развлекательных представлений после ужина.

Если молодежь еще была готова смирить свою гордость ради внимания влиятельных посетителей гостиной мадам Лемер, то тех, кто уже завоевал солидную репутацию в мире искусства, держать в рамках было гораздо сложнее. Многие известные авторы оставили о салоне мадам Лемер не самые лестные воспоминания. Александр Дюма-сын утверждал, что злоба мадам Лемер принимала форму настоящей болезни. Леон Доде отзывался с иронией: «О боже, до чего было скучно на вечерах этой милейшей женщины [...]. Что же до цветов дорогой мадам Лемер, они напоминали крышки от коробок с конфетами и были гораздо хуже, чем у кондитера Буасье».

Салон мадам Лемер будет использован Прустом для создания гостиной Вердюренов в романе «В поисках утраченного времени». Подобно реальным посетителям мадам Лемер, приближенные будут называть госпожу Вердюрен «Покровительницей». Так же как Мадлен Лемер, Вердюрены, чтобы скрыть свое разочарование, будут называть «скучными» тех представителей высшего света, которых им не удалось заполучить на свои вечера. И реальная, и выдуманная дамы имели властный характер и были способны разрушить светскую карьеру любого, кто им негоден.

РОБЕР ДЕ МОНТЕСКЬЮ

В апреле 1893 года в салоне мадам Лемер Пруст познакомился с одним из самых интересных представителей парижского света — Робером де Монтескью (1855–1921). Если бы Пруст хотел найти человека, в котором все достоинства и недостатки парижской светской жизни были выражены в максимальной степени, то ему трудно было бы отыскать кандидатуру более подходящую, чем граф де Монтескью, в котором сочетались качества, делавшие его одновременно и невыносимым, и обворожительным. Граф — один из знатнейших жителей Парижа: среди его предков несколько маршалов, министров и даже герой «Трех мушкетеров» д'Артаньян. Кроме того, Монтескью называл своими родственниками десять герцогских фамилий, а также князей Караман-Шиме, Фосиньи-Лусенж, Бибеско и Бранкован. Практически все знатные семейства Европы, которые чего-нибудь стоили с точки зрения происхождения, были в родстве с Монтескью. Вдобавок к своим исключительным родственным связям он поэт, друг Малларме и Верлена. В 1892 году он опубликовал свой первый сборник стихов — «Летучие мыши», — о котором с похвалой отозвался сам парнасец Жозе Мария де Эредиа.

Монтескью — эстет и денди, он один представлял собой целый социальный тип до такой степени, что многие его современники были уверены, что с него списан Дез Эссент, главный персонаж романа Гюисманса «Изнанка». Однако сам граф, с удовольствием отвечая на вопросы по поводу своего сходства с героем, замечал, что не был знаком с писателем и что единственным сходным с его жизнью моментом в романе является черепаха, которой владел герой романа. Монтескью утверждал, что знаменитое животное, чей панцирь Дез Эссент украсил золотом и драгоценными камнями, существовало в реальности и что, так же как и воображаемое, оно погибло в результате проведенных над ним немилосердных эстетических экспериментов.

Поджарая фигура Монтескью, напоминавшая «борзую в пальто», как он сам говорил, не оставалась незамеченной ни на одном светском рауте. Причины этого внимания публики были различны. С одной стороны, этот красивый мужчина, предпочитавший костюмы серого цвета и галстуки пастельных тонов, являлся интересным собеседником. Эдмон де Гонкур в своем «Дневнике» так описывал беседы с графом: «Если есть в нем что-то безумное, то ему удастся это компенсировать изысканностью. Что касается

бесед с ним, то за исключением небольшой манерности в выражениях, они полны тонких наблюдений, находок, красивых выражений [...]».

Другие, менее интеллектуальные посетители салонов мало обращали внимание на содержание речей Робера де Монтескью, но гораздо лучше запомнили необыкновенно высокий тон его голоса, который делал беседу с графом почти невыносимой. Многие, услышав голос аристократа, мечтали только о том, чтобы он скорее умолк. Только вот дожидаться этого было непросто — однажды начав говорить, самовлюбленный граф мог, не останавливаясь, поучать окружающих в течение долгих часов. Светские читатели не любили и заумной поэзии графа: они даже сочинили анекдот, в котором граф на вопрос о том, чем он занимается в настоящий момент, отвечает, что работает над переводом своих стихов на французский язык.

Марселья привлек этот необычный герой светской хроники, который к тому же был способен помочь ему познакомиться с еще несколькими аристократическими домами. Для того чтобы покорить графа, Пруст засыпал его письмами с чрезвычайно преувеличенными комплиментами. В одном из посланий, например, он пишет: «В наше время, лишенное мысли и воли, а значит, по сути, и души, Вы единственный выделяетесь удвоенной мощью Вашей мысли и Вашей энергии». Пруст доходит до того, что называет Монтескью «Ваша Милость и Ваше Величество». Несмотря на преувеличения почти комические, тактика Пруста оказалась очень эффективной. Пруст прекрасно все рассчитал, сделав ставку на самовлюбленность Монтескью, известную всему парижскому свету. Так, ни для кого не было секретом, что граф уже две сотни раз позировал перед фотографом, настолько он восхищался своей собственной внешностью. Потому просьба Пруста прислать ему фотографию не только не шокировала графа, но и воспринималась им как комплимент. Он с удовольствием послал Прусту свое изображение с подписью, в которой назвал себя «властителем всего переходящего».

Для того чтобы угодить Монтескью, Пруст согласился на роль ученика при «преподавателе прекрасного», который делился с начинающим писателем своими познаниями о Гюставе Моро, Уистлере, Эль Греко и Ватто. В знак особого расположения Марсель получил сначала роскошное издание «Летучих мышей», которое ему пришлось не только прочесть, но и прокомментировать в ответном письме. Он с легкостью справился с трудной задачей, поскольку умение делать комплименты ему никогда не изменяло. В благодарность капризный граф впустил Пруста в святая святых: за шесть месяцев до публикации ему послали второй сборник стихотворений Монтескью под названием «Вождь пленительных

ароматов». Отвечая поэту, Пруст снова не жалел льстивых слов, говоря, что отдельные фразы вызывают в его памяти то музыку Вагнера, то живопись да Винчи.

Переписка между Прустом и Монтестью, занимающая целый том, продолжалась по большей части с 1893 по 1896 год. Кстати, ее публикация сильно повредила посмертной репутации Пруста в глазах многих его читателей: из писем аристократу складывался образ писателя, готового на все ради получения доступа в высший свет. В этой реакции читателей нет ничего удивительного: снобизм Пруста неоднократно становился причиной охлаждения к нему его друзей. Вспомним, например, насмешки его товарищей по лицу Кондорсе. Однако это стремление попасть в парижский свет далеко не так однозначно, как это может показаться на первый взгляд.

Во-первых, стоит все-таки отметить, что полная льстивого обожания со стороны Пруста корреспонденция не отражает, конечно, настоящих его чувств. Писатель, изощрявшийся в изобретении все более и более утонченных комплиментов в письмах, в реальной жизни часто посмеивался над графом. Наделенный талантом имитации Пруст изображал на светских раутах голос и приступы гнева Монтестью, вызывая дружный смех присутствующих. Доходило до того, что недоброжелатели Пруста сообщали об этих клоунадах его покровителю, в результате чего Прусту даже пришлось признаться в своих проступках и просить прощения за них в одном из писем графу. Более того, Пруст не побоялся вступить в конфликт и прямо высказать самоуверенному Монтестью свое мнение по поводу дела Дрейфуса: в одном из писем аристократу он объяснил, что не стал обсуждать с ним проблему опального офицера потому, что происхождение его матери не позволяет ему вступать в разговоры антисемитского толка.

Во-вторых, знакомство с Монтестью стало источником множества художественных открытий в романе «В поисках утраченного времени», в котором описание парижской аристократии не скрывает ни ее блеска, ни ее нищеты. Монтестью не только сам был интереснейшим объектом для наблюдения, но и кроме того, давал возможность приблизиться и изучить других загадочных и экстравагантных обитателей заповедного Сен-Жерменского предместья.

ГРАФИНЯ ДЕ ГРЕФФЮЛЬ

Уже долгое время Пруст мечтал о знакомстве с графиней де Греффюль (1860–1952), кузиной Робера де Монтестью. После первой же случайной встречи с графиней у принцессы Ваграм Пруст спешит поделиться своими эмоциями с графом. Он дает такое восхищенное ее описание: «У нее была прическа полинезийского изящества, сиреневые орхидеи опускались до самого затылка [...]. Вся тайна ее красоты заключается в блеске, в загадке ее глаз. Я никогда не видел такой красивой женщины».

Красота графини действительно была связана с какой-то загадкой. Было в ней что-то необъяснимое, что заставляло и заставляет снова и снова вглядываться в ее фотографии. Конечно, какая-то часть ее обаяния может быть объяснена ее природной красотой: черты ее лица очень привлекательны. Свой вклад в ее очарование сделало и происхождение: она была дочерью князя Шиме, то есть родилась в одном из самых знатных семейств Европы. Аристократическое воспитание придавало ее жестам величественность, а осанке царственность. Характер также отчасти объясняет ее привлекательность: в блеске живых глаз графини можно было прочесть и остроумие, и умение поддержать интеллектуальную беседу. Она интересовалась не только литературой, живописью, музыкой, фотографией, но и наукой, среди ее знакомых, был, например, Эдуард Бранли, чьи исследования стали основанием для изобретения радио. Более того, она являлась сторонницей Дрейфуса и даже выступала в его защиту при встрече с германским кайзером Вильгельмом II. У нее был прекрасный вкус, к тому же она заказывала свои наряды у лучших портных — Уорта и Фортунни. В умении одеваться в столице моды Париже с ней могли поспорить только ее собственные сестры: графиня Караман-Шиме и мадам Тинан. Загадка тем не менее остается неразрешенной: в парижском свете было множество дам не менее красивых, богатых, именитых и остроумных, чем графиня. И тем не менее именно ее появление на любом светском рауте становилось настоящим событием, именно ее, всегда приходившую последней и уходившую первой, с таким нетерпением ждали даже в самом избранном кругу.

Блестящие светские выходы графини прячут другую, менее благородную сторону ее существования. Красивую и эгоцентричную Элизабет де Караман-Шиме разрушенные финансы ее семьи заставили выйти замуж за графа Анри де Греффюля. Несмотря на то что она

превосходила мужа происхождением, этот богатый наследник банкиров в семейной жизни был невыносим: он не только изменял своей супруге, но и тиранил ревностью, требуя, чтобы она возвращалась со светских раутов не позднее полуночи. Если же Элизабет и ее сестра опаздывали, то на следующее утро он приказывал слугам не подавать им завтрака. Кроме того, по воспоминаниям Фердинана Бака, граф завел порядок, по которому его собственные близкие друзья и друзья графини должны были составлять два непересекающихся круга. Его доверенным лицам не позволялось сближаться с графиней; тем же, кто был вхож к Элизабет, был закрыт доступ в число конфиденентов графа. Такое разделение сфер влияния было довольно просто организовать в жилище семейства Греффюль, которое занимало на улице Д'Асторг два особняка, связанные между собой системой галерей.

Элизабет де Греффюль прославилась не только своей необыкновенной красотой, но и исключительной самоуверенностью, граничившей с сумасшествием. С этой точки зрения она могла бы дать фору и своему кузену. Она решилась даже написать автобиографию, которая должна была стать восхищенным «гимном себе». Но прежде чем приняться за работу, она пожелала спросить совета у одного из своих друзей-литераторов. Она послала несколько страниц своих писаний Эдмону де Гонкуру, который, удивленный самовлюбленностью графини и уверенный, что такое издание могло бы только повредить Элизабет во мнении публики, категорически рекомендовал ей избегать обнародования. К сожалению для биографов, графиня последовала совету, а потому известно лишь, что в своей книге она хотела воспеть «безумную, сверхъестественную радость чувствовать себя красивой». Описывая свои посещения оперы, Элизабет де Греффюль рассказывала, что воспринимала всю присутствующую на представлении публику как «толпу восхищенных поклонников», которые не сводили с нее глаз.

Среди многочисленных светских, иногда комических забот Пруст знакомится или ищет способа сблизиться с прототипами трех самых интересных персонажей своего романа «В поисках утраченного времени». Болезненное самолюбие Робера де Монтескью вместе с его интересом к искусству и чувствительностью придадут психологическую достоверность образу барона Шарлюса. Восхищение графа де Греффюля собственной женой и одновременно жестокость по отношению к ней создадут основу парадоксального образа герцога Германтского. Исключительная красота, самоуверенность и сложные отношения с мужем графини де Греффюль будут использованы Прустом для создания герцогини Германтской.

Называя этих персонажей светской хроники прототипами, отметим, что происхождение героев романа Пруста всегда напоминает ризому, корневую систему, распадающуюся на множество нитей: они собирают свои жизненные соки не из одного-единственного, но из множества источников, более или менее важных. Так, самовлюбленность и загадочное очарование графини де Греффюль станут тем каркасом, к которому присоединятся птичьи повадки графини де Шевинье, остроумие мадам Строс, а также элементы, позаимствованные у таких держательниц замечательных парижских салонов, как мадам Лемер, мадам де Кайаве и мадам Обернон.

Возвращаясь к снобизму Пруста, можно отметить, что, конечно, ему, буржуа сомнительного, с точки зрения такого сноба, как Монтескью, происхождения, трудно было проникнуть в круг парижской знати. В целом стать там своим он так и не сумел: быть приглашенным на праздник среди ста двадцати гостей еще не значит, что вам удалось рассеять высокомерное недоверие Сен-Жерменского предместья. Однако позиция постороннего имеет не только недостатки, но и преимущества. Пруст оставался для света чужим, а значит, мог смотреть с определенной дистанции на то, что другие, имевшие более престижных предков, просто не замечали. Происхождение Пруста соединяло так много противоположностей, что позволяло ему, с одной стороны, быть способным понять доминирующую вокруг него культуру, а с другой — оставаться вне ее, находиться на периферии. Действительно, он навечно застрял между католиками и иудеями, между провинциалами и парижанами, между буржуа и аристократами, между болезнью и здоровьем, между мужественностью и женственностью. Для него были открыты все сферы, и ни в одной он не чувствовал себя полностью своим. Именно благодаря этой двойственности Прусту удалось соединить в своем романе поэтическое восхищение парижским светом с дотошностью гигиениста, подмечающего источники инфекции за ослепительными золотыми фасадами.

НА СВЕТСКОМ КУРОРТЕ — САНКТ-МОРИЦ

По совету своего нового друга Робера де Монтескью летом 1893 года Пруст отправляется в Санкт-Мориц — один из самых престижных европейских курортов в Швейцарских Альпах, в Ангадине. Вместе с ним едет его однокашник по лицу Кондорсе и будущий писатель Луи де Ласаль. С середины XIX века Санкт-Мориц привлекает светское общество Европы благодаря своим термальным источникам, озеру, прекрасной погоде (более 300 солнечных дней в году), а также казино и дорогим отелям. Пруст очарован окрестностями курорта, которые вызывают у него ассоциации с Вагнером: озера зеленого цвета, напоминающие драгоценные камни, окружены хвойными лесами, в которых, кажется, живут валькирии и бродит Лоэнгрин.

Пруст встречает на курорте своих парижских знакомых — семейство Эфрусси и Фульд. Мадам Леон Фульд и ее дочь Элизабет сближаются с ним настолько, что встречаются практически каждый день. Он сопровождает их на прогулках и развлекает приятными беседами. В своем дневнике Элизабет запишет, что у Пруста «огромные черные бархатные глаза, густые и слишком длинные черные блестящие волосы», а одна из прядей постоянно падает на «бледный, болезненный лоб человека, редко проводящего время на свежем воздухе». Станный костюм из твида рыжего цвета, напоминающего по цвету шкурку белки, хотя и кажется Элизабет смешным, но не более чем другие экстравагантные наряды, которые она видела на Прусте в Париже. Однажды она встретила молодого человека в трех плащах, надетых один поверх другого, во время какой-то из следующих встреч пуговицы его манишки были разного размера. По мнению Элизабет, Пруст — интересный собеседник и чудака, за которым интересно наблюдать. В этом с ней совершенно не согласен ее отец, крупный финансист, который считает Пруста настоящим неудачником. Увлечения Пруста литературой кажутся ему абсурдными. По его мнению, Пруст не более чем бездельник, пытающийся набить себе цену разговорами об искусстве.

А между тем и на курорте продолжается для Пруста творческая работа. Марсель вместе со своими друзьями пытается реализовать оригинальный литературный проект — роман в письмах, в создании которого участвуют сразу четыре разных автора: сам Пруст, Луи де Ласаль, Фернан Грег и Даниэль Галеви. Марсель должен сыграть роль молодой

женщины Полины де Гувр-Див, влюбленной в военного. Чувства последнего в письмах берется передать де Ласаль. Даниэль Галеви — аббат, которому Полина открывает свои сердечные тайны. Фернан Грег отправляет свои послания от лица музыканта Шальгрена. Друзья Пруста взяли за образец роман в письмах «Круа де Берни», созданный Теофилом Готье совместно с Дельфиной де Жирарден, Жюлем Сандо и Жозефом Мери.

Дошедшие до нас части романа показывают, что вклад Пруста был и самым развернутым, и самым оригинальным. В своем первом письме Полина рассказывает аббату о своей печали: «Каждый раз, когда идет дождь, я грущу, вспоминая о времени, когда совсем маленькой девочкой я часами оставалась играть у окна, чтобы увидеть, прояснилось ли небо и поведет ли меня моя гувернантка в сад на Елисейских Полях». Знать, закончился ли дождь, важно было для Полины потому, что в саду на Елисейских Полях она встречалась с маленьким мальчиком, которого любила всем сердцем.

История Полины, конечно же, напоминает детские прогулки на Елисейских Полях самого Марселя. Между героиней и Марселем Прустом можно найти и другие сходства. Подобно самому Марселю, Полина не выносит переездов, каждая новая квартира вызывает у нее мучения. Она, как и Пруст, путешествует в Альпах, посещает Санкт-Мориц и один из феодальных замков в окрестностях курорта. Полина постоянно ожидает писем, которые то приносят ей счастливые минуты, то грустными новостями разрывают ей сердце. Описывая парижский свет, Полина видит прежде всего браки, заключенные по расчету и потому несчастные, страдания, слезы, даже убийства и, конечно, множество снобов.

В ходе поездки Пруст напишет девять других «этюдов» для романа, которые впоследствии будут использованы им для сборника «Утехи и дни», а в ожидании этого уже осенью будут опубликованы в «Ревю бланш». В этюдах Пруст описывает своих светских знакомых, затрагивает темы дружбы и любви в столкновении с законами памяти. Так, в этюде «Источники слез в ушедшей любви» Пруст размышляет о преходящем характере влюбленности, о том, что каким бы сильным ни казалось чувство, оно будет забыто. И этот закон памяти заставляет грустить даже в момент самой сильной влюбленности. Перед законами памяти не устоит и страдание — об этом рассуждает Пруст в этюде «Эфемерная польза печали»: если благодаря грусти человек более ясно видит истинное содержание своей жизни, то эти прозрения быстро забываются.

ВЫБОР БУДУЩЕЙ КАРЬЕРЫ

В октябре 1893 года Пруст наконец получил свой диплом юридического факультета. Марселью уже было 22 года, и родители настаивали на том, чтобы он определился, чем он будет заниматься в жизни. Сам Марсель не мог сделать выбор — любая профессия представлялась ему несовместимой с тем, что он хотел делать на самом деле, с тем, чему он, как ему казалось, был предназначен. В ноябре 1893 года под давлением близких Марсель обратился за советом о выборе будущей карьеры к Шарлю Гранжану, библиотекарю Сената и другу принцессы Матильды, с которым Марсель переписывался около месяца. Пруст думал сначала о карьере директора музея. Затем Гранжан рекомендовал ему Счетную палату. Марселью эта идея показалась ужасной, он предпочел бы Школу хартий, готовящую хранителей музеев, даже если впоследствии ему придется работать на бесплатной основе. Однако Гранжан считал, что характер Пруста не соответствует этой карьере. Обсуждались также посты служащего в Сенате и архивариуса в Министерстве иностранных дел. В письме своему другу Роберу де Бийи Пруст также анализировал возможные варианты своей карьеры. Так, в Министерстве иностранных дел он мог бы служить только в том случае, если бы удалось остаться в Париже (здоровье не позволяло ему путешествовать), но в этом случае его работа была бы такой же скучной, как в Счетной палате, где, впрочем, у него было бы больше времени «для прогулок». А может быть, ему стоит стать прокурором? Он добавлял, что решительно не хочет быть ни адвокатом, ни медиком, ни священником — три карьеры, которые в его окружении считались престижными.

После нескольких недель размышлений Марсель решился написать письмо своему отцу, где объяснил, что «всегда надеялся в конце концов продолжить изучение литературы и философии», для которых, как ему кажется, он был создан. Однако учеба на филологическом и философском факультетах в смысле карьеры открывала лишь одну возможность — преподавание, а потому представлялась родителям Марселя бесполезной: они были уверены, что их сын не способен работать учителем. Несмотря на это мнение родителей, Пруст окончательно остановился на идее продолжить учебу. Жанна и Адриен Пруст, которые, кстати, знали, что среди друзей их сына были молодые успешные литераторы (Даниэль Галеви, Гастон Арман де Кайаве, Робер де Флер), в конце концов сдались и

согласились на поступление Марсея в Сорбонну.

Этот выбор позволил Прусту снова встретиться с Дарлю, любимым преподавателем философии, который опять согласился давать ему частные уроки. Кажется, что общение с преподавателем из лица интересовало его даже больше, чем занятия в университете. То, что ему предлагалось изучать на лекциях, было недостаточно интересным, и он ходил на занятия без особого прилежания. Примером работы, которая казалась Прусту бесполезной, явилось предложенное студентам рассуждение о счастье. Горасу Ландау Пруст рассказывал о результатах изучения сложного вопроса: «Меня заставили написать сочинение, чтобы доказать, что счастье существует. Так как я хороший студент и хороший сын, я его написал, но поскольку я плохой философ, я его написал плохо. Но самое главное, я не верю в счастье. Я думаю, что каждый имеет свое особенное счастье — когда его имеет».

Нежелание выполнять задания, не представлявшие особого интереса, привело к тому, что оценки Марсея оставляли желать лучшего, к тому же он не сдал часть экзаменов, перенеся их на будущие годы. Преподаватели не очень высоко ценили его небрежно составленные работы: они жаловались на очень неразборчивый почерк, а также на отсутствие абзацев. Тем не менее в конце первого года обучения из восьмидесяти возможных баллов Пруст получил все-таки сорок два, что позволило ему перейти на следующий курс.

За всю жизнь Марсея единственной его серьезной попыткой заняться профессиональной деятельностью вне литературы будет участие в конкурсе на получение места в Библиотеке Мазарини в 1895 году. Пост не оплачивался в течение нескольких лет, а затем должен был дать возможность получать небольшую зарплату. Кстати, в этой же библиотеке работал хранителем и Сент-Бёв, чьим критиком вскоре станет Пруст, начав писать собственный роман. Требования к сотрудникам были не очень велики — необходимо было присутствовать на рабочем месте по пять часов в день, однако и это казалось Прусту слишком трудным. Сразу после получения места в мае 1895 года он попросил об отпуске по состоянию здоровья сначала на несколько месяцев, а затем на целый год. Переписка с дирекцией библиотеки по поводу все новых и новых отпусков продлится до 1900 года, когда наконец будет принято решение о его увольнении.

Гораздо больше, чем карьера библиотекаря, Марсея Пруста привлекала профессия журналиста. Она не только позволяла писать и публиковать свои произведения, но и присутствовать на самых важных событиях светской жизни Парижа. Праздник, организованный Робером де

Монтескью 30 мая 1894 года в Версале, был именно такой возможностью понаблюдать за парижской аристократической элитой и попробовать свои способности в описании света. Прусту удалось опубликовать свою статью «Литературный праздник в Версале» с небольшими изменениями в двух изданиях: в «Галуа» и «Пресс». Как уверял он в своем отчете, светский раут был достоин самого Людовика XIV. Так, список присутствующих, который также был дан в статье, включал более сотни имен. Кроме того, Робер де Монтескью позаботился о самых изысканных развлечениях для гостей: на празднике исполнялась музыка Баха, Шопена, Рубинштейна и Листа, а стихи поэтов конца XIX века и самого хозяина праздника читала Сара Бернар.

Но больше всего забот в описании праздника доставили Прусту дамские туалеты. Начинаящий писатель уже отличался необыкновенной щепетильностью в отношении деталей: он не только делал записи в течение всего дня, чтобы ничего не упустить и не наделать ошибок, но еще и дал прочитать написанное как минимум шести дамам, также присутствовавшим на празднике, чтобы они исправили недочеты. В результате описания платьев отличались и подробностью, и точностью: Пруст продемонстрировал себя знатоком, прекрасно разбирающимся не только в модных оттенках, но и в названиях тканей, в качестве вышивки, в драгоценных камнях.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
«УТЕХИ И ДНИ» И «ЖАН САНТЕЙ»

«РЕВЮ БЛАНШ»

Осенью 1893 года редакционная коллегия «Пира», уставшая от публикации своего ревью, вошла в состав другого литературного издания, «Ревю бланш» — «Белого журнала». Название это было выбрано потому, что уже имелось ревью голубое и лиловое, и потому, что белый цвет объединяет все цвета. Журнал в соответствии со своим наименованием предполагал объединить на своих страницах самые разнообразные мнения. Марсель Пруст публиковался в ревью с 1893 по 1896 год, однако его роль в дирекции была минимальной. Дело в том, что редакторы «Пира» потеряли, присоединившись к гораздо более престижному литературному журналу, влияние на принятие решений. Жаркие и веселые обсуждения, дискуссии между друзьями, обмен письмами и взаимная критика ушли в прошлое.

Основателями «Ревю бланш» были братья Натансон, состоятельные поляки, переехавшие в Париж из Бельгии. В 1891 году этот журнал издавался тиражом в 2500 экземпляров, что значительно превосходило число экземпляров «Пира». Издание Натансонов было также более профессиональным, с ним сотрудничали более известные авторы, как, например, Малларме, а иллюстрации иногда рисовал сам Тулуз-Лотрек. Журнал имел направление, близкое к символизму, особенно в его тенденции к индивидуализму. При этом среди его авторов были и те, кто противостоял символизму, как Марсель Пруст, Жюль Ренар, Леон Блюм, Фернан Грег.

Уход от редакторских функций не огорчил Пруста, который полностью направил свою энергию на написание собственных художественных и критических текстов. В декабре 1893 года он опубликовал целый ряд эссе: «Против одного сноба», «Одному снобу», «Мечта», «Реальное присутствие», «Перед наступлением ночи», «Воспоминание». Наиболее автобиографичной и интересной с точки зрения описанных в ней обстоятельств была новелла «Перед наступлением ночи». Этот текст в силу своей откровенности, кстати, не был включен Прустом в сборник «Утехи и дни».

Новелла имеет сложную структуру повествования, показывающую развитие профессионализма Пруста. В произведении можно также наблюдать изменение мотивов, представленных в этюдах, написанных после поездки в Нормандию на виллу Ле-Фремон. Рассказ ведется от имени девушки Лесли, которая приезжает в дом, расположенный у моря,

чтобы навестить свою подругу Франсуазу. Франсуаза только что совершила попытку суицида. Она готовится к смерти, потому что рана ее смертельна, но у нее еще достаточно сил, чтобы сделать последнее признание. Она рассказывает о своей гомосексуальности, которая и спровоцировала самоубийство. Близкая смерть придает ее словам большую силу: она пытается рассказать историю своей жизни, объяснить происхождение своих наклонностей. Лесли тронута страданиями подруги, ее трагическая история заставляет ее плакать.

РЕЙНАЛЬДО АН

Интерес Пруста к светской жизни дает ему возможность встретить молодого человека, который станет для начинающего писателя больше чем другом. Как можно было предположить, речь идет вовсе не о богатом отпрыске аристократического семейства, но о молодом музыканте, у которого с мечтающим о литературной карьере Прустом гораздо больше общего, чем у других представителей золотой парижской молодежи. Рейнальдо Ан, с которым Пруст знакомится в салоне Мадлен Лемер 22 мая 1894 года, останется близок писателю в течение всей его жизни. Конечно, между ними будут периоды охлаждения, но все-таки теплая дружеская основа отношений сохранится навсегда. Рейнальдо — одно из самых сильных и счастливых любовных увлечений Пруста.

Пути Рейнальдо Ана, которому в момент встречи с Марселем было всего 18 лет (он родился в 1875 году), пересеклись с путями Пруста благодаря замечательным музыкальным способностям молодого человека. Биография Рейнальдо — это история музыкального вундеркинда: в пять лет он уже довольно хорошо играл на пианино, в восемь начал сочинять музыку, а в десять поступил в консерваторию. Среди его преподавателей был сам Массне, вместе с ним в консерватории учились Морис Равель и Эдуард Рислер. В 15 лет Рейнальдо сочинил свою самую известную мелодию — «Если бы у моих стихов были крылья» на стихи Виктора Гюго. Красивые мелодии вообще давались ему легко: в 1893 году он уже опубликовал музыкальный сборник «Серые песни» на стихи Верлена. Он писал музыку и для театра: его «полинезийская идиллия» под названием «Остров мечты» по роману Пьера Лоти «Рараю, или Женитьба Лоти» будет поставлена на сцене в 1898 году. Талант молодого музыканта открыл ему двери парижских салонов: уже в возрасте шести лет он пел мелодии Оффенбаха для королевы Испании и для принцессы Матильды. В 1890 году он вошел в салон Альфонса Доде и сочинил музыку к его пьесе «Препятствие».

Привлекают Пруста и Ана друг в друге не только общие для них любовь к искусству и к светским знакомствам. История семейства Рейнальдо, объединяющая воедино Европу и Америку, в чем-то напоминает перипетии жизни родственников Марселя. Карлос Ан, отец Рейнальдо, родился в Гамбурге, в состоятельной еврейской семье. Еще совсем молодым человеком он переехал на жительство в Венесуэлу, где

быстро увеличил свое состояние, занимаясь множеством коммерческих предприятий: строительством железных дорог, организацией телеграфной связи, устройством газового освещения, выращиванием кофе и даже строительством театра. Мать Рейнальдо, Елена Мария, была богатой наследницей из семьи испанцев, переехавших в Венесуэлу еще в XVIII веке. После перемен во власти семья Ан покинула Америку и в 1877 году обосновалась в Париже. Рейнальдо был самым младшим из двенадцати детей, в момент переезда ему исполнилось всего три года.

Рейнальдо красив, и своей восточной красотой, как и интернациональными корнями, он напоминает самого Пруста: у него такие же темные волосы и глаза, которые не только прекрасно выражают все перемены его настроения, но и замечают самые небольшие изменения в душевном состоянии других. «Вы чувствительны, как мушка» — так метко определил способность Рейнальдо улавливать нежные психологические оттенки Альфонс Доде.

Поверхностное светское знакомство Пруста с Аном быстро переросло во взаимный интерес. Узнать друг друга ближе два молодых человека смогли уже летом 1894 года, в замке Ревейон, который мадам Лемер снимала на востоке от Парижа и в который она пригласила и Марселя, и Рейнальдо. Пруст приехал в замок 18 августа 1894 года и остался там на несколько недель. Впоследствии он признавался, что этот период был одним из самых счастливых в его молодости.

Пруст и Ан много времени проводили вместе, гуляя по саду вокруг замка. Тактичный Рейнальдо делал все, чтобы его талантливый друг чувствовал себя счастливым и имел возможность уловить то, что диктовало ему его вдохновение. Так, во время одной из прогулок Пруст неожиданно остановился перед кустом бенгальских роз и о чем-то задумался, глядя на цветы. Рейнальдо решил не мешать ему и продолжил свой путь. Возвращаясь обратно, он обнаружил Пруста точно в такой же позе, в какой он его оставил. Пруст рассматривал розы и, как он объяснял сам, пытался понять тайну их очарования, так же как пытался определить, в чем состоял секрет шарма графини Греффюль несколькими месяцами раньше. В трансформированном виде этот эпизод с загадкой, которую задает главному герою красота цветов, войдет и в «Жана Сантея» (где Пруст сохранит розы), и в «Поиски утраченного времени» (где розы будут заменены боярышником).

Этот эпизод с цветами описан в дневнике Рейнальдо. Ан, будучи не только музыкально, но и литературно одаренным, написал несколько книг, посвященных музыке, а также биографию Сары Бернар, близким другом

которой он являлся. В настоящий момент «Записки» — дневник, в котором он рассказывал о своей светской жизни, опубликованы не полностью. Чтение рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке Франции, согласно завещанию Рейнальдо пока запрещено. В журнале отчеты о его многочисленных концертах в самых знатных домах (в том числе при английском королевском дворе) дополняются рассказами о встречах со знаменитыми писателями, музыкантами и художниками. В том виде, в каком дневник доступен сегодня, он не носит исповедального характера: его назначение не столько раскрыть потаенные мысли автора, сколько создать идеализированный образ Рейнальдо.

Осенью 1894 года сближение между двумя молодыми людьми продолжилось, о чем можно судить по их письмам. В сентябре 1894 года Пруст уже обращается к Ану на ты, называет его то «мой маленький», то «дорогое дитя». Ан в свою очередь называет Пруста «своим пони». В октябре 1894 года Пруст пишет в одном из посланий: «Я хотел бы быть хозяином всего, что Вы можете пожелать на земле, чтобы Вам это подарить, и автором всех произведений, которыми Вы восхищаетесь, чтобы посвятить их Вам».

Весна 1895 года ознаменовалась осложнением отношений, что, как можно видеть из писем, вызвало у Пруста несколько приступов ревности. 16 апреля, например, он пишет о сильных эмоциях, с которыми у него оказывается связано простое ожидание встречи: терять Рейнальдо, снова его находить, ожидать его появления или заставлять его волноваться в ожидании — все это Пруст называет настоящей, глубоко волнующей его трагедией, которую он «хотел бы когда-нибудь описать и которую он пока просто проживает». Желание Пруста рассказать о связи с Рейнальдо будет реализовано: отблески эмоций писателя могут быть найдены в истории страстной привязанности Свана к Одетте де Креси. Так, например, именно в отношениях с Одеттой важную роль будет играть музыка: одна из музыкальных фраз композитора Вентейля станет «национальным гимном» любви Свана.

Лето 1895 года Марсель и Рейнальдо также проводят вместе. В августе они отправляются на Нормандское побережье в Дьеп, где мадам Лемер принимает их у себя. Далее они следуют в Бретань, на остров Бель-Иль, где навещают Сару Бернар. Путешествие продолжается, и молодые люди вдвоем посещают еще нескольких бретонских и нормандских городков. Рейнальдо не очень доволен вояжем, он склонен скорее замечать неудобства сельской жизни. В своих письмах родным он то и дело жалуется: солнце его обжигает, комары кусают, из-за грязи гостиниц он

чувствует себя больным, все яблони, которыми славится Нормандия, кажутся ему похожими одна другую, а вкус сидра напоминает уксус, который к тому же подают в невымытых стаканах.

Марсель, которого приступы астмы чуть меньше мучают на берегу моря, напротив, счастлив и с восхищением описывает «очаровательные места, где нормандские яблоки зреют почти на самых скалах, смешивая запах сидра с запахом водорослей». Во время пребывания в Бег-Мэле в Финистере на берегу Атлантического океана Пруст начнет работу над своим романом «Жан Сантей». Нормандские и бретонские пейзажи, которыми любитесь Пруст во время этой поездки, станут его любимыми и будут использоваться и в «Жане Сантее», и в романе «В поисках утраченного времени». Влияние Рейнальдо на Пруста кажется еще очень большим, поскольку писатель признается, например, что он хотел бы, чтобы в его новом произведении Ан, подобно божееству, незримо присутствовал повсюду. Однако, несмотря на внешнее благополучие, отношения входят в свою финальную стадию.

С осени 1895 года Пруст переключил свое внимание на другого молодого человека — Люсьена Доде. При этом отношения с Рейнальдо не прервались полностью. Кажется, что новый всплеск страсти произошел весной 1896 года. Однако эта последняя стадия отношений уже приняла болезненный характер, поскольку она связана с постоянными вспышками ревности. Любовь-дружба превращается у Пруста в тираническое желание полностью контролировать жизнь близкого ему человека. Выражением такого полного контроля над другим становится требование полных и абсолютно откровенных исповедей. Пруст настаивает на том, чтобы Рейнальдо рассказывал обо всех своих поступках, обо всех посещающих его мыслях и желаниях. Более того, его любопытство распространяется даже на прошлое Рейнальдо: Пруст хочет знать все о том, что происходило в жизни друга и до их встречи, и после. 20 июня 1896 года, как можно судить по письмам двух молодых людей, Рейнальдо согласился принять условия, предложенные Прустом. Однако во время одного из разговоров Рейнальдо признается в чем-то, что очень ранит Марселя. Не сдержав своего раздражения, последний вспылил. Эта ссора привела к тому, что Рейнальдо разорвал «пакт» и, несмотря на все просьбы друга, остался при своем решении. Так закончился психологический эксперимент, который был предпринят Прустом в надежде погасить его переходящую разумные пределы ревность.

8 августа 1896 года Пруст посылает Ану письмо, в котором констатирует, что они более не испытывают привязанности друг к другу.

Он удивляется тому, что в столь короткий срок такие сильные эмоции могли исчезнуть. Несмотря на это заявление Пруста, впечатления от истории взаимоотношений с Рейнальдо не будут забыты писателем. И приступы ревности, которые пережил Пруст по отношению к Ану, и «допросы», которым он подвергал музыканта, найдут отражение сначала в сборнике «Утехи и дни» в новелле «Конец ревности», а затем в романах «Жан Сантей» и «В поисках утраченного времени».

В новелле «Конец ревности» главный герой Оноре, влюбленный в Франсуазу, уверен, что его любовь не продлится долго. Он спокойно размышляет о том, что может полюбить другую женщину. Персонаж Пруста, как и сам писатель, склонен довольно быстро менять объекты своих привязанностей. Однако процесс охлаждения неожиданно прерывается: Оноре узнает, что Франсуаза, возможно, ему изменяла. Эта новость разжигает охладевшие было чувства и трансформирует любовь в бесконечный приступ ревности. Страдания Оноре настолько велики и не поддаются его контролю, что остановить их может только смерть героя: конец ревности становится концом жизни Оноре. Пруст отразит в своих текстах и попытки установления отношений на основе полной откровенности: так, Жан Сантей и повествователь в «Поисках» будут подвергать своих возлюбленных бесконечным допросам, требуя от них все более и более интимных признаний.

ЛЮСЬЕН ДОДЕ

Люсьен Доде освежил любовные чувства Пруста, ощущавшего усталость от взаимоотношений с Рейнальдо. Как сам писатель впоследствии признавался в одном из своих писем, его увлечения никогда не длились больше года — полтора лет и связь с Рейнальдо осенью 1895-го как раз достигла своего полуторалетнего предела. Как и привязанность к Ану, чувства по отношению к Люсьену продлились всего около восемнадцати месяцев. В конце 1895 года письма Пруста еще начинались словами «дорогой друг». Весной 1896 года после отъезда Люсьена с родителями в Венецию Пруст, чувствуя себя брошенным, пишет: «В вечер нашего расставания мне особенно грустно было видеть Ваш легкий прощальный жест рукой, который обычно сопровождался словами “до завтра”. Это “до свидания”, за которым никакого свидания не последует в течение очень долгого времени, было очень печальным». А уже весной 1897 года в письмах друзей появились первые упреки в нежелании делиться новостями, просьбы же о свиданиях оставались без ответа.

Люсьен, второй сын Альфонса Доде, был на семь лет младше Пруста, он родился в 1878 году. Его характер определялся тем, какое положение он занимал в своем семействе. В отличие от брата Леона и отца Люсьен не чувствовал в себе какого-то творческого дара. В момент сближения с Прустом он еще надеялся стать знаменитым художником и до 1907 года участвовал в разнообразных выставках. Он даже учился какое-то время у знаменитого Джеймса Уистлера, но это не только не придало ему уверенности, но, напротив, вызвало еще большее разочарование в собственных способностях. Поскольку Уистлер привил ему умение различать подлинное произведение искусства от подделки, это качество Люсьен начал применять прежде всего к своим собственным не совсем удачным опытам. С 1907 года Люсьен попробует писать, он даже создаст несколько книг, однако они не принесут ему большого успеха. Сегодня он известен прежде всего как биограф своего отца и императрицы Евгении, а также автор воспоминаний о Марселе Прусте.

Люсьен, таким образом, чувствует себя неудачником в своей собственной семье. Но если он не может похвастаться явными талантами, то обширных познаний в литературе и искусстве у него не отнять: даже в его собственной семье, где никого не удивить широким кругозором, его прозвали Господин Всезнайка. К интеллектуальным способностям

добавляется психологическая тонкость и крайняя чувствительность, которые сближали его с не менее тонкокожим Прустом.

Между Прустом и Люсьеном, если заглянуть поглубже, было и еще несколько важных точек соприкосновения. Например, такая довольно неожиданная, как чувство юмора. Биографы редко упоминают о юморе Пруста, которого чаще всего представляют жалующимся на свое здоровье или на нечувствительность окружающих. А между тем именно в отношениях с Люсьеном это качество характера Пруста проявилось очень ярко. Люсьен и Марсель, часто появлявшиеся на светских раутах вместе, стали выделяться в толпе чинных посетителей взрывами неудержимого хохота. Причиной их смеха было, например, самоуверенное поведение Робера де Монтескью: за очередной приступ, который не смогли остановить даже возмущенные взгляды графа, Прусту пришлось извиняться в одном из писем обиженному денди.

Марсель и Люсьен прекрасно понимали друг друга еще и потому, что оба они имели склонность к снобизму. Люсьен, которого Леон Доде называл «аристократом семейства», дошел до того, что признался в своей готовности отдать все на свете за то, чтобы его фамилия писалась с апострофом после «Д». Впрочем, блестящую светскую карьеру ему удалось сделать и без апострофа. С 1896 года он сблизился с императрицей Евгенией и благодаря этому знакомству ему в течение всего нескольких лет удалось увидеть представителей всех королевских фамилий Европы. Несмотря на явное желание Пруста войти в этот избранный круг, Люсьен так никогда и не представит его императрице. В своих воспоминаниях о Прусте Люсьен с характерным для него высокомерием отметит, что Марсель, описывая приемы у герцогини Германтской в своем романе, в реальной жизни не был на них допущен.

Это нежелание Люсьена оказать Прусту услугу приблизило охлаждение между двумя молодыми людьми. Но разрыв отношений не помешал Прусту проявить такт по отношению к Люсьену в тяжелый для последнего момент: когда в декабре 1897 года умер Альфонс Доде, Пруст вместе с Рейнальдо не покидали Люсьена в течение трех дней, чтобы помочь ему пережить первый шок от потери.

ГЕНЕЗИС СБОРНИКА «УТЕХИ И ДНИ»

Увлечения Пруста не мешали его творческим планам. Напротив, они придали им новый импульс. Формирование сборника «Утехи и дни» — первого крупного произведения Марселя Пруста — шло параллельно с развитием его отношений с Аном и Доде. Другим важным источником вдохновения для него стало творчество Льва Толстого. Летом 1894 года Пруст внимательно читал русского писателя, в частности его роман «Анна Каренина», а также повесть «Смерть Ивана Ильича» и статью «Дух христианства и патриотизм», которая только что была переведена на французский язык.

Если художественное творчество русского автора окажет существенное воздействие на Пруста, то идеи русского мыслителя, выраженные в его статье, вызовут критику. Дело в том, что на рубеже веков началось сближение между Францией и Россией. Толстой резко критически отнесся к этому процессу, увидев в нем рождение военного альянса накануне крупного конфликта, на пороге которого, по его убеждению, находилась Европа. Именно эта скрытая за разговорами о культурной общности военная подоплека вызвала недоверие русского мыслителя. Между тем для Пруста это критическое видение ситуации в Европе, а также патриотического подъема, охватившего европейские нации, оказывается чуждым. Анализу взглядов Толстого он посвятит небольшую статью, которая, впрочем, так и не увидит света при жизни Пруста.

Судьба новеллы «Смерть Бальдассара Сильванда», которая по своему содержанию напоминает «Смерть Ивана Ильича» Толстого, окажется гораздо более интересной с литературной точки зрения, потому что она станет одной из основных в сборнике «Утехи и дни», опубликованном Прустом в 1896 году. Новелла будет открывать сборник. Главным действующим лицом ее является Бальдассар Сильванд, светский человек, который болен неизлечимым прогрессирующим параличом, последствием венерического заболевания. История Сильванда в первой половине новеллы описывается с точки зрения юного племянника Сильванда — Алекси, который узнает о болезни дяди и вместе со своей матерью наносит ему несколько визитов.

Во второй части новеллы повествование концентрируется на описании переживаний самого Сильванда. Кульминация новеллы приходится на последнюю ее страницу. За несколько секунд до смерти, услышав звон

колоколов, проникший в его комнату благодаря особенно тихому вечеру, Сильванд вспоминает о том, что было самым важным в его жизни. Он видит перед собой свою мать, которая в детстве каждый вечер приходила к нему в комнату, чтобы согреть его ледяные ступни и помочь ему заснуть. Он ясно различает радость на ее лице в тот момент, когда учитель музыки сообщает Бальдассару о его больших музыкальных способностях. Он вспоминает и о своей скрипке, игрой на которой он так мало занимался при жизни, а также о своей несостоявшейся женитьбе.

Система персонажей новеллы во многом напоминает роман «В поисках утраченного времени». Первое, что бросается в глаза, это распределение автобиографического материала, сходное с тем, что можно обнаружить в романе. Автобиографические реминисценции просматриваются в характерах не одного, а сразу двух персонажей новеллы: в самом Бальдассаре Сильванде и в его племяннике. Очевидный автобиографический характер имеет образ графа: его привязанность к матери, его одаренность, его светские увлечения, чувство вины, которое он ощущает по отношению к обманутым надеждам своих родителей, а также его тяжелая болезнь — все это почерпнуто из собственных переживаний Марселя Пруста. Юный племянник графа Сильванда также напоминает самого писателя: он, так же как граф, привязан к своей матери, он отличается артистической чувствительностью. Кроме того, в новелле с Алекси связана и важная для Пруста проблема выбора призвания: Алекси напоминает графа внешностью, и вопрос о том, повторит ли он судьбу своего дяди или сможет преодолеть искушения светской жизни и придать своему существованию больший смысл, в скрытой форме присутствует в новелле. Как видим, не только автобиографизм, но и некоторые важные темы сближают новеллу с романом «В поисках утраченного времени», при этом в образе графа Сильванда уже можно различить характер Шарля Свана, тогда как племянник графа напоминает главного героя романа.

Как уже было отмечено, новелла «Смерть Бальдассара Сильванда» станет первой в сборнике «Утехи и дни», в который войдут произведения (более пятидесяти), написанные Прустом в течение, как уверял он сам, десяти лет начиная с четырнадцатилетнего возраста. Как представляется, сборник «Утехи и дни» может быть рассмотрен как первый вариант романа «В поисках утраченного времени». Сходство между двумя произведениями возможно проследить и на уровне тематическом, и на уровне структурном.

В центре интереса молодого писателя в сборнике окажутся две темы, которые в романе будут символически обозначены как направление к Свану и направление к Германтам. Пруста, с одной стороны, интересуе

психология любви. Это чувство, его парадоксы, этапы и стадии, а также связанные с ним опасности и разнообразные «темные аллеи» исследуются писателем в нескольких новеллах. Второй главной темой его размышлений становится испытание тщеславием, которое связано в романе с направлением Германтов. Оба названных сюжета присутствуют, например, в новелле «Виоланта, или Светская жизнь», которая состоит из четырех глав: «Мечтательное детство Виоланты», «Чувственность», «Страдания любви», «Светская жизнь». Та же смесь описаний светской жизни с психологическим анализом любовного чувства составляет основу новелл «Меланхолическая поездка госпожи де Брев», «Исповедь молодой девушки», «Ужин в городе», «Конец ревности». Рядом с этими основными линиями присутствуют размышления о проблемах памяти, об искусстве, о красоте природы. Все они, но только в более глубоко разработанной форме, снова появятся в романе «В поисках утраченного времени».

В структурном отношении сборник также очень сходен с романом. Уже упомянутая новелла «Смерть Бальдассара Сильванда» напоминает главы «Комбре» и «Любовь Свана», которые расположены в начале романа и в которых основным персонажем является Шарль Сван, а повествователь остается в большой степени наблюдателем. Структура новеллы «Виоланта, или Светская жизнь» в сокращенном виде представляет историю повествователя из романа: мы знакомимся сначала с мечтательным ребенком, который, взрослея, проходит через разочарования в любви и через разрушение иллюзий, связанных с тщеславными притязаниями. «Исповедь молодой девушки» посвящена разработке проблем гомосексуальности, а также близкой к ним проблемы вины по отношению к родителям. «Конец ревности» исследует другой «темный» аспект любовного чувства, который будет играть важнейшую роль в романе. Как видно из названия, речь идет о ревности, которая будет подробно исследоваться Прустом и во взаимоотношениях Свана с Одеттой, и в истории влюбленности повествователя в Альбертину.

С точки зрения структуры, сборник может быть представлен как состоящий из двух типов новелл. Часть из них напоминает светские повести и представляет собой повествования с подробно разработанной сюжетной линией и детально обрисованными персонажами. При этом некоторые действующие лица переходят из одной новеллы в другую, а другие настолько похожи, что простая смена имени может превратить их из одного в другого и трансформировать, таким образом, истории из жизни разных персонажей в единое повествование. Вторая группа текстов в сборнике представляет собой небольшие философские и психологические

эссе, пародии, стихотворения. Они также легко могут быть включены в длинное романное повествование, поскольку не имеют собственной системы персонажей. Таким образом, сборник довольно легко может быть трансформирован в роман, и эта возможность, как представляется, была осознана Прустом. Писатель чувствует себя способным создать более крупное литературное произведение, поэтому, оставив работу над разрозненными новеллами, он обращается к написанию романа «Жан Сантей».

ВОСПРИЯТИЕ СБОРНИКА И ДУЭЛЬ С ОДНИМ ИЗ КРИТИКОВ

Возвращаясь к истории создания сборника «Утехи и дни», необходимо отметить вклад, который был сделан в него близкими и знакомыми Марселя, и прежде всего Анатолем Франсом, который написал предисловие к этому первому крупному произведению Пруста. Почему маститый писатель согласился поддержать начинающего собрата? Этот вопрос занимает не только сегодняшних исследователей биографии Пруста, он интересовал и его современников и, как мы увидим позже, даже привел к тому, что Прусту пришлось участвовать в дуэли с одним из критиков.

Между тем на решение Франса могло повлиять не только желание поддержать молодого и не лишённого дарования автора, но и то, что Пруст не просто посещал салон мэтра французской литературы рубежа веков, но и разделял многие его идеи в оценке современной ему французской литературы. Он, например, поддерживал критику, которую Франс направил против символистов, упрекая их в мистицизме и неспособности ясно выражать свои мысли. В опубликованной в 1896 году в «Ревю бланш» статье под названием «Против неясности» Пруст присоединяется к мнению о символизме, высказанному Анатолем Франсом.

Ответил на критику Пруста, кстати, сам лидер символистов Малларме в своей статье «Тайна в поэзии», вышедшей в свет через шесть недель после публикации молодого автора. Оправдывая использование символистами усложнённых форм и туманных выражений, Малларме объясняет, что поэзия не может ограничиваться описанием поверхности вещей (легко доступной интеллекту), но должна намекать на ту тайну, которая спрятана в глубине каждого предмета и каждого человека. Отметим, что стремление преодолеть плоское, поверхностное изображение вещей и людей, желание раскрыть закономерности и тенденции, которые скрываются в глубине описываемого, — этот подход очень близок и самому Прусту, а значит, можно сказать, что противоречия с символистами носят у него скорее внешний характер. Отличает Пруста от символистов не отрицание тайны, которая присутствует в человеке, но выбор способов ее отражения. Можно сказать, что символисты в одной форме, а Пруст как представитель психологического романа — в другой обратились к загадке человека. Загадке, которая, как было показано Мишелем Фуко, является центральной проблемой для европейской культуры с конца XVIII века.

Новое, более свободное по сравнению со средневековым общество трансформирует представления о людях: если раньше их жизненный путь был известен заранее, поскольку полностью был определен социальным статусом, то теперь человек трансформируется в существо «таинственное», непредсказуемое, загадку поведения и жизненных выборов которого пытаются понять и новые науки (социальные и гуманитарные), и литература.

Чтобы обеспечить успех произведению молодого и малоизвестного писателя, текст Анатоля Франса в июне 1896 года публикуется в двух влиятельных газетах — «Фигаро» и «Галуа». В предисловии к сборнику в первую очередь отмечается новизна приемов молодого автора, а вместе с тем и интерес к традиции (о чем свидетельствует отсылающее к «Трудам и дням» Гесиода название). Франс также подчеркивает способность Пруста к психологическому анализу, умение одной чертой передать секретные мысли и невысказанные желания персонажей. Это проникновение во внутреннюю жизнь других показывает, по мнению Франса, то, что автор хотя и не невинен, однако искренен и правдив, и именно эти последние два качества составляют основу привлекательности его таланта.

Свой вклад в издание сборника сделали и еще несколько близких к Прусту творческих личностей. За иллюстрации к изданию принялась Мадлен Лемер, которая изобразила любимые ею цветы, а также замок Ревейон и портрет Пруста в кругу его друзей. Рейнальдо Ан, со своей стороны, написал несколько музыкальных иллюстраций к стихотворным портретам художников. Партитуры этих отрывков также вошли в книгу, в которой в итоге получилось 273 страницы.

Сборник был издан как дорогое произведение искусства, однако именно это и стало одной из главных причин его неуспеха. Издание стоило 13 с половиной франков (около 40 евро), что существенно ограничивало число потенциальных покупателей. Продать за 22 года после публикации удалось чуть более трех сотен экземпляров из полутора тысяч напечатанных. Исключительная дороговизна книги стала поводом для шуток. Был даже придуман небольшой скетч, представлявший собой диалог между Прустом и двумя литературными критиками — Фернаном Греггом и Эрнестом Лаженесом. Диалог начинался вопросом Пруста о том, читали ли критики его книгу. На что один отвечал, что не читал из-за дороговизны, а другой признавался, что читал только потому, что должен был опубликовать отзыв. Пруст затем задал вопрос о том, считают ли критики, что цена за книгу слишком высока. В ответ один из собеседников сказал, что цена справедлива, так как она соответствует содержанию книги:

4 франка за рисунки мадам Лемер, 4 франка за партитуры Ана, 4 франка за предисловие Франса, 1 франк за прозу Пруста и еще 50 сантимов за его стихи. Как видим, в литературном кругу книгу Пруста не восприняли серьезно: она была оценена как произведение, созданное дилетантом. Эта репутация поверхностного автора надолго останется с Прустом и даже помешает ему в момент, когда он решится начать публикацию своего романа «В поисках утраченного времени».

Шутки по поводу изданного Прустом сборника продолжались еще некоторое время. Это пренебрежительное мнение нашло выражение даже на страницах газет. Хотя в целом книга получила положительные отзывы в немногочисленных критических статьях, один из светских журналистов — Жан Лоррен — обвинил Анатоля Франса в том, что тот написал свое предисловие только из-за того, что Пруст входит в число его светских знакомых. Семь месяцев спустя тот же Лоррен вернется к прежним обвинениям, чтобы сделать предположение еще более оскорбительное. В «Журнале» от 3 февраля 1897 года он опубликует статью, в которой будет намекать на отношения, которые существуют между Прустом и Люсьеном Доде. Лоррен выскажет предположение, что предисловие к следующей книге Пруста будет написано Альфонсом Доде, потому что тот ни в чем не сможет отказать своему сыну. Опубликованное в печати двусмысленное обвинение не могло быть оставлено Прустом без последствий. Для того чтобы остановить недоброжелателя, Пруст вызвал его на дуэль.

Несмотря на то что представить вечно больного и жалующегося на нервы Пруста с пистолетом в руках непросто, свидетельства, оставленные нам его друзьями о том, как проходил поединок, показывают Марсея с лучшей стороны. Он держался смело и хладнокровно. Так, Робер де Флер, который вместе с Рейнальдо присутствовал на дуэли, чтобы поддержать Пруста, в одном из писем характеризовал поведение молодого автора как «восхитительно героическое». Пруст со знанием дела выбрал своих секундантов: один из них — известный художник Жан Бери, а другой — знаменитый бретер Густав де Борда. Противники встретились в лесу на юго-западе от Парижа, обменялись выстрелами, ни один из участников не был ранен. Выдержка, которую проявил Пруст, не была чем-то случайным. По итогам всего жизненного пути писателя его можно даже записать в настоящие дуэлянты. В эпоху, когда дуэли уже вышли из моды, Пруст умудрился принять участие в нескольких поединках: в воспоминаниях его друзей упоминаются еще как минимум четыре.

РОМАН «ЖАН САНТЕЙ» И ДЕЛО ДРЕЙФУСА

Еще до публикации сборника «Утехи и дни» Пруст начал работать над более амбициозным литературным проектом, о существовании которого, поскольку писатель его не закончил, не было известно до конца 40-х годов XX века. Открытие этой неизвестной ранее рукописи окончательно разрушило миф о Прусте как об авторе, который провел свою молодость в светских развлечениях. По всей видимости, Пруст работал над этим произведением около четырех лет: он начал его в 1895 году в Бег-Мэле и окончательно забросил только в 1899-м.

Рукопись (около тысячи страниц) была обнаружена Андре Моруа в архиве родственников писателя и передана Бернару де Фалуа, который первым опубликовал этот текст в 1952 году. Анализ черновиков писателя показал, что речь идет о романе. Сам Пруст с его заглавием не определился, поэтому по имени главного героя он был назван «Жан Сантей».

Роман изменяет очередное укоренившееся представление о творчестве Марселя Пруста. Одной из главных тем «Жана Сантея» является дело Дрейфуса. Таким образом, неоконченное произведение позволяет увидеть Марселя Пруста еще с одной необычной точки зрения — как писателя, интересующегося политической жизнью Франции. Более того, оказалось, что дело Дрейфуса, это важнейшее политическое событие, получило отражение только у одного французского автора кроме Пруста: в своей «Истории современности» его опишет Анатоль Франс.

Дело о капитане Альфреде Дрейфусе, офицере, отправленном по ложному обвинению на каторгу, имело исключительно важное значение в истории Франции рубежа веков. Одной из причин этого было то, что дело затронуло множество социальных тенденций. В нем переплелись нарастающее движение национализма и антисемитизма, с одной стороны, а с другой — ненависть к Германии, вызванная аннексией Эльзаса и Лотарингии в 1871 году. В деле столкнулись патриоты, уверенные, что ради блага государства допустимо идти даже на преступление, и идеалисты, считающие, что никакие самые высокие цели не могут оправдать незаконных действий. Накал страстей был таким, что на адвоката Дрейфуса во время пересмотра дела в 1899 году было совершено покушение (адвокат отделался легким ранением), а в некоторых городах Франции прошли антисемитские выступления. Дело привлекло так много внимания также и из-за самого характера связанных с ним событий, позволявших понять не

только функционирование государственной машины, но и психологию многих причастных к нему лиц. Вся сложная механика бюрократических, социальных, частных и государственных интересов, связанных с делом, превратила его в настоящий роман-фельетон, который каждую неделю выплескивал на страницы газет новые неожиданные открытия и сенсационные обстоятельства.

Дело Дрейфуса в своем развитии прошло через несколько этапов, но Пруст придавал ему особенное значение в 1898 году, когда к защите капитана присоединился Эмиль Золя. Первые события, связанные с судьбой необоснованно обвиненного офицера, не интересовали Пруста, как и многих других французов. Между тем история началась еще в 1894 году, когда Альфред Дрейфус был арестован и приговорен к бессрочной ссылке на Чертов остров во Французской Гвиане. В течение длительного времени до ареста во французском Генеральном штабе подозревали о существовании шпиона. Капитан Дрейфус вызвал подозрения своей связью с Эльзасом, где он родился, а также своим еврейским происхождением. Кроме этих очень неопределенных причин других для совершения преступления найдено не было: будучи выходцем из состоятельной семьи и мужем дочери ювелира, Дрейфус не имел финансовых проблем, а значит, и необходимости заниматься шпионажем. Первый судебный процесс над капитаном в 1894 году прошел очень быстро, при закрытых дверях, а его результаты если и вызвали критику, то только потому, что Дрейфуса не приговорили к смертной казни.

Однако у отправленного в ссылку капитана остались во Франции преданные защитники — его братья, которые решили сделать все, чтобы найти настоящего шпиона и вернуть Альфреду свободу. Со своей стороны полковник Пикар, новый начальник разведывательного бюро, в ходе своего расследования пришел к выводу, что Дрейфус невиновен и что настоящим предателем является другой офицер — майор Эстергази. Пикар обратился к правительству с просьбой пересмотреть дело. Однако его предложение вызвало недовольство правящих кругов, и чтобы избавиться от слишком докучливого офицера, Пикара сначала отправили на юг Франции, а затем в Северную Африку в Тунис.

Тем не менее скрыть новые факты не удалось; сначала за границей, а потом и в самой Франции появляется все больше публикаций, требующих пересмотреть дело. У Дрейфуса возникают все новые и новые сторонники. При этом в стане противников пересмотра дела позиции тоже радикализируются: в 1896 году подполковник Анри, офицер из службы разведки, в порыве патриотизма фабрикует фальшивый документ, который

должен окончательно доказать виновность Дрейфуса (позже Анри будет арестован и покончит с собой в тюрьме, а в деле будет обнаружено множество других подложных документов). Новая комиссия заново рассматривает дело. Но надежды на справедливое решение не оправдались: наказание, назначенное Дрейфусу, не было отменено, более того, полковник Пикар, последовательный защитник капитана, заключен в тюрьму.

13 января 1898 года, на следующий день после несправедливого решения, Эмиль Золя публикует свое знаменитое «Я обвиняю» — открытое письмо президенту Феликсу Форю, в котором высказывается в поддержку невиновности Дрейфуса. Пруст, который внимательно следит за развитием событий, вместе со многими своими знакомыми подписывает манифест в поддержку капитана. Однако ни манифест, ни заявление писателя-натуралиста не только не приводят к пересмотру решений комиссии, но и провоцируют начало нового расследования и обвинение в клевете самого Золя. Заседания суда по его делу носят открытый характер. Они длятся две недели, по их итогам Золя приговорен к году заключения и к штрафу в три тысячи франков. Чтобы избежать наказания, Золя вынужден бежать в Англию.

Марсель Пруст присутствовал на заседаниях, и именно их он описал в романе «Жан Сантей». В основе судебного разбирательства, представленного Прустом, находится противопоставление двух участников процесса: генерала Буадеффра (начальника Генерального штаба и противника Дрейфуса) и полковника Пикара (его защитника). Сам Дрейфус упомянут под именем Дальтоцци. Особенно интересен образ полковника Пикара, который построен Прустом на контрасте между его внешностью и содержанием его поступков. Жан Сантей заранее представляет себе Пикара в облике вдохновенного борца за справедливость. Но оказывается, что у полковника самая обычная внешность, ничем не выдающая его страстной привязанности к истине, ради которой он готов отправиться в тюремное заключение. Таким образом, в описании процесса Эмиля Золя Пруст делает акцент на исследовании психологии участников, а также особенностей видения Жаном Сантеем происходящих вокруг него событий. Этот интерес к психологии, и в частности к психологии восприятия, является одной из главных особенностей письма Пруста, которое принимает в его юношеском романе все более близкие к зрелому стилю формы.

Восхищение полковником Пикаром выразится у Пруста не только в художественной форме. В сентябре 1898 года он будет собирать подписи под требованием выпустить капитана на свободу. Когда же петицию опубликуют, но без его фамилии, Марсель напишет в редакцию письмо с

требованием исправить ошибку. Он объяснит свою позицию так: конечно, его имя ничего не добавит к списку, объединившему таких известных личностей, но зато присутствие в списке добавит что-то важное к его собственному имени.

По всей видимости, Пруст был в курсе того, что капитан Дрейфус невиновен, с 1897 года благодаря своей близости к мадам Строс, которая получила информацию о махинациях, приведших к обвинению капитана, от Жозефа Рейнаха, журналиста, убежденного в невиновности Дрейфуса с 1894 года. Среди сторонников Дрейфуса было много прежних одноклассников Пруста по лицезу Кондорсе: Даниэль Галеви, Жак Бизе, Робер Дрейфус. В собственной семье убеждения Марселя разделяли его мать и брат. А вот отец, слишком близкий к правящим кругам, не посмел занять оппозиционную к правительству позицию.

Как видим, наибольший интерес у молодого автора вызвал процесс Золя. В дальнейшем внимание Пруста отчасти переключилось на другие сюжеты, хотя дело Дрейфуса навсегда останется для него одним из важнейших событий в его собственной биографии. Когда в 1899 году во время очередного пересмотра дела на адвоката Лабори будет совершено покушение, Пруст отправит юристу телеграмму поддержки. Он также будет регулярно подписывать разнообразные манифесты и письма в помощь капитану.

В конце концов, в 1906 году, в момент принятия решения о реабилитации Дрейфуса, Пруста даже охватит что-то вроде ностальгии по тому периоду, когда правда и ложь имели такие определенные очертания, когда было совершенно ясно, что́ нужно изменить, чтобы восстановить справедливость. Все более погруженный в исследование психологических закономерностей, все более удаляющийся от прямого описания исторических событий, Пруст даже приходит к парадоксальному выводу, что, может быть, капитан Дрейфус и полковник Пикар, видевшие в своей жизни столько страданий, все же счастливее многих других людей. Ведь несчастья других, объясняет Пруст в письме к мадам Строс, базируются на психологических законах, которые невозможно изменить, тогда как причиной трагических событий в биографии Дрейфуса и Пикара является юридическая ошибка, которую вполне можно исправить.

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ РОМАНА «ЖАН САНТЕЙ»

Для исследователя биографии Пруста роман «Жан Сантей» интересен, с одной стороны, тем, что он имеет автобиографический характер и позволяет больше узнать о том, что происходило в жизни Пруста. С другой стороны, роман, как и сборник «Утехы и дни», может рассматриваться в качестве варианта «Поисков утраченного времени», варианта, в котором автобиографическая информация еще не получила такой глубокой переработки, как в «Поисках».

Незаконченное произведение Пруста представляет собой собрание отдельных эпизодов, которые не имеют единой интриги. Имена и характеры персонажей еще не совсем определены: они иногда меняются от сцены к сцене, а события, в которых они участвуют, иногда противоречат друг другу. Несмотря на отсутствие связи между отрывками и героями, в тексте все-таки может быть найдена объединяющая его основа. Роман описывает часть жизненного пути молодого и литературно одаренного человека, которого зовут Жан Сантей. Бернар де Фалуа, который при издании романа первым столкнулся с его разорванной композицией, объединил повествование, опираясь на изменение возраста героя — от детства к юности. Этот подход с небольшими уточнениями будет использоваться и впоследствии.

Роман открывается прологом: двое друзей получают доступ к манускрипту писателя К. Все описанные далее события являются частью этого документа. «Жан Сантей» начинается с описания первых лет жизни героя и сцены с поцелуем матери, а также эпизодов с каникулами в Илье, с волшебным фонарем, с прогулками, с распорядком дня в воскресенье. К детскому же периоду относятся сцены, связанные с определением призвания главного героя. Важное место занимает описание влюбленности в мадемуазель Косищев, которая отражает историю детского увлечения Пруста Марией Бенардаки. Читатель переносится также в лицей Генриха IV, в котором учится Жан. Здесь Пруст концентрируется на описании дружбы с Анри де Ревейоном, молодым человеком, имеющим блестящее аристократическое происхождение. Родители запрещают Жану выходить вместе с Анри в свет, что вызывает яростное сопротивление их сына. Следующий эпизод описывает визит главного героя в замок Ревейон, принадлежащий родителям Анри. Один из разделов «Жана Сантея»

посвящен путешествию в Бег-Мэль, за которым следует вторая поездка в Ревейон. После рассказа о путешествиях читатель знакомится с главой, которая отдана описанию военного гарнизона, она напоминает о военной службе самого Марселя. Затем Пруст переходит к исторической части: он описывает дело Мари (являющееся трансформацией скандала с Панамским каналом) и дело Дрейфуса.

Тематическое сходство с романом «В поисках утраченного времени» заставляет задаться вопросом, почему, если основные темы «Поисков» уже присутствовали в «Жане Сантее», он был заброшен писателем. Как случилось, что один из двух романов, построенных на автобиографическом материале, был доведен Прустом до совершенства, а другой оставлен без продолжения?

Чтобы объяснить неудачу «Жана Сантея», можно привести несколько причин. Во-первых, Пруст не нашел в первом романе философской основы, которая могла бы придать композиции произведения большую ясность: поиск собственного призвания, а также интерес к воспоминаниям уже разрабатываются писателем, но они не определяют структуру романа, они присутствуют только в качестве отдельных эпизодов. Пространственная организация романа «В поисках утраченного времени», базирующаяся на противопоставлении направления к Свану и Германтам, также пока отсутствует. Второй причиной можно считать то, что Пруст оказался слишком близко от описываемых событий, он был затоплен автобиографическим материалом, ненужными подробностями. Таким образом, эпизоды романа «Жан Сантей» не только не связаны воедино, но и имеют слишком «сырой» характер. Главное место пока еще отдается Прустом описанию, а не анализу. В-третьих, Пруст не использует повествование от первого лица, которое составляет одно из главных преимуществ романа «В поисках утраченного времени» и позволяет погружаться в неизвестные ранее глубины человеческой психологии. Благодаря использованию я-повествования «Поиски» приобретают субъективное измерение, Пруст переходит от описания того, что видит герой, к анализу того, почему он видит что-то так, а не иначе. Пруст концентрируется прежде всего на том, что происходит в сознании героя, на процессах восприятия и на том, что их определяет (мечты, воспоминания, привычки). Такой глубокой трансформации повествовательной техники Пруст не смог осуществить в своем первом романе.

СНОВА МАДАМ ПРУСТ

В течение нескольких лет, во время которых Пруст работал над сборником «Утехы и дни», а также над романом «Жан Сантей», писатель был занят, как мы видели, своими новыми светскими знакомствами, литературными проектами, а также сентиментальными привязанностями. Тем не менее он все еще проживал в доме родителей, то есть не чувствовал себя достаточно «взрослым», чтобы их покинуть и вести полностью самостоятельный образ жизни. Оставляя своих близких даже на недолгое время, он, как и прежде, чувствовал себя несчастным. Таким образом, семейные привязанности оставались все еще чем-то очень важным для Пруста: это показали несколько эпизодов, связанных с родителями и произошедших в конце 1890-х годов.

Основное число их концентрировалось вокруг мадам Пруст, привязанность к которой не уменьшилась у Марселя с возрастом. Жанна Пруст в этот период пережила ряд потерь. В 1890 году умерла ее мать, и это событие ей, заботливой и чувствительной дочери, было очень тяжело перенести. В мае 1896-го, когда Жанна начала наконец забывать боль этой первой утраты, скончался сначала двоюродный дедушка Марселя — Луи Вейль, а через несколько недель, 30 июня — Натте Вейль, отец Жанны. В июле в одном из своих писем Марсель подчеркнет важность этого ухода тех, кто представлял поколение, предшествующее поколению его родителей, и к кому Марсель нередко обращался и за советом, и за финансовой помощью. Он напишет о новом состоянии его семьи просто: «Мы похожи на дом, который потерял своего хозяина».

Мадам Пруст, как обычно, с большим достоинством пережила несчастье, внешне она не казалась ни потерянной, ни разбитой. Но любящий ее сын был способен различить то, что оставалось невидимым для других: ее грусть приняла более скрытые формы. Марселю казалось, что она проявлялась в голосе его матери. Этот голос, в котором печаль произвела необратимые изменения, станет основой небольшого происшествия, имеющего очень прустовский характер и такого важного для писателя, что воспоминание о нем будет преследовать Пруста в течение двух десятков лет.

В октябре 1896 года через несколько месяцев после смерти деда Пруст решает отдохнуть в Фонтенбло, в «Отеле Франции и Англии», который предлагает своим постояльцам не только широкую террасу, дорогой

ресторан и красивый сад, но и модную новинку — телефон. Вокруг этого телефона и будут разворачиваться события. Марсель приглашен в отель Леоном Доде, который остановился в Фонтенбло, чтобы закончить свой роман «Сюзанна». Пруст также предполагает писать, но вначале ему кажется, что ни его здоровье, ни состояние его нервов этого не позволяют. Как только 19 октября он приезжает в отель, сразу пишет матери, что хотел бы покинуть Фонтенбло незамедлительно. Однако, усталый после дороги, он откладывает отъезд.

На следующее утро, 20 октября, он разговаривает с матерью по телефону (причем мадам Пруст приходится отправиться в магазинчик, расположенный по соседству, так как дома у них телефон еще не установлен). Сразу после разговора Пруст пишет текст, который называет «Жан в Бег-Мэле. Звонок матери» и который должен, по мысли Пруста, войти в роман «Жан Сантей». Он посылает этот отрывок Жанне Пруст и, уверенный в том, что написанное имеет большую художественную ценность, просит ее ни в коем случае не терять отправленные им листы. В отрывке Жан, слыша голос матери, улавливает в нем страдания, пережитые ею, а также бесконечную нежность, преданность своим близким. Через несколько лет, в 1902 году, в письме Антуану Бибеско Пруст углубит идеи, высказанные в «Жане Сантее». Он пояснит другу, который только что потерял свою мать, что голос Жанны показался ему надтреснутым, разбитым, как будто составленным из кровотокающих кусков. Он, по словам Марселя, отразил надлом, произошедший в душе мадам Пруст после смерти ее родителей, и вызвал тем большее сочувствие сына, что изменить обстоятельства, спровоцировавшие его, было уже невозможно. Кроме того, голос матери, как будто находящейся совсем близко и в то же время так далеко, заставляет Марселя осознать, что когда-нибудь и он сам навсегда потеряет Жанну.

Именно тема потери станет основной в новой переработке этого эпизода из жизни Пруста в «Стороне Германтов». Мать повествователя будет в новом варианте трансформирована в бабушку. Главный герой говорит с ней по телефону. Когда связь неожиданно прерывается, повествователь ощущает волнение, отчасти похожее на то, которое, как он объясняет, охватит его в день, когда ему захочется переговорить с ушедшими от него навсегда и сказать им то, что он не успел выразить при жизни. Пруст, конечно, не ошибся в оценке записанного им текста, данной им в письме матери: не только в «Жане Сантее», но и в романе «В поисках утраченного времени», полном самых глубоких переживаний, сцена разговора по телефону остается одной из самых трогательных.

Чувство потери, которое ощущал Пруст, находясь в Фонтенбло, было снова пережито им, но уже по гораздо более серьезному поводу летом 1898 года, когда в июле мадам Пруст попала в больницу с диагнозом «фиброма». Доктор Терье, у которого она лечилась, принял решение ее прооперировать. Как Пруст напишет в письме Жоржу де Лори, тяжесть операции была оценена неверно, потому что не очень сложное, как казалось, хирургическое вмешательство вдруг изменило свой характер. Доктор Терье позже признается, что если бы он знал обо всех обстоятельствах заранее, то никогда бы не решился оперировать. К счастью, вмешательство, длившееся три часа, закончилось успешно, и Жанна Пруст медленно, но верно пошла на поправку. Однако Марсель еще несколько месяцев не решался надолго оставить ее одну.

Для того, кто занимается проблемами трансформации жизненного материала в художественный, интересно отметить, что эта история, которая связана с реальной опасностью для жизни матери, не вошла ни в одно произведение Пруста, тогда как описание краткого разговора по телефону заняло так много места в творчестве писателя. Думается, что, столкнувшись не с неопределенной возможностью трагедии, а с конкретной трагической ситуацией, писатель оказался неспособным выразить свои чувства. Его эмоции были настолько интенсивны, что вышли за пределы выразимого, обрекли его на молчание. Таким образом, иногда Прусту, чтобы передать то или иное переживание, приходилось его ослаблять, частично нейтрализовывать: именно поэтому писатель в романе «В поисках утраченного времени» систематически связывал эмоции, относившиеся к мадам Пруст, с персонажем, более удаленным от героя, — с его бабушкой.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПОД СЕНЬЮ ДЖОНА РЁСКИНА

ПРУСТ ОТКРЫВАЕТ РЁСКИНА

Оставив в 1899 году свой незаконченный роман, Пруст следующие несколько лет посвятил работе над переводом произведений Джона Рёскина (1819–1900). Этот английский автор стал тем посредником, который помог Прусту освоить богатства европейской архитектуры и живописи. Марсель, как и другие последователи философа, под его влиянием открыл для себя живопись Тёрнера, а также красоты Венеции, Падуи, Пизы, Флоренции и множества готических церквей во Франции. Воздействие английского мыслителя прослеживается и в других особенностях произведений Пруста, как, например, в отсутствии четкой композиции («Повсюду он говорит обо всем», — напишет о Рёскине один из критиков), а также в усложненном характере фразы.

Пруст познакомился с творчеством Рёскина в конце 1880-х годов. Источники его информации об английском авторе многочисленны. Возможно, что впервые он услышал о философе от преподавателя Школы политологии Поля Дежардена, который с 1893 по 1903 год в собственном журнале публиковал отрывки из книг англичанина. Благодаря Роберу Монтестью Пруст был знаком и с книгой Джеймса Уистлера «Искусство создавать себе врагов», в которой художник описывал свой конфликт с Джоном Рёскином, назвавшим картину «Ноктюрн в черном и золотом» «банкой краски, выплеснутой в лицо зрителям». Художнику, кстати, удалось выиграть судебное разбирательство против Рёскина, но победа оказалась пирровой: судебные издержки были так велики, что разорили его. Эти первые встречи с Рёскином не имели определяющего значения и, возможно, прошли бы незамеченными. Ключевым событием в истории знакомства Пруста с творчеством английского автора, без сомнения, следует считать чтение книги Робера де ля Сизерана «Рёскин и Религия красоты», опубликованной в 1897 году. Чуть позже Пруст изучит также и работу Дж. Милсанда «Английская эстетика» (1864), в которой разбору взглядов Рёскина уделено более ста страниц.

Интерес Пруста еще мало кем разделялся во Франции. Марсель находит почитателей Рёскина скорее среди иностранцев или тех, кто по долгу службы часто бывает в Англии. Так, в 1899 году один из английских знакомых Пруста Дуглас Энсли встречался с писателем в кафе Вебер, и главной темой их разговоров было обсуждение достоинств эстетических взглядов Джона Рёскина и Уолтера Пейтера. Робер де Бийи, другой

светский приятель Пруста, бывший послом Франции в Лондоне, в 1898 году рассказывал внимательно слушающему писателю о том, как, руководствуясь идеями Рёскина, он посетил несколько романских церквей в Оверни и Пуату. Тот же Робер де Бийи оказал Прусту еще одну неоценимую услугу: он предложил ознакомиться с исследованием другого автора, имевшего не меньшее, чем Рёскин, влияние на художественное описание средневековой архитектуры в романе «В поисках утраченного времени». Речь шла о книге Эмиля Маля «Религиозное искусство XIII века во Франции», которая тогда только что вышла в свет. Эмиль Маль помог Прусту не только в написании множества сносок к переводам Рёскина, но также снабдил его необходимым материалом для создания образов церквей в Комбре и Бальбеке. Пруст настолько заинтересовался этой работой, что вернул книгу ее владельцу только через четыре года.

Летом 1899 года Пруст совершает свое первое паломничество по местам, описанным Рёскином. Во время путешествия в Альпы Марсель просит мать прислать ему книгу ля Сизерана. Его интересует первая глава исследования с цитатами из автобиографии Рёскина, одним из центральных эпизодов которой является описание вечера, проведенного четырнадцатилетним Джоном вместе с родителями в горах. Событие это имеет мистический оттенок и напоминает то, каким образом повествователь в романе «В поисках утраченного времени» впервые осознает, что он хотел бы стать писателем. Рёскин описывает, как его семья прибывает в городок Шаффхаузен на севере Швейцарии. Устроившись в отеле, все семейство отправляется на прогулку и наблюдает за закатом. Красота открывшегося пейзажа производит на Джона такое сильное впечатление, что определяет весь его жизненный путь. Как пишет он сам в автобиографии: «Этим вечером я спустился с земляного вала в Шаффхаузен с судьбой, уже определенной в том, что она должна была иметь прекрасного и полезного».

Как представляется, история из жизни Рёскина в трансформированном виде используется Прустом в «Поисках»: красота пейзажа (колокольни, за которыми повествователь наблюдает во время одной из прогулок в коляске вблизи Комбре) вызывает у героя непреодолимое желание зафиксировать на бумаге свои впечатления. Именно в этот момент, по мнению главного героя романа, рождается его убеждение в том, что он может быть писателем. В эпизоде с колокольнями повествователь стремится «остановить мгновение», спасти от забвения то, что без помощи артиста исчезнет в глубинах времени. Таким образом, герой Пруста начинает реализовывать программу, которой должен, по мысли Рёскина,

придерживаться всякий талантливый художник, задачей которого является сохранение от гибели исчезающей, недолговечной красоты мира.

Стоит обратить внимание на то, что история обретения призвания из автобиографии Рёскина была использована Прустом в его романе, так как она легко, в силу своего романтического характера, могла быть включена в художественный текст. Собственные же впечатления Пруста от альпийских пейзажей скорее сопровождались чувством разочарования оттого, что он не испытывал ощущений, сходных с теми, что были описаны Рёскином. В результате Пруст сохраняет романтическое представление об обретении призвания в своем художественном тексте, тогда как сам решает обречь себя на долгий период ученичества, подготовки к работе над собственными произведениями, не рассчитывая на прозрения свыше.

Паломничество по местам, открытым английским «учителем прекрасного», — таково было самое очевидное влияние, которое оказал философ на своих читателей в Англии, а затем и по всей Европе: Рёскин советовал смотреть на произведения искусства своими собственными глазами, а не читать их описания в книгах. При этом, как и у большинства мыслителей эпохи (вспомним, например, Толстого), идеи Рёскина не ограничивались только искусством. Философ отдавал дань и экономике, и социологии, и проблемам образования. Поэтому его описания поездок, которые могли бы предпринять его последователи, превращаются в настоящие путеводители, в которых он представляет не только сами архитектурные памятники. Он дополняет эстетический анализ самыми обстоятельными практическими советами: как добраться до города, в котором расположена достопримечательность, какой поезд предпочесть, как избежать усталости от дороги, как вернуться после путешествия домой и даже где и как утолить голод.

Одной из главных идей Рёскина, которая просматривается в уже упомянутом эпизоде из его автобиографии, является особое отношение к красоте природы. Именно эта красота должна стать, по его мнению, основным содержанием искусства. Встречаясь с ней, артист должен ее «объяснить, воспеть и зафиксировать». Сущность эстетической теории Рёскина сближается с идеями немецких романтиков, для которых истины о мире могут быть получены двумя способами: либо погружением в глубины собственной души, либо через созерцание природы. Природа, и здесь мы возвращаемся к символистской идее тайны, спрятанной в реальности и в человеке, скрывает что-то, что требует дешифровки.

При этом задачей произведения искусства, по Рёскину, является изображение не величественного, а обыденного. Английский философ

формулирует фундаментальную для искусства современного времени идею о необходимости поворота взгляда художника к повседневности, к самым непритязательным объектам (например, к домашней обстановке, одежде), а также к обычному человеку. Именно повседневное возводится им на пьедестал: так, Рёскин пишет, что дом честного человека вызывает у него не меньший восторг и благоговение, чем церковь. Рёскин мог бы сказать, как Эмерсон, автор, которого Пруст также очень ценил: «О, Поэт, истинный повелитель вод, земель и воздушных пространств, даже если бы ты пересек всю вселенную, ты не смог бы найти ни одного предмета, лишённого поэзии и красоты».

Требование обратиться к изображению повседневности, красоту которой художник должен сделать видимой, сочетается у Рёскина с другими моральными императивами. Для философа любая форма красоты является эманацией Бога, а значит, именно прекрасное является кратчайшим путем к обретению контакта с божественным. Потому подлинным искусством, по мнению Рёскина, является искусство христианское, например творения строителей соборов, сумевших выразить свое восхищение перед Создателем в формах, дающих возможность приблизиться к небесному.

Отметим все же, что если основная, романтическая часть воззрений Рёскина о том, что красота окружающего дает возможность прикоснуться к таинственным закономерностям, не вызывает у Пруста отторжения (хотя в его романе будет присутствовать таинственное, магическое, мистическое, но не религиозное содержание), то размышления о том, что природа имеет большее значение, чем индивидуальность художника, не будут поддержаны Прустом. По мнению писателя, художник только в том случае может считаться гениальным, если он сумел выразить в своих творениях свое собственное, оригинальное видение мира. Красота изображенных на картине предметов, по Прусту, «находится» не в самих предметах, а в глазах художника и в его умении передать свое представление о реальности на холсте. Именно на процессах, происходящих в сознании талантливого человека, наблюдающего за природой, а не на самой природе как таковой будет сконцентрировано внимание писателя в его романе «В поисках утраченного времени».

В окружении Пруста постепенно обнаруживаются и другие почитатели творчества английского философа. Мария Нордлинджер, двоюродная сестра Рейнальдо Ана, с которой Пруст знаком с 1896 года, также стала тем мостиком, который помог приблизиться к Рёскину. Она проживала в Манчестере, владела английским (что очень важно для

последующей работы Пруста), к тому же была натурой творческой, так как занималась скульптурой, живописью, увлекалась французскими импрессионистами. Мария уже предприняла несколько поездок по следам Рёскина: она побывала Руане, в Сент-Уане, а также в Амьене. Это последнее «паломничество» особенно заинтересовало Марселя: Мария не только рассказала о своих впечатлениях, но и перевела молодому автору четвертую главу «Библии Амьена» Рёскина, которая посвящена подробному описанию Амьенского собора.

Именно Марии Нордлинджер 5 декабря 1899 года Пруст признается, что он оставил произведение, над которым работал в течение уже очень долгого времени, чтобы заняться небольшим исследованием, совершенно не похожим на то, что он делал обычно. Пруст уточняет, что эта работа связана с Джоном Рёскином и с его описаниями соборов. Писатель, судя по этому посланию, не предполагает еще, что будет заниматься творчеством Рёскина в ближайшие шесть лет. Только через два года, в 1901-м, он завершит свой перевод «Библии Амьена», который будет опубликован в 1903 году, и лишь в 1906 году увидит свет второй перевод Пруста — «Сезам и лилии». К своим собственным большим литературным проектам Пруст не вернется до конца этого долгого периода ученичества.

Возможно, что интерес к Рёскину определялся для Пруста именно творческими проблемами: после неудачи с написанием романа Пруст нуждался в моральной поддержке. Английский философ мог дать Прусту ощущение того, что, несмотря на творческий провал, у него еще есть шансы создать что-то значительное. Так, взгляд Пруста могла привлечь цитата из Рёскина, приведенная ля Сизераном: «По-настоящему скромный человек восхищается сначала творениями других, он смотрит на них глазами, полными изумления, и настолько очарован, что у него не остается времени на сожаление о недостатках собственных произведений». Кроме того, Рёскин утверждает, что артисту не нужно уметь фантазировать: он должен просто отразить то, что видел в течение своей жизни. Эта идея могла придать уверенности Прусту, убежденному в том, что он лишен воображения. Подход Рёскина, кстати, составит основу представления о творческом акте в романе «В поисках утраченного времени»: главный герой чувствует себя способным обратиться к созданию повествования о собственной жизни благодаря произвольному воспоминанию, которое открывает ему доступ к богатствам собственной памяти. Таким образом, творчество для протагониста связано не с фантазией, но с трансформацией, с переработкой пережитого.

Почему Пруст взялся за переводы Рёскина? Одна из очевидных

причин — это отсутствие произведений английского автора на французском языке. В момент, когда Пруст начинает переводить, на французском изданы только две работы Рёскина из 162 произведений, которые насчитывает его полная библиография. Сам Пруст вынужден искать Рёскина на английском языке и читать его в подлиннике. Однако если задача перевести Рёскина на французский язык представляется логичной, то решение приняться за это дело самому кажется скорее сомнительным. Сомнительным потому, что Пруст не владел английским языком. Как уверял Жорж де Лори, первоначально знания Пруста были такими слабыми, что он не смог бы даже заказать отбивную в английском ресторане. Перевод «Библии Амьена» по сути имеет двух авторов: самого Пруста и его мать, которая готовила первый вариант текста. Этот первый набросок проверялся Марией Нордлинджер и стилистически правился самим Прустом. В трудных случаях он обращался к своим друзьям и знакомым, владевшим английским, как, например, к Роберу де Бийи или к Дугласу Энсли.

Конечно, работа Пруста над переводом не ограничивалась только стилистической правкой того, что было написано его матерью. Для того чтобы верно понять мысль Рёскина, Прусту приходилось осваивать массу информации. Сноски, подготовленные им к переводам и занимающие иногда больше места на странице, чем сам перевод, демонстрируют самый широкий кругозор: от Библии и Шекспира до специалистов по Средним векам, как Маль и Вьоле-ле-Дюк, от современных эстетистов, как Пэйтер, до литераторов, как Гюисманс, а также многочисленных и часто малоизвестных произведений французской средневековой архитектуры и ренессансной живописи. Как объяснял сам Пруст, он пытался с помощью многочисленных развернутых комментариев помочь читателю, который, возможно, в первый раз сталкивается с творчеством Рёскина, понять идеи мэтра в их полном объеме, увидеть переведенный текст в более широком контексте всего творческого наследия Рёскина.

ПО СЛЕДАМ РЁСКИНА: АМЬЕН, РУАН

В течение ближайших нескольких лет Пруст, вдохновленный чтением Рёскина, совершил несколько поездок по местам, которые были описаны «учителем прекрасного». Среди этих многочисленных вояжей наибольшее значение имели паломничества в Амьен, Руан и в Венецию.

Открытие Амьена отражено в статье Пруста «Рёскин в соборе Нотр-Дам в Амьене», которую Пруст опубликовал в «Меркюр де Франс» в апреле 1900 года. В своей статье он отказался от абстрактного, отвлеченного повествования об идеях философа. Он описал свой конкретный визит и поместил на первый план свои собственные впечатления. При этом он старался максимально точно следовать советам Рёскина и с неторопливой обстоятельностью повествовал обо всех деталях своей поездки. В описании чувствуется продуманность, свойственная всем культурным вояжам Пруста, обреченного в силу слабого здоровья постоянно экономить собственные силы. Стремление сконцентрироваться на самом главном видно уже в выборе пути, по которому Пруст отправился к памятнику. Рёскин предлагал путешественникам, прибывшим на вокзал Амьена, две дороги, по которым можно было приблизиться к одному из самых красивых и больших французских соборов. Одна предполагала около часа ходьбы пешком, вторая же была гораздо короче и предназначалась для тех, кто не мог или не хотел долго ходить или был вынужден вернуться в Париж тем же вечером. Пруст решил отправиться по более короткому пути, он проследовал от площади Гамбетта по улице Труа-Кайу, самой оживленной в городе.

С восхищением Пруст отмечал, что Рёскин заботился не только об эстетических впечатлениях, но и о физическом состоянии своих поклонников. Он, например, советовал остановиться в булочной, расположенной по пути к собору, и купить несколько пирожных. Пруст последовал предложенной Рёскином программе и послушно купил сладости. Далее по улице Робера де Люзарш он вышел к южному фасаду собора. Там, как и предсказывал Рёскин, он встретил нескольких нищих, которым подал по монетке, не размышляя, точно, как советовал автор «Библии Амьена», над тем, были ли достойны эти убогие получить подаяние. При этом Прусту показалось, что некоторые из попрошаек являлись такими старыми, что вполне могли быть знакомы с самим Рёскином, который побывал в Амьене девятнадцатью годами ранее.

Далее Пруст внимательно изучил статую Богоматери, на которой почти не осталось следов позолоты и которую золотили, пытаясь компенсировать потерю, лучи солнца. Статуя была убрана вырезанными в камне ветками цветущего боярышника, описанию которого Пруст впоследствии придаст такое важное значение в своем романе. Он долго всматривался в улыбку Девы Марии, которая, как сообщил Пруст, напоминала самому Рёскину усмешку веселой субретки и которой философ предпочитал более строгие образы. Именно изображение амьенской Богоматери по возвращении в Париж Пруст поместит рядом с фотографией Джоконды на стене своей комнаты. Если творение Леонардо казалось ему полным очарования, поскольку было создано руками гения, то амьенская Богоматерь имела для Пруста ценность иного характера: она была связана с меланхолией воспоминания. Джоконда в каком-то смысле принадлежит всем, она не имеет родины, тогда как Богоматерь стала для Пруста частью его самого, а также связана с местностью, которую он открыл для себя самостоятельно.

Пройдя внутрь собора через южный портал, он внимательно осмотрел витражи и украшенные резьбой деревянные кресла в хоре. Он отметил парадоксальное единство работы гениального скульптора по дереву с практическим использованием его творений: такое единство напомнило ему тех великих музыкантов, которые, даже достигнув вершин музыкального Олимпа, продолжали давать частные уроки. Затем он вышел из здания, чтобы полюбоваться западным фасадом, названным Рёскином амьенской библией. Описывая его, философ подчеркнул необходимость не просто глядеть на скульптуры, но уметь их «читать», то есть расшифровывать то, что было представлено на фасаде, а также привлекать дополнительные знания для понимания идей средневековых скульпторов. И Пруст обратился к описанию тех персонажей и эпизодов, которые были представлены на западном портале, начиная с фигуры Христа, которая, как он отмечал, является не только в переносном, но и в прямом смысле краеугольным камнем всего здания. Затем Пруст вышел к реке и рассмотрел северный фасад собора. Солнечные лучи, которые в тот момент прошли витражи насквозь, придали зданию еще большую легкость; памятник показался Прусту почти прозрачным.

Заканчивая статью, Пруст включил Рёскина в число тех пророков, которые были изображены средневековыми скульпторами в соборе. Конечно, скульптурного портрета Рёскина нет в Амьене, но его слова, его идеи, его описания превращают философа в часть собора для тех, кто, подобно Прусту, познакомился и полюбил книги английского автора. Таким образом, в статье Пруста в описании его поездки в Амьен переплетены две

субъективные перспективы: с одной стороны, его собственные впечатления о визите, с другой стороны, оригинальное видение архитектурного памятника, предложенное Рёскином.

20 января 1900 года Рёскин скончался в своем доме в Brentwood. Конечно, уже около двенадцати лет, с тех пор как потерял рассудок, он некоторым образом умер для своих почитателей. Однако эта «новая смерть» дала возможность еще раз вспомнить о философе. Пруст опубликовал несколько статей, посвященных этому событию, что, кроме прочего, позволило ему наконец войти в число постоянных авторов «Фигаро», любимой газеты французского высшего общества. Именно в этом издании 13 февраля 1900 года вышла в свет статья Пруста «Паломничества по местам, связанным с Рёскином во Франции», в которой он предложил всем почитателям философа, стремившимся отдать ему дань уважения, отправиться не на его могилу, а в Амьен или Руан. Немного позже благодаря знакомству с Гастоном Кальметом, ставшим с 1902 года издателем газеты, Пруст сотрудничал с «Фигаро» еще активнее. Кальмету в благодарность за его постоянную поддержку он посвятит первый том своей эпопеи «В сторону Свана», а история публикации статьи повествователя в «Фигаро» войдет и в сам роман Пруста: это событие станет для героя еще одним доказательством того, что у него есть писательский дар.

Собственному совету посетить связанные с именем английского философа достопримечательности Пруст следует и сам, о чем он рассказывает в статье «Джон Рёскин», описывающей поездку в Руан и опубликованной в двух частях в «Газетт де боз-ар» в апреле и августе 1900 года. Выбор именно нормандского города опять имеет подробно описанные субъективные причины. Благодаря случайному совпадению в день смерти Рёскина Пруст перечитывает его книгу «Семь светильников архитектуры» и замечает в ней описание небольшого барельефа из Руанского собора. Барельеф не изображает ничего исключительного, на нем представлен человек, который, скучая, подпирает одной рукой щеку. Тем не менее Пруста охватывает непреодолимое желание увидеть эту маленькую фигурку, ему кажется, что Рёскин оставил ему перед смертью какое-то важное сообщение или завещание. Пруст отправляется в поездку со своими друзьями Леоном Йитманом и его супругой Мадлен. Они долго бродят по собору, поскольку не имеют точного указания на расположение фигурки, пока, наконец, не замечают изображение, чей размер не превышает десяти сантиметров. Пруст пишет, что момент встречи с человечком был похож на воскрешение из небытия не только маленького существа, но и самого Рёскина. История маленькой фигурки кажется ему выражением одной из

основных идей английского философа: творчество гения дает возможность спасти от забвения существа даже самые незначительные.

Когда Пруст писал свою историю маленького барельефа, он подчеркивал способность Рёскина даровать спасение от разрушительной силы времени. Однако сегодня если мы и вспоминаем о творчестве самого английского философа, то только благодаря его последователям: Оскару Уайльду и Марселю Прусту. Огромная популярность Рёскина начала угасать практически сразу после его смерти, а с 50-х годов XX века его уже практически перестали переиздавать. Сегодня его идеи во многом потеряли актуальность, может быть, потому, что в своем творчестве он пытался объединить качества двух разных форм выражения мысли. Как критику, ему, с сегодняшней точки зрения, явно не хватает научности, в то же время его статьи не могут считаться художественными текстами: то, что читатель готов принять в романе Пруста или Уайльда, он считает недопустимым в критическом разборе, а потому эмоциональный стиль Рёскина сегодня находит не очень много поклонников.

ПОЕЗДКИ В ВЕНЕЦИЮ

Весной 1900 года Пруст отправился еще в одну поездку, вдохновенную Рёскином. Уже давно он мечтал посетить Венецию, и единственное, что его останавливало, это то, что он не мог найти спутников, готовых его сопровождать. Весной 1900 года наконец у него появилась возможность открыть для себя Италию в компании друзей. Рейнальдо Ан и Мария Нордлинджер путешествовали по Апеннинскому полуострову, и Пруст предложил им встретиться в Венеции. Он, как всегда, прекрасно продумал свою поездку: например, выбрал не только один из самых комфортабельных отелей, но и самый литературный — «Даньели». Именно в нем проживал и сам Рёскин, и знаменитые влюбленные — Альфред де Мюссе и Жорж Санд. Кроме того, чтобы быть готовым к встрече с Венецией, Марсель в течение всего вояжа в купе поезда читал своей матери, которая также решила присоединиться к сыну, описания города из произведений Рёскина. Он настолько ясно представлял себе выбранные критиком искусств дворцы и соборы, что первое впечатление от Венеции его даже разочаровало. Однако уже к вечеру его настроение поменялось, и он с удовольствием начал исправлять перевод «Библии Амьена», сидя вместе с Марией Нордлинджер в кафе «Квадри» на площади Святого Марка.

Поездка Пруста была наполнена впечатлениями до предела. О том, как проходили дни писателя и его друзей в Венеции, в своих воспоминаниях рассказала Мария Нордлинджер. Рано утром, до наступления жары, путешественники отправлялись на гондоле осматривать достопримечательности, описанные Рёскином. Причем мадам Пруст оставалась в отеле, может быть, ощущая себя слишком усталой или не желая мешать молодым людям чувствовать себя свободнее. После обеда они пережидали жару, лакомясь мороженым в знаменитом ресторане «Флориан» и глядя на голубей, прогуливавшихся по площади Святого Марка. Далее Марсель и Мария, еще полные впечатлений от утренних экскурсий, отправлялись в собор, давший название площади, чтобы в его прохладе снова поработать над переводом. Иногда Мария читала Прусту книгу Рёскина «Камни Венеции». Вечером путешественники долго оставались в ресторане «Квадри», а затем снова нанимали гондолу и отправлялись на прогулку по лагуне.

В один из дней Пруст даже решается посетить Падую, где в капелле

дель Арена он осматривает фрески Джотто, представляющие жизнь Богоматери и Иисуса. Пруст «вживую» хочет увидеть творения, перевернувшие европейское искусство благодаря своему вниманию к объему и создающей его тени. Особенное впечатление произвели на писателя фигуры Добродетелей и Пороков. Впоследствии они будут упомянуты в романе «В поисках утраченного времени»: Шарль Сван подарит их изображения повествователю. Как всегда у Пруста, это небольшое событие помогает герою открыть новые психологические закономерности. Репродукции Джотто заставят повествователя задуматься над тем, каким образом внешность человека соотносится с его характером. Ему покажется, что в фигурах Джотто, как и реальных людях, внешнее очень часто совсем неадекватно выражает внутреннее. В этом анализе фресок из капеллы дель Арена Пруст следует за Рёскином, который объясняет особенности символизма Джотто, имеющего средневековый еще характер, таким образом: персонажи обозначают добродетели и пороки так, что ни выражение их лиц, ни их жесты не позволяют догадаться, о какой конкретно характеристике идет речь. Рёскин, например, утверждает, что Милосердие Джотто протягивает свое сердце Богу так, как обычный человек мог бы протянуть кому-либо штопор.

СВЕТСКИЕ ДРУЗЬЯ, МОДЕЛИ СЕН-ЛУ

Поездка в Венецию, в которой Пруста сопровождали его друзья и его мать, показала, в какой степени Марсель нуждался в дружеском участии: кажется, что без такого доброжелательного окружения он просто не способен был существовать. Конечно, в теоретическом отношении дружба в романе «В поисках утраченного времени» оценивается довольно негативно: она входит в число тех преходящих ценностей, которые только оттягивают момент, когда главный герой обратится к главному делу своей жизни — написанию романа. Однако Пруст все-таки дает в «Поисках» блестящее описание дружбы с молодым аристократом Сен-Лу, наделенным всеми возможными достоинствами: душевной чуткостью, утонченной вежливостью, широтой кругозора, способностью пойти против предрассудков своего круга, любовью к новым течениям в литературе, аристократическим демократизмом. В реальной жизни Пруст тоже не был так категоричен в определении важности дружеских привязанностей, как в теоретических рассуждениях романа. Взаимоотношения со многими друзьями значительно обогатили его жизненный опыт. Такова, например, роль дружбы с Антуаном Бибеско и Бертраном де Фенелоном, которая была полна сложных эмоций и даже разочарований, но при этом внесла в жизнь Пруста динамический элемент: благодаря молодым людям Пруст ближе познакомился с миром театра, с новыми салонами, а также предпринял путешествие в Бельгию и Голландию.

В 1900 году после переезда на новую квартиру семья Прустов оказалась совсем рядом с одним из самых блестящих парижских салонов Прекрасной эпохи. По соседству с писателем, в доме 60 на той же улице Курсель, где было расположено его новое жилище, проживала княгиня Елена Бибеско, урожденная Елена Костаки Эпурано, дочь бывшего румынского премьер-министра. Елена, известная пианистка, ученица Рубинштейна, регулярно принимала у себя Форе, Сен-Санса, Дебюсси, Массне, Делиба, Гуно, а также писателей Анатоля Франса, Жюльена Лемэтра, Пьера Лоти, Метерлинка, а вскоре и Марсея Пруста. Ее супруг, князь Александр Бибеско, сын царствующего принца Валахии, большой библиофил и бывший президент Французского лингвистического общества, тоже являлся личностью не совсем ординарной. Однако Пруст очарован не старшим, а младшим поколением Бибеско, детьми Елены и Александра — князьями Эмманюэлем и Антуаном.

Пруст сразу подпадает под обаяние Антуана Бибеско — красивого энергичного молодого человека двадцати двух лет, так же как и Марсель, окончившего лицей Кондорсе. В 1899–1900 годах он уже выполнял функции атташе в дипломатической миссии Румынии в Париже, а потом получил пост секретаря миссии. Он учился на филологическом и юридическом факультетах университета и надеялся дополнить свою начавшуюся карьеру дипломата литературными успехами. Он пишет в 1901–1902 годах первую пьесу «Борьба», которая так никогда и не будет поставлена. Его драма «Ревнивец» более интересна и будет сыграна всего один раз в 1904 году. В этом произведении тема ревности приближается по своей важности к тому, какое место это мучительное чувство занимает в романе Пруста. В 1906 году Бибеско напишет еще одну пьесу — «Жак Абран», которая будет поставлена в 1910 году и выдержит несколько представлений.

Антуан, который прекрасно осознавал свою внешнюю привлекательность, постоянно был занят новыми любовными приключениями. Его кузина Марта Бибеско напишет о нем так: «От него я узнала, что значит быть соблазнителем, мужчиной, которого любят женщины». Характер Антуана сочетал умение привлечь, очаровать, быть внимательным и чувствительным с жестокостью, склонностью к интригам. Со страстью Антуана к секретам и мистификациям, кстати, столкнутся и исследователи биографии Пруста: в 1949 году, когда Антуан опубликует переписку с Прустом, он частично изменит и ее содержание, и ее датировку.

Антуан ввел Пруста в небольшой круг друзей, в который кроме него вошли Эмманюэль, старший брат Антуана, и еще один молодой аристократ — Бертран де Фенелон. Молодые люди с удовольствием играли в секретное общество. Каждый из его членов имел закодированное имя-анаграмму: Марсель превратился в Лекрама, братья Бибеско — в Оксебибов, Фенелон — в Ноленефа. Молодые люди заключили пакт, по которому должны были обмениваться информацией о том, что другие говорили о них в их отсутствие. При этом сообщения, которые запрещено передавать третьим лицам, обозначались кодовым словом «могила». Пруст надеялся, что этот пакт позволит ему контролировать друзей, а также быть в курсе всего, что происходило вокруг него. Однако очень скоро он осознал, что они, и в особенности Антуан Бибеско, слушали его признания, делились полученной от Марселя информацией друг с другом, но при этом мало или почти ничего не рассказывали о себе. Возмущенный Пруст напишет множество писем Антуану, в которых будет упрекать его в неискренности и

нескромности.

Несмотря на все упреки и разочарования, Пруст сохранил привязанность и уважение к своему другу. Одной из причин этого можно считать то, что Марсель вызывал искреннее восхищение своих друзей, близких к миру искусства и способных оценить его одаренность. Если они не хотели участвовать в его психологических играх так, как ему этого хотелось, то это не значит, что они относились к Прусту с пренебрежением. Братья Бибеско были уверены в таланте Марселя и даже пытались оказать ему протекцию в издательстве НРФ, когда Пруст искал возможность опубликовать первую часть своей эпопеи «В сторону Свана». Именно в письме к Антуану Бибеско уже в 1902 году Пруст упоминал о тенях сотни героев романа, которые в его сознании, подобно теням умерших, с которыми встречался Одиссей, отправляясь в загробный мир, искали возможность обрести плоть и кровь и начать говорить. В том же 1902 году, когда мать Антуана неожиданно скончалась в Бухаресте, Пруст планировал отправиться в Румынию, чтобы поддержать друга.

Антуан и Марсель будут встречаться регулярно до 1904 года, когда Бибеско назначат секретарем Румынской миссии в Лондоне. В 1919 году друг Пруста женится на Элизабет, дочери Герберта Аскифа, бывшего премьер-министра Великобритании. Это событие будет упомянуто в дополнении к пастису на Сен-Симона, написанном Прустом, в котором Антуан и его невеста будут названы своими реальными именами. В 1917-м Марсель также напишет другу письмо поддержки, когда узнает о самоубийстве Эмманюэля.

Отношения между Антуаном Бибеско и Марселем Прустом, как видим, были сложными. По сути, в них можно уловить повторение привязанностей Марселя к его одноклассникам из лицея Кондорсе. Пруст, без сомнения, был влюблен в своих новых друзей, однако они, несмотря на уважение, которое вызывал у них Пруст, не разделяли его чувств. Пруст пытался сблизиться то с одним, то с другим членами кружка. Так, он быстро устал от своей привязанности к Антуану и с лета 1902 года переключил внимание на другого молодого человека из «секретного общества» — Бертрана де Фенелона. При этом Антуан трансформировался в конфидента, которому Пруст рассказывал о своем интересе к Бертрану и у которого он стремился получить информацию о намерениях объекта своего нового увлечения.

Бертран де Фенелон был на семь лет младше Пруста. Этот именитый аристократ отличался исключительной красотой. Именно его внешность блондина с голубыми глазами стала основой для создания очаровательного

образа Сен-Лу в романе «В поисках утраченного времени». Однако Бертран, как и другие члены «секретного общества», не хотел оказаться «под колпаком» у Пруста, которого страхи, ревность и неуверенность в себе быстро превращали в невыносимого тирана. Пруст еще надеялся на то, что в лице молодого аристократа он найдет идеального друга, когда в октябре 1902 года отправился с ним в путешествие по Голландии и Бельгии, последнюю долгую поездку в своей жизни. Его цель — прояснить отношения с Бертраном и познакомиться с фламандской живописью. При этом Фенелон с самого начала его разочаровал: друг Пруста предпочел путешествовать один, поэтому они, выехав из Парижа вместе, быстро расстались, чтобы затем ненадолго пересечься в Амстердаме и Гааге. Пруст, ненавидевший одиночество, ощущал себя настолько несчастным, что признавался в письме своим родителям, что каждый день успокаивает себя только тем, что обещает самому себе на завтра возвратиться в Париж. Но, несмотря на очевидные страдания, он за время двухнедельного вояжа посетил Брюгге, Гент, Антверпен, Дордрехт, Роттердам, Амстердам и Гаагу.

Вскоре после поездки — 31 октября — Фенелон получил известие о том, что он назначен на пост атташе при посольстве Франции в Константинополе. Без сомнения, эта новость расстроила Пруста, которого раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, он сохранял еще остатки привязанности к Бертрану, а с другой — страдал от разочарования. К этому добавилось раздражение, вызванное очередным конфликтом с родителями. Дело в том, что осенью 1902 года мадам Пруст предприняла новую попытку ввести поведение сына в рамки приличия, требуя от него сократить траты и изменить режим дня. Для того чтобы воздействовать на сына, она запретила слугам не только топить его комнату, не только подавать ему еду в неурочные часы, но и вообще оказывать любые услуги. Смесь эмоций, вызванных взаимоотношениями с родными и друзьями, спровоцировала взрыв гнева, который казался совсем несоответствующим характеру чувствительного писателя. О нем Пруст рассказал в письме к матери от 6 декабря 1902 года.

Марсель сообщает, что его приятели — Жорж де Лори и Бертран де Фенелон — приходили его навестить. Пруст, пребывая в раздражении из-за поведения слуг, при первом же не очень приятном замечании Бертрана бросился на него с кулаками, начал топтать только что купленную другом шляпу и в конце концов вырвал из нее подкладку. Чтобы мадам Пруст не подумала, что он преувеличивает, Марсель даже прикладывает кусочек ткани к письму. История о приступе гнева должна была, по всей видимости, заставить мадам Пруст смягчиться и перестать требовать от

Марселя «невозможного».

Драка с Фенелоном не помешала Прусту 8 декабря 1902 года прийти провожать Бертрана, отправлявшегося в Константинополь с Лионского вокзала на знаменитом Восточном экспрессе. Пруст, которого отъезд друга оставил безутешным, даже спланировал поездку в Турцию для встречи с Бертраном, но этот проект, конечно, так никогда и не был осуществлен. Добавим еще, что Бертран де Фенелон погибнет во время Первой мировой войны, подобно Роберу де Сен-Лу из романа «В поисках утраченного времени».

Если с точки зрения развития дружеских отношений поездка в Бельгию и Голландию окончилась провалом, то с точки зрения подготовки к написанию романа она имела важнейшее значение. Рёскин, который был духовным мэтром Пруста, никогда не писал о фламандской живописи. Таким образом, путешествие должно было компенсировать «недостатки» учения философа. Так, во время поездки Пруст открывает для себя Яна Вермера Дельфтского, который с этого времени вместе с Мантеней, Тицианом и Рембрандтом входит в число любимых художников писателя. Пруста, несомненно, привлекает умение Вермера передать красоту повседневности: он противопоставляет картины фламандца творчеству художников итальянского Ренессанса, изображающих своих прекрасных, но лишенных теплоты персонажей на фоне бесконечных пейзажей.

Живопись Вермера, который стал известен широкой публике только в середине XIX века, с его, по мнению Пруста, лучшей в истории мировой живописи картиной — «Вид Дельфта» — играет капитальную роль в романе «В поисках утраченного времени». Так, Шарль Сван пишет исследование, посвященное этому художнику, которое он никак не может закончить. Писатель Бергот отправляется на выставку Вермера и, глядя на «Вид Дельфта», осознает, насколько его последние произведения были сухими, лишенными жизни. Знакомство с живописью Вермера является также индикатором, который показывает уровень культуры персонажей: так, Одетта де Креси, например, не знает, кто такой Вермер и жив ли он еще.

Поездка в Бельгию и Голландию значительно обогатила «Поиски утраченного времени» и другими элементами. Города, которые посетил Пруст, постоянно упоминаются в романе, так же как и многие фламандские живописцы (Хальс, Рембрандт, Мемлинг, Рубенс, Рейсдаль, Ван Дейк и т. д.). Число фламандцев не должно удивлять — в романе Пруста упоминается более сотни разных художников. Именно это богатство позволило Эрику Карпелесу, одному из исследователей романа, издать

книгу, посвященную «воображаемому музею» Марселя Пруста и составленную из репродукций картин, которые упомянуты писателем в «Поисках». Прекрасное знание живописи, изучению которой в Лувре, а также во время поездок в Италию, Голландию и Бельгию Пруст посвятил долгие часы, еще раз опровергает идею о его беззаботной светской юности.

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ ДРУЗЬЯ И СВЕТСКАЯ ХРОНИКА В «ФИГАРО»

Пруст пытался заместить остывающие отношения с Антуаном и Эмманюэлем Бибеско, а также пустоту, оставленную отъездом Бертрана де Фенелона, множеством других светских знакомств с молодыми людьми из все более именитых фамилий. Среди его друзей в 1903 году появились выходцы из самых аристократических семейств. Например, Пруст познакомился с Иланом де Каса-Фуэрте, чей отец Пьер Альварес де Толедо маркиз де Каса Фуэрте был двоюродным братом императрицы Евгении. Илан, который, кстати, довольно близко знал Люсьена Доде, был одарен в поэзии и музыке, а также, подобно Прусту, страстно привязан к своей матери. Габриэль де Ларошфуко — еще один из этой группы блестящих друзей. Литературно одаренный, он регулярно публиковался в «Фигаро», а также писал роман «Любовник и врач», по поводу которого советовался с Прустом. Князь Леон Радзивилл, происходивший из семьи литовской и польской знати, также был другом Пруста того периода. Этого молодого человека Пруст включил в число своих знакомых-миллионеров, поскольку его мать являлась богатой наследницей из Монако. Характер Леона вызывал недоумение Пруста, то очарованного новым другом, то не желавшего его больше видеть.

Пруст сблизился и с Арманом де Грамоном, высоким, красивым, немного застенчивым аристократом, с большими способностями к математике (он будет заниматься сначала аэродинамикой, а потом оптикой). С Арманом Пруст подружился настолько, что тот даже пригласил его в числе других тридцати гостей на собственную помолвку. Впрочем, у Пруста об этом светском событии останется не самое приятное воспоминание. Он был огорошен приемом отца Армана, который попросил Пруста расписаться в книге почетных гостей, но при этом ограничиться в своей записи только именем, избегая сообщать свои «мысли». Пруст, который, как он считал, как раз именем своим похвастаться пока еще не мог, был обижен этим требованием аристократического семейства. Скажем в скобках, что писатель, похоже, еще не осознавал важность того, чему некоторые его друзья уже знали цену. Так, мадам де Ноай увековечила несчастный случай, произошедший с Марселем в ее доме в 1904 году: на разбитую и восстановленную танагрскую статуэтку она приклеила этикетку с надписью: «Статуэтка, разбитая Марселем Прустом». Светская

знакомая писателя вполне разумно рассудила, что имя Пруста не только не уменьшит, но увеличит ценность принадлежавшего ей произведения искусства. Еще раз с высокомерием Грамонов Пруст столкнется после войны. Увлеченный математикой Арман поднимет на смех сравнение романа Пруста с теорией Эйнштейна, которое предложил один из критиков издательства NRF. Пруст, в романе которого идея относительности действительно является одной из важнейших, будет обижен этими критическими замечаниями аристократа.

Несмотря на то что все названные выше светские молодые люди были одарены, умны, вращались в том же кругу, что и Пруст, ни один из них не стал близким другом Марселя. Более сердечные отношения сложились у него лишь с маркизом Луи д'Альбюфера, некоторые события из жизни которого повлияют на образ Робера де Сен-Лу в романе «В поисках утраченного времени».

Альбюфера влюблен в молодую актрису Луизу де Морнан, и перипетии их связи будут отражены в истории влюбленности Сен-Лу в актрису Рашель. Пруст, конечно, облагородит эти отношения. Если в романе Рашель — одаренная актриса, одним из прототипов которой является Сара Бернар, то Луиза де Морнан — очень красивая, неглупая молодая женщина, которая надеется сделать блестящую карьеру, но настоящего таланта у нее нет. Она будет иметь роли в основном второго плана, ее выступления будут проходить незамеченными, так что Прусту даже придется просить своих друзей-журналистов вставить в их отчеты о спектаклях доброжелательные отзывы о Луизе. А с 1906 года она вообще покинет сцену, хотя немного позже и сыграет несколько ролей в кино. Сам Альбюфера также недотягивает до уровня аристократа-интеллектуала, которым является Сен-Лу, поскольку к наиболее явным недостаткам Альбю, как называли его друзья, можно отнести то, что он не очень умен. Как заметит о нем Пруст, его ум равен таланту Луизы.

Тем не менее близость Альбюфера к образу Сен-Лу очевидна. Так, например, аристократические корни не позволят Луи жениться на Луизе, под давлением своей семьи он согласится на брак по расчету. То же самое произойдет в жизни персонажа романа. Прусту, кстати, придется играть свою обычную роль конфиденанта в драматический момент, когда Луиза наконец узнает о браке. Альбюфера до последнего скрывает информацию от нее, так что в конце концов она догадается обо всем, случайно подслушав фразу, оброненную одним из знакомых Луи. Пруст вынужден будет отвечать на бесконечные письма Луизы, в которых она будет жаловаться на предательство. Он же будет ежедневно посылать Альбюфера

телеграммы от Луизы и передавать послания аристократа актрисе во время свадебного путешествия Луи по Египту. Несмотря на свой брак, Альбюфера не только не забудет увлечения Луизой, но до конца жизни будет выплачивать ей маленькую пенсию, точно так же как это будет делать Сен-Лу по отношению к своей любовнице.

Сходство Сен-Лу с Альбюфера в конце концов спровоцирует ссору аристократа с Прустом: узнав некоторые черты своей биографии в романе, он не сможет простить Марселю этой нескромности и порвет с писателем всякие отношения. Со своей стороны Луиза попытается представить свою дружбу с Прустом как любовную связь. В 1928 году она выставит его послания на аукционе и в интервью, данных ею по этому поводу, будет намекать на то, что писатель был ею увлечен, что у нее остались еще письма, которые доказывают эту привязанность. Однако эти «более интимные» послания так никогда и не будут найдены, а в тех, что ныне известны, комплименты Пруста имеют обычный для него преувеличенный характер.

Увлечение Пруста светом и знакомство с Гастоном Кальметом привели к рождению интересного проекта: в «Фигаро» Пруст начал публикацию серии статей, в которых описывал самые престижные парижские салоны. В течение 1903–1906 годов им были представлены салоны принцессы Матильды, мадам Мадлен Лемер, княгини Эдмон де Полиньяк, графини д'Осонвиль, графини Потоцкой. Эти статьи дополнили написанные немного ранее или в этот же период портреты нескольких героев светской хроники и друзей Пруста: Леона Радзивилла, Антуана Бибеско, графини де Герн, Альфонса Доде, Робера де Флера, Робера де Монтескью (часть из этих зарисовок так и не увидела свет при жизни писателя). Статьи, посвященные салонам, публиковались под псевдонимами, что позволяло Прусту сохранять относительную свободу в оценке того, о чем он рассказывал. Однако Гастон Кальмет открыл Мадлен Лемер имя автора, описавшего ее салон. Это обстоятельство вызвало неудовольствие писателя и стало одной из причин того, что он перестал готовить новые статьи из этой светской серии.

СМЕРТЬ АДРИЕНА ПРУСТА

В пятницу 27 февраля 1903 года на первой странице «Фигаро» была помещена статья, посвященная Адриену Прусту, умершему накануне от апоплексического удара. Статья сообщала, что еще утром в понедельник 23 ноября доктор Пруст участвовал в собрании Постоянной комиссии по туберкулезу, а после обеда он отправился к своим больным на обычные консультации. Во вторник в час дня он был на медицинском факультете, чтобы возглавить жюри на защите очередной диссертации. Именно здесь его поразил удар. Профессор скончался двумя днями позже, в четверг, не приходя в сознание.

Адриен Пруст был похоронен на кладбище Пер-Лашез. Похороны собрали большое количество людей, были представлены совет университета, медицинский факультет, Академия медицинских наук. Среди присутствовавших было и множество дипломатов, пришедших почтить память того, кто боролся за санитарное благополучие всей Европы. На кладбище собрались также многочисленные аристократические пациенты доктора Пруста. Из друзей Марселя пришли его поддержать Антуан Бибеско, Луи д'Альбюфера, Анри де Ротшильд, Мария Нордлинджер. Профессор Дебов, декан медицинского факультета, произнес у могилы речь, не лишенную тонкости в оценке личности Адриена Пруста. Декан подчеркнул широту взглядов и твердость характера гигиениста: «Он был эпикурейцем настолько, чтобы получать удовольствие от жизни, не принимая близко к сердцу мелкие неприятности человеческого существования, скептиком настолько, чтобы быть терпимым по отношению к тем, кто удаляется от того, что мы считаем путем добродетели, и стоиком настолько, чтобы думать о смерти, не поддаваясь слабости».

В многочисленных письмах, написанных после смерти отца своему окружению, Пруст вспоминал последние дни жизни Адриена Пруста, и в частности свой недавний конфликт с ним. У Адриена и Марселя, как уже отмечалось, случались политические разногласия. 22 ноября, то есть за несколько дней до удара, состоялся очередной спор между отцом и сыном. Марсель напишет одному из друзей, что сожалеет о том, что он был слишком резок с Адриеном в тот вечер. Ему будет казаться, что он вел себя жестоко по отношению к кому-то, кто уже не мог себя защитить: в отличие от Марселя, который постоянно жаловался на собственное здоровье, его отец всегда стремился скрыть от детей свое плохое самочувствие.

Несмотря на это желание выглядеть полным сил и здоровья, усталый вид Адриена Пруста все-таки вызвал тревогу Робера. В день, когда с Адриеном случился удар, прежде чем отправиться на защиту диссертации, он побывал в гостях у младшего сына, который женился в феврале 1903 года и только что переехал из одной квартиры в другую. Отец хотел узнать о состоянии здоровья жены Робера, которая ожидала ребенка. Робер, заметив болезненный вид отца, решил проводить его до университета. Оставив отца в зале заседаний, Робер отправился в лабораторию, но через несколько минут один из ассистентов отца прибежал, чтобы сообщить, что Адриену стало плохо. Профессора Пруста нашли лежащим без сознания на полу в туалете и тут же отправили домой. В это время Марсель еще спал, и мадам Пруст разбудила его словами: «Извини, что я тебя беспокою, но твоей отец заболел». Как напишет позже сам Пруст, даже в этих обстоятельствах Жанна заботилась прежде всего о чувствах своих близких, стараясь не пугать их тревожными новостями раньше времени.

Мадам Пруст, несмотря на то что перенести потерю ей было гораздо тяжелее, чем ее сыновьям, проявила обычную свою твердость и даже дала Марселю очень удачный совет, как преодолеть тяжелые мысли и продолжить жить. Она предложила ему заняться тем, что могло бы, будь Адриен Пруст жив, принести ему удовольствие и радость. Например, она уверяла Марселя, что его отец был бы счастлив увидеть опубликованным перевод «Библии Амьена» Рёскина. Сам Марсель был настолько разбит семейным несчастьем, что даже хотел отложить публикацию. Однако мать настояла, чтобы Марсель, не задерживаясь, довел свою работу до конца. Ее желание увидеть книгу сына опубликованной было понятно. Зная неустойчивый характер Марселя, она, без сомнения, опасалась, что тот может оставить без завершения то, что потребовало нескольких лет усилий, тем более что процесс издания и так уже сильно затянулся. Дело в том, что текст Пруста в целом был готов уже в 1901 году и в тот же момент был отправлен в издательство «Олландорф», которое планировало опубликовать полное собрание сочинений Рёскина. Однако манускрипт Пруста пролежал около года без движения, а затем издательский дом просто разорился. Писателю пришлось обратиться к другому издателю — «Меркюр де Франс», где не сразу согласились на публикацию, поскольку печатать отдельное произведение Рёскина, по их мнению, не имело смысла. В «Меркюр де Франс» настаивали на том, чтобы Пруст подготовил что-то вроде сборника избранных страниц из сочинений английского автора. Однако Марсель сумел проявить твердость и настоять на своем, подчеркнув, что «Библия Амьена» является книгой, которая полностью

посвящена французской истории, французскому искусству, французским соборам, а потому, несомненно, будет иметь успех во Франции, тогда как сборник не сможет отразить своеобразия идей Рёскина. Снова отложив издание книги, Марсель рисковал потерять возможность публикации, и потому, по мнению мадам Пруст, необходимо было довести проект до конца как можно быстрее.

«Библия Амьена» увидела свет в феврале 1904 года. Пруст посвятил эту книгу памяти отца. Предисловие к ней открывала цитата из Рёскина: «Затем приходит время трудиться [...] а потом время умирать, которое в жизни людей счастливых не длится долго». Эти слова были выбраны писателем, поскольку они напоминали о том, что одно из последних и самых важных желаний Адриена было реализовано. Отец Марсея Пруста за несколько недель до смерти признался своему младшему сыну Роберу: «Я был счастлив всю мою жизнь. Теперь мне хочется только одного: уйти из жизни тихо и без страданий».

ПОПЫТКИ ИЗМЕНИТЬ ОБРАЗ ЖИЗНИ

За годы болезни у Пруста выработался особый распорядок дня, который предполагал сон днем и выход в свет поздним вечером. Пруст просыпался все позже и позже, привыкнув в конце концов вставать в 5–6 часов вечера. Он начинал свой день с ингаляций, зажигая специальную успокаивающую приступы пудру «Легра». Далее он завтракал, ограничиваясь круассанами и кофе. После завтрака он одевался и отправлялся к своим светским знакомым, а возвращался домой глубокой ночью, и если его не мучил очередной приступ астмы, засыпал. Таким образом, Марсель практически перестал встречаться со своими родными, настолько их распорядки дня отличались. Этот образ жизни после смерти отца Прусту на какое-то время захочется изменить, чтобы чаще видеть Жанну. «Моя дорогая мамочка, я пишу тебе это небольшое письмо во время моей бессонницы, чтобы сказать, что я думаю о тебе. Я бы желал, я обязательно хочу просыпаться вместе с тобой, пить кофе с молоком вместе» — такими пожеланиями наполнены его письма этого периода. Он мечтал жить не только в одном ритме, но и по одним принципам со своей матерью.

Несмотря на искреннее желание измениться, эти попытки нормализовать быт не привели к конкретным результатам, так же как и надежда Пруста избавиться от постоянных приступов астмы. После смерти отца Пруст решил проконсультироваться у нескольких лучших парижских врачей в надежде найти новое чудодейственное средство против удушья. В течение 1904 года он встречался с несколькими специалистами. Решение обратиться за консультациями имело под собой серьезное желание заняться собственным здоровьем, так как Пруст не любил докторов и наносил им визиты редко, только в случае крайней необходимости. Даже накануне своей смерти он отказывался от попыток помощи со стороны врачей. Пруста беспокоило то, что ему приходилось увеличивать дозы медикаментов, а также то, что иногда под влиянием этих все более высоких доз он чувствовал себя хуже. Так, однажды для того, чтобы повидать Альбюфера в Эвре, он принял так много лекарств, что не смог вовремя прибыть к поезду, так как был на грани потери сознания.

К сожалению, медики не смогли сказать ничего нового о том, что вызвало его заболевание. Доктор Мерклен, к которому Пруст обратился в начале своих консультаций, определил его астму как нервную и

рекомендовал отправиться на лечение в Германию в специализированную клинику, в которой пациентов изолировали от их окружения, а также пытались лечить внушением, заставляя забыть «привычку быть больным». Идея, поданная доктором Меркленом о лечении в закрытом заведении, пугала Пруста, однако ее кардинальный характер, а также уверенность врача в положительных результатах заставят писателя после смерти мадам Пруст решиться пройти курс в одной из таких клиник. Доктор Вашид, к которому Пруст обратился во вторую очередь, поставил тот же диагноз астмы нервного происхождения. Пруст решил также проконсультироваться с доктором Линосье, которому написал письмо на двенадцати страницах, изложив всю историю своей болезни. Письмо так и не было отправлено, но сохранилось в архиве Пруста и помогает понять, с какими ежедневными проблемами сталкивался писатель и каким был его режим дня. Он сообщает, что основное, что его беспокоит, — это астма, приступы которой случались сначала только весной, затем стали длиться и весной и летом, чтобы в конце концов продолжаться в течение всего года. Приступы удушья вынуждают его есть только один раз в сутки, если не считать завтрака. Он не может себе позволить пить много жидкости: стакан минеральной воды перед сном вместо четверти вызывает у него очередной приступ удушья. В остальное время он поддерживает свои силы только большим количеством горячего кофе с молоком.

Летом 1904 года Пруст неожиданно для всех согласился отправиться в небольшой морской круиз на яхте «Элен», принадлежавшей господину Мирабо, банкиру, директору Банка Франции и тестю Робера де Бийи. Кажется, что это путешествие Пруст предпринял не столько ради собственного удовольствия, сколько ради новых впечатлений, которые были необходимы ему для какого-нибудь творческого проекта. Путешествие началось 9 августа 1904 года в Гавре, куда Пруст добирался на поезде. В вагоне Пруст чувствовал себя прекрасно, но по прибытии на яхту у него начался сильнейший приступ астмы, который вынудил Марселя закрыться на несколько часов в каюте. Писателю стало немного легче лишь после выхода яхты в открытое море и установления солнечной погоды. Однако уже 11 августа погода испортилась, начались дожди, и у Пруста возобновились его обычные приступы. На яхте он посетил Шербур, Сен-Мало, Динан, но уже 14 августа он был вынужден возвратиться в Париж.

В романе Пруста это короткое путешествие найдет отражение в форме разговоров повествователя с художником Эльстиром, который будет объяснять, в чем заключается для него очарование яхт. В морской одежде, а также в мебели на судне художника привлекает элегантная простота, а

также особые, мягкие оттенки цветов, которые возникают, когда яхта освещена светом солнца, чуть приглушенного облаками над морем.

СТАТЬЯ «ГИБЕЛЬ СОБОРОВ»

Тем же летом одна из публикаций Пруста привлекла внимание уже не только знатоков творчества Рёскина, но и более широкой читающей публики, поскольку Пруст высказался по важному для французской политической жизни вопросу об отделении церкви от государства, которое будет осуществлено в 1905 году. В «Фигаро» от 16 августа 1904 года была напечатана его статья «Гибель соборов», в которой Пруст выступил против отделения, поскольку оно, по его мнению, спровоцирует разрушение памятников, являющихся «самым высоким и самым оригинальным выражением французского гения». Пруст предвидел, что это решение приведет к тому, что многие церкви, которые не имеют достаточно прихожан, будут закрыты.

Идеи писателя, который не отличался религиозностью, могли бы удивить, если не знать о его увлечении Рёскином и средневековыми французскими соборами. Благодаря внимательному изучению церковной архитектуры он был способен в своей статье подробно (хотя многократно цитируя исследование Эмиля Маля «Религиозное искусство XIII века») описать то, как проходит католическое богослужение и в будни, и в праздничные дни (писатель упоминал богослужение в Страстную субботу). По его мнению, государство, которое финансирует Коллеж де Франс, чьи лекции привлекают лишь относительно небольшое по сравнению со всем населением страны число слушателей, тем более должно поддерживать религиозные церемонии, которые отражают сотни лет истории христианства и на которых каждую неделю присутствует гораздо большее число французов.

Позиция, занятая Прустом, имела под собой твердую основу: за ней стояли не только несколько лет занятий Рёскином, но и некоторые личные впечатления. Так, в одном из писем Жоржу де Лори, написанном еще в июле 1903 года, он, рассказывая о провинциальном Илье, откуда происходил его отец, подчеркивает, что в городке церковь и колокольня являются единственными зданиями, которые устремлены к небу. Он сожалеет также о том, что в интеллектуальную элиту провинциального городка, которую составляют аптекарь, инженер, продавец очков, более не входит священник. Позиция Пруста найдет отражение и в романе «В поисках утраченного времени» в описании провинциального городка Комбре. Писатель, подчеркивая исключительную важность, которую имеет

церковь в жизни французской провинции, напишет: «На расстоянии десяти миль [...] казалось, что Комбре состоит только из церкви, которая вобрала его в себя, которая его представляет, которая говорит о нем и от его имени далям [...]».

ПЕРЕВОД КНИГИ РЁСКИНА «СЕЗАМ И ЛИЛИИ»

Одновременно с публикацией «Библии Амьена» Пруст заключил второй контракт с «Меркюр де Франс» на перевод следующего произведения англичанина — его книги «Сезам и лилии». Контракт имел более выгодные для Пруста условия, поскольку публикация производилась не за его счет, к тому же он должен был получать около 15 процентов с каждой проданной книги начиная с пятисотого проданного экземпляра. Для своего нового проекта он изменил и методику работы — теперь первый перевод готовился не Жанной Пруст, а сразу же Марией Нордлинджер. Именно этот текст правился Прустом. Перевод в целом продвигался намного быстрее, чем в первый раз, Пруст чувствовал себя гораздо увереннее, поскольку он уже освоил и стиль, и основные произведения Рёскина, он более не нуждается в паломничествах к описываемым философом достопримечательностям. Пруст гораздо больше сосредоточивался на максимально точной передаче мыслей и стиля английского автора. В его переписке с Марией Нордлинджер упоминается внимательная работа над словом, многочисленные переделки и исправления ошибок. Он, как и прежде, постоянно обращался за советом и к самой Марии, и к другим знатокам английского языка. Именно это стремление как можно более точно передать английский текст, оставаясь, однако, в рамках тех возможностей, которые предлагает французский язык, будет отмечено во многих критических отзывах на этот перевод Рёскина.

Книга, выбранная Прустом, состоит из двух частей, слабо связанных друг с другом: первая часть — «Сокровища царей» — посвящена чтению, вторая часть — «Сады цариц» — отдана рассуждениям по поводу женского образования. Эту вторую часть зимой 1905 года Пруст начал даже переводить самостоятельно, без помощи Марии, которая задержалась во время своей поездки в Америку, увлеченная американским коллекционером картин Уистлера миллионером Фриером. Часть коллекции американца, кстати, будет выставлена в Париже в 1905 году, и Пруст посетит выставку. Однако Мария успела вернуться в Париж до окончания срока контракта, и они с Марселем завершили работу вместе весной 1905 года. Учитывая важность вклада Марии в перевод, Пруст предложил ей, чтобы ее имя было упомянуто в издании, но она отказалась, как и от посвящения, предложенного писателем. Рукопись была передана в редакцию в июне

1905 года, книга увидела свет в 1906 году.

Какова роль этого перевода в творческой жизни Пруста? Сам текст Рёскина, очевидно, не имеет большой значимости, поскольку не входит в число центральных произведений английского автора. Марсель даже, несколько преувеличивая, называет его «худшим произведением Рёскина». Если первая часть, посвященная чтению, еще содержит мысли, привлекательные для Пруста, то вторая, отданная размышлениям на тему об образовании для женщин, явно не входит в круг фундаментальных для него проблем. Тем не менее важность этого текста и особенно предисловия к нему в творческой эволюции Пруста трудно переоценить.

Перевод Рёскина имел, как уже отмечалось, психологическое значение для писателя: следуя за признанным мэтром мысли, он постепенно приобретал уверенность в себе. Оставаясь в тени философа, Пруст долго — в течение шести лет — набирался сил. Однако он все яснее ощущал в себе моральное требование более не прятаться за спиной учителя, а идти своей дорогой. В этой связи отказ Пруста от предложения, полученного им от итальянского издательства на перевод еще одной, третьей, книги Рёскина, представляется совершенно логичным: продолжать делать переводы — это значит оставить в стороне собственное самостоятельное творчество.

Именно этот процесс эмансипации, как представляется, является центральной темой предисловия к переводу «Сезама и лилий», написанного Прустом и опубликованного им в журнале «Ренессанс латин» 15 июня 1905 года. Работа над предисловием становится периодом перелома в творческом развитии Пруста. В небольшом тексте отражен не только уже упомянутый духовный переворот, связанный со взрослением, с осознанием готовности к самостоятельному творчеству, но и переворот стилистический: Пруст находит наконец свою длинную, полную мыслей и образов фразу. Кроме того, он использует повествование от первого лица, с акцентом на субъективном содержании, с опорой на собственные воспоминания. В текст входит тот автобиографизм, который станет одной из характерных особенностей романа «В поисках утраченного времени».

Предисловие начинается с совершенно прустовской вводной части, представляющей собой описание того, как писатель еще ребенком проводил время за чтением. В этом рассказе можно в сжатом виде найти картины французской провинциальной жизни в городке Комбре из романа «В поисках утраченного времени», поскольку тема чтения притягивает к себе целую группу других воспоминаний, позволяет передать атмосферу летнего отдыха в провинции, описать дом, обеды, сад, прислугу, родных и т. д. То есть воспоминания приводятся Прустом целым комплексом, одно из

них влечет за собой другое: в результате читатель переживает погружение в прошлое. Этот комплекс связанных между собой ощущений, затопляющих настоящее, уже во многом напоминает то, как будет описано непроизвольное воспоминание в «Поисках утраченного времени»

За вводной частью начинается теоретическая, которая по сути представляет собой полемику с Рёскином и формулирует собственную позицию Пруста по отношению к творчеству. Писатель анализирует подход Рёскина и отмечает, что английский философ вслед за Декартом представляет себе чтение как форму общения с мудрецами из прошлого, которые передают читателю свои знания. Однако, по мнению Пруста, сам по себе процесс чтения составляет лишь фундамент духовной деятельности. Согласно Прусту идеи Рёскина могут создать иллюзию того, что истины о реальности находятся в некотором роде вне самого человека, не связаны с его собственными интеллектуальными усилиями, а также с его собственным духовным опытом. Тогда как поиски истин, считает писатель, должны проводиться не через выход вовне, но через погружение вовнутрь, через исследование собственных впечатлений, своих ощущений, своего жизненного пути.

Вводная часть статьи, представляющая собой погружение в детский опыт чтения, является именно такой попыткой освоения собственных, субъективных впечатлений, попыткой, инициированной Рёскином, но не равной тому, что делает английский философ. Эта субъективация, произведенная Прустом по отношению к творчеству, является продолжением той тенденции, которая уже была нами описана при анализе описания поездки Пруста в Амьен. История собственного освоения собора по следам Рёскина трансформируется во введении к «Сезаму и лилиям» в отдельное, параллельное тексту Рёскина произведение автобиографического характера.

Новизна подхода Пруста вызвала большой интерес критики. Предисловие Пруста привлекло внимание нескольких авторов, которые практически все дали положительный отзыв о статье Пруста. Одному из них предисловие даже показалось настолько самостоятельным текстом, что он посчитал, что Пруст использовал «Сезам и лилии» только как претекст для его публикации. Жан Боннерон и Андре Бонье сравнивали стиль Пруста в предисловии со стилем Монтеня. Это сравнение, действительно удачное, подчеркивает важность субъективного начала в тексте, а также внимание к собственной личности, индивидуальности, характерное для двух писателей.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ПОСЛЕ УХОДА МАДАМ ПРУСТ

СМЕРТЬ МАТЕРИ

В сентябре 1905 года, через несколько месяцев после передачи «Сезама и лилий» в издательство, Марсель решил сопровождать Жанну Пруст в Эвьян, на курорт, где она каждый год проходила лечение. Они отправились в путь 6 сентября. Поездка складывалась благополучно, но через два часа после приезда мадам Пруст почувствовала себя плохо, у нее начались головокружение и рвота. Она попыталась пересилить себя и вышла к обеду, но не смогла проглотить ни крошки. Оказалось, что она уже давно была нездорова, но скрывала свое состояние от близких, надеясь на ногах перенести болезнь. Растерянный и не знающий, что предпринять, Марсель позвонил мадам Катюс, приятельнице матери, которая отдыхала в соседнем отеле.

После прибытия подруги Жанна Пруст высказала странное желание сфотографироваться. При этом она колебалась: с одной стороны, ей хотелось сделать фотографии, а с другой — она боялась, что у нее будет слишком усталый вид. Мадам Пруст знала, что ее нездоровье очень серьезно, и поскольку сама она страдала от того, что не могла вспомнить лица своей умершей матери, она хотела оставить свое изображение сыновьям на память. В романе «В поисках утраченного времени» история с фотографией будет передана бабушке повествователя: она, чувствуя, что заболевает, и зная, что болезнь ее может быть смертельной, хочет подарить внуку свою фотографию. Она обращается с просьбой сфотографировать ее к Сен-Лу, лучшему другу главного героя. Повествователь же, не понимающий ее намерений, а также раздраженный тем, что в течение недели перед сеансом фотографии она меньше, чем обычно, занималась им (он не догадывается, что бабушка чувствует себя больной и ее невнимание вызвано приступами, которые она тщательно скрывает от внука), критикует это желание сфотографироваться, видя в нем ненужное кокетство. Эта жестокость по отношению к бабушке, предчувствующей собственную смерть, остается одним из самых болезненных воспоминаний для главного героя, а сцена фотографирования — одной из самых трогательных в романе.

Марсель сообщил о болезни матери Роберу, который, срочно прибыв в Эвьян, решил отправить мать в Париж. Он быстро поставил Жанне диагноз уремии — той же самой болезни, от которой скончалась Адель Бернкастель, ее мать. Мадам Пруст потребовала, чтобы Марсель остался в

Эвьяне и продолжил отдых. Он скрепя сердце согласился с этим решением и провел несколько дней в тревожном ожидании известий об улучшении ее состояния. Однако эти новости так и не прибыли, и 13 сентября, после звонка Робера, Пруст возвратился в Париж.

Мадам Пруст после своего приезда на улицу Курсель полностью отказалась от приема пищи и от любых вмешательств докторов. При этом она хотела вести свой обычный образ жизни и требовала, чтобы каждый день ее поднимали с постели и одевали. Более того, мадам Пруст продолжала заботиться о своих близких. Медсестра, которая ухаживала за ней и с которой мадам Пруст продолжала обсуждать свои заботы о детях, так сказала об этом только что приехавшему из Эвьяна Марселью: «Для нее вам все еще четыре года». Жанна Пруст скрывала тяжесть своего состояния от близких. Она старалась как можно меньше общаться с сыновьями, чтобы они не заметили, что в результате болезни у нее развилась афазия и что ей трудно было и говорить, и понимать речь других.

Мадам Пруст умерла 26 сентября. В момент смерти ей было 56 лет. Как вспоминал Марсель, за несколько недель болезни она необыкновенно помолодела, казалось, что ей не пятьдесят шесть, а всего тридцать лет: снижение веса, а также наконец обретенное забвение потерь, которые она пережила за последние годы, возвратили ее лицу молодость.

Поскольку мадам Пруст из уважения к собственным родителям не приняла католичества, официальной религиозной церемонии на ее погребении не было, она была похоронена на кладбище Пер-Лашез 28 сентября. «Фигаро», посвятившая мадам Пруст статью, сообщала, что на прощании с ней присутствовали многочисленные друзья ее мужа, а также двое ее сыновей.

ТРАУР И ЛЕЧЕНИЕ В КЛИНИКЕ ДОКТОРА СОЛЬЕ

После смерти матери для Марселя Пруста начинается один из самых тяжелых периодов жизни. Эта потеря, без всякого сомнения, — самое болезненное событие в его биографии, и оно на несколько лет определяет духовную жизнь писателя. Если важность этого трагического события для Пруста не оспаривается ни одним биографом, то оценка, которая дается его влиянию на творчество, иногда имеет спорный характер. Так, некоторые авторы настаивают на том, что мадам Пруст, в силу своего деспотического характера, оказывала негативное влияние на творческие способности своего сына, поэтому Пруст только после ее смерти начинает создавать собственные художественные тексты.

Гипотеза не выдерживает проверки фактами, она по сути напоминает убеждение в том, что юность Пруста прошла в развлечениях и что его единственным произведением является роман «В поисках утраченного времени». Мы видели уже, что самостоятельные художественные сочинения создавались Прустом еще в ранней молодости, что «Поискам» предшествовало несколько крупных проектов. Творческий путь Марселя Пруста имеет эволюционный характер, связан с постепенной выработкой важных для него принципов. Стиль Пруста в его зрелом варианте может быть обнаружен уже в предисловии к переводу книги Рёскина «Сезам и лилии». Смерть мадам Пруст в этом смысле совсем не способствовала, но, напротив, на несколько лет замедлила творческую активность Марселя. После ухода матери он на какое-то время перестает писать, его полноценное возвращение в литературу займет несколько лет.

Тяжелее всего для него проходит первый месяц после смерти Жанны. В это время он практически не выходит из собственной комнаты, поскольку любая из вещей, которые наполняют квартиру на улице Курсель, вызывает поток болезненных воспоминаний. При этом Марсель, и так страдающий от бессонницы, совсем теряет сон. Причина его невозможности заснуть описывается им как психологический парадокс: если в обычное время сон давал возможность ему отдохнуть от впечатлений дня, то теперь все изменяется. Когда он бодрствует, сознательный контроль позволяет ему немного уменьшить боль утраты, тогда как во сне отсутствие этого контроля обрекает его на еще большие страдания от потери.

К ноябрю чувства Пруста трансформируются, и острая боль утраты

сменяется ощущением вины за то, что, по его мнению, он стал причиной смерти матери. Ему кажется, что переживания по поводу болезни сына подорвали собственное здоровье Жанны. Об этом чувстве вины он чаще всего пишет в тех посланиях, которые начинает отправлять своим знакомым в ответ на их соболезнования. Таким образом, он постепенно возвращается к контактам со своими друзьями, но еще не решается выходить из дома и встречаться с кем-то, так как ему тяжело возвращаться на улицу Курсель, зная, что более никто не встретит его на пороге квартиры, чтобы задать ему вопрос о его самочувствии. Только с февраля 1906 года он начнет принимать у себя близких друзей — Рейнальдо и Альбюфера.

Чувство вины за свою собственную болезнь толкает его на еще один серьезный шаг. Пруст пытается преодолеть страдания, используя метод, предложенный ему самой Жанной после смерти отца. Он хочет сделать что-то, что могло бы понравиться матери, реализовать какое-то из ее желаний. Поэтому в декабре 1905 года Пруст решает пройти лечение в клинике Поля-Огюста Солье (1861–1938). Он следует рекомендации поэтессы Анны де Ноай, которая прежде него дважды лечилась в этой же больнице. Хотя одним из главных условий прохождения курса реабилитации у доктора Солье была изоляция больного от его обычного окружения, Пруст под влиянием шока от потери оказывается способным в декабре 1905 года покинуть свою квартиру и провести шесть недель в клинике городка Булонь-сюр-Сен.

Доктор Солье был представителем блестящей плеяды французских невропатологов, к которой относились также Дежерин, Бриссо, Жане и Бабинский и которые после смерти Жана Мартена Шарко продолжили его исследования. Солье являлся автором нескольких книг, посвященных проблемам памяти и такому заболеванию, как истерия («Расстройства памяти», 1892; «Происхождение и природа истерии», 1897; «Проблема памяти», 1900; «Истерия и ее лечение», 1901; «Феномены аутокопии», 1903; «Механизм эмоций», 1905). Изучение подходов доктора Солье показывает, что он практиковал методики, которые могут считаться прообразами психоаналитических приемов Зигмунда Фрейда. Солье опирался на вербализацию эмоционального опыта пациента, а также на возвращение к его травматическим воспоминаниям. Доктор Солье был убежден в том, что для преодоления психологического нездоровья необходимо снова пережить прошлое, найдя в нем момент, когда симптомы болезни появились в первый раз. Больной должен вспомнить то, что он ощущал в первое свое столкновение с заболеванием, он должен

погрузиться в свои ощущения, идентифицировать себя с личностью из прошлого. Такое воспоминание, по мнению доктора, позволяет освободиться от власти прошедшего и от «привычки быть больным».

Вполне возможно, что Пруст обратился к доктору Солье не по поводу его астмы, органическая, а не психологическая причина которой была для него очевидной, но по поводу другого болезненного состояния — бессонницы. Доктор Солье мог предложить ему заново пережить момент, когда симптомы заболевания проявились у него в первый раз. Именно тогда Пруст мог снова вспомнить о сцене с поцелуем матери и в соответствии с требованием доктора начать погружаться в прошлое, стараясь полностью восстановить атмосферу происходившего. Именно такую версию событий предлагает в своей книге 2006 года, посвященной пребыванию Пруста в клинике доктора Солье, Эдуард Бизюб. Таким образом, по мнению исследователя, лечение в Булони оказалось ключевым моментом в разработке метода произвольного воспоминания в творчестве Пруста.

Гипотеза исследователя, одна из самых интересных в области изучения биографии Пруста за последние годы, может рассматриваться довольно серьезно, несмотря на то что достоверную информацию о том, что происходило в клинике, получить вряд ли удастся: требование сохранения медицинской тайны закрывает исследователям доступ к архивам доктора Солье, в которых может храниться история болезни Пруста и записи разговоров врача со своим пациентом. Отметим при этом, что идеи Солье могли быть одним из элементов в формировании метода произвольного воспоминания в романе, но считать их единственным источником представляется не совсем верным. Тематика памяти присутствует в творчестве Пруста уже давно, погружение в прошлое описано в предисловии к «Сезаму и лилиям» Рёскина, а сцена с поцелуем матери разрабатывается во многих ранних произведениях Пруста.

Подчеркнем здесь важность в романе «В поисках утраченного времени» теоретических размышлений над проблемой сна, связанной с такими фундаментальными для Пруста темами, как память и идентичность. Так, иногда, проснувшись ночью, герой «Поисков» теряет связь со своим прошлым, не может вспомнить, кто он, воображает, что он находится в другом месте, в другую эпоху собственной жизни. Таким образом, писателя интересует проблема обретения личности после пребывания в бессознательном состоянии, вызванном сном. Пруст с подробностью настоящего психолога анализирует и такие связанные со сном состояния, как засыпание, бессонница, пребывание между сном и явью, он интересуется также и трансформацией реальных переживаний во сне.

Юлия Кристева отмечает, что Прусту удалось разработать специальную терминологию для описания того, что обычно не поддается вербализации, — крепкого сна без сновидений. Все эти психологические наблюдения над сном, играющие важную роль в романе, могут быть связаны с бессонницей самого Марселя Пруста, которая станет для него настоящей проблемой, особенно начиная с 1919 года.

Если итог пребывания в клинике Солье с точки зрения его влияния на содержание романа «В поисках утраченного времени» не может быть четко определен, то с точки зрения физического здоровья результаты лечения были минимальными или нулевыми, как после большинства консультаций писателя у врачей. Хотя Марсель не был полностью изолирован в клинике, мог принимать гостей и переписываться с друзьями, он тем не менее жаловался на то, что лечение было связано для него с психологическими страданиями и только ухудшило состояние его здоровья. По прибытии домой 25 января 1906 года он был вынужден, как и раньше, оставаться в постели большую часть дня.

ПЕРЕЕЗД НА БУЛЬВАР ОСМАН

С января 1906 года Пруст постепенно возвращается к работе и начинает править корректуры «Сезама и лилий», которые с осени скапливались в его квартире. Публикация книги в мае становится главным событием этого тяжелого для Пруста года. Появление перевода в печати, которое могло бы порадовать мадам Пруст, придает Марселю немного энергии, и он сам берется за его рассылку своим друзьям. Один из экземпляров был послан директору «Фигаро» Гастону Кальмету. В результате информация о новой работе Пруста проходит в газете дважды: вначале как простая хроникальная запись, а затем журналист Андре Бонье публикует на первой странице довольно большую хвалебную статью.

Эта статья в «Фигаро» станет источником комических ситуаций и в жизни Пруста, и в его романе. Дело в том, что большинство близких друзей Марселя (Рейнальдо Ан, Люсьен Доде, Луи д'Альбюфера) не заметили этой публикации. Альбюфера, который вообще не отличался тактичностью, даже стал упрекать Пруста: «Как странно, Марсель, почему, если ты знаешь Кальмета, “Фигаро” ничего не написало о “Сезаме”?» Как Марсель ни уверял своего друга в том, что, напротив, в «Фигаро» была большая статья, самоуверенный Альбюфера стоял на своем. В доказательство того, что Пруст ошибается, он приводил такой «неопровержимый» довод: его жена каждый день читает «Фигаро» от первой до последней страницы, но она ничего не заметила. Эта странная слепота близких становится и темой размышлений повествователя в романе «В поисках утраченного времени», где статья главного героя, опубликованная в «Фигаро» и посвященная колокольням из Мартенвиля, также осталась не замеченной его друзьями.

В том же русле занятий Рёскином Пруст написал отзыв о переводе «Камней Венеции», подготовленном его кузиной Матильдой Кремье. Пруст даже предложил переводчице написать комментарии к тексту, однако она отказалась от его помощи. Это было единственной новой статьей, написанной Прустом за весь 1906 год. В письме Марии Нордлинджер он признавался: «Я навсегда расстаюсь с периодом моих переводов, которым покровительствовала мама. Что же касается моих переводов самого себя, у меня на них больше не хватает смелости».

В августе 1906 года Пруст пережил еще одну утрату: его дядя Жорж Вейль заболел той же болезнью — уреимией — от которой умерли Адель Бернкастель и Жанна Пруст. Марсель, извещенный о тяжелом состоянии

родственника, не решился уехать из Парижа на отдых и остановился в отеле «Резервуар» в Версале. Он успел повидать дядю перед самым его концом, однако Жорж его уже не узнавал. Дядя умер 23 августа. Эту потерю Прусту было особенно тяжело пережить, так как близкий родственник Марселя, помня его привязанность к матери, после смерти Жанны навещал его практически каждый день. Несмотря на любовь к Жоржу, из-за приступа астмы Пруст не смог прийти на его похороны.

В Версале Пруст был вынужден жить практически до конца 1906 года, ожидая, когда его мебель из квартиры на улице Курсель перевезут в его новое жилище. Дело в том, что после получения наследства матери Пруст, наконец имеющий в своем распоряжении большие денежные суммы, преисполнился страхом разориться и на время потерял желание тратить. Он был уверен, что квартира на улице Курсель для него слишком дорога, а потому начал искать новые варианты жилья.

Поскольку сам писатель из-за своей астмы не мог посещать квартиры, он просил о помощи своих друзей, которые и осмотрели для него более десятка различных предложений. В конце концов Пруст решился переехать в квартиру в доме 102 на бульваре Осман. Выбор Пруста определялся эмоциональными причинами. С точки зрения его здоровья квартира на бульваре была не очень удачно расположена: его станут беспокоить не только цветение расположенных перед домом деревьев, но также шум и пыль от проезжающих по бульвару экипажей. Однако Пруста привлекло то, что в доме, в этой самой квартире, когда-то жил его дядя Луи Вейль, а значит, мадам Пруст была знакома с квартирой и посещала ее. Именно этот факт стал определяющим для Пруста. 7 октября 1906 года он подписал контракт и остался на бульваре Осман на целых 12 лет. Здесь он напишет большую часть романа «В поисках утраченного времени».

В квартире было шесть комнат: большой и малый салоны, бюро, столовая, а также спальня Пруста, окна которой выходили на бульвар, и маленькая комната, которая могла быть трансформирована в спальню, если Прусту мешал бы шум экипажей. Писатель перебрался и окончательно устроился в новой квартире только в конце декабря 1906 года. Однако еще в течение нескольких месяцев его письма были полны жалоб на соседей, которые также переселялись и ремонтировали свои квартиры, а значит, мешали Прусту спать утром. С 1910 года стены своей спальни он прикажет обить пробкой, чтобы максимально оградить свой дневной сон от шума. Кстати, эта идея о звуковой изоляции принадлежала не самому Прусту, а Анне де Ноай, которая обила собственную комнату пробкой несколько раньше его.

Другая переменна в жизни Пруста также была связана со смертью матери. Жанна умела находить компромисс между требованиями прислуги и невозможным графиком жизни Марсея, чего ее сыну сделать не удавалось. В результате кухарка Фелисия и слуга Жан Блан покинули Пруста. Писатель взял на их место Николая Коттена, который был выгнан его матерью за пристрастие к алкоголю, но согласился за двойную зарплату отказаться от отпусков и прислуживать Прусту в часы, неприемлемые для других. Николай Коттен и его жена Селина останутся на службе Пруста до появления в 1914 году знаменитой Селесты Альбаре, гувернантки, которая пользовалась таким доверием Пруста, что после его смерти написала книгу воспоминаний о писателе, являющуюся одним из самых богатых источников информации о периоде его работы над романом.

«СЫНОВНИЕ ЧУВСТВА УБИЙЦЫ СОБСТВЕННОЙ МАТЕРИ»

Возвращение Пруста к творчеству в начале 1907 года неожиданно было вызвано событием, которое трудно связать с жизнью, в целом довольно размеренной, самого писателя. Речь идет о преступлении, которое поразило многих французов в январе 1907 года и которое по случайному стечению обстоятельств оказалось близко и понятно Марселю Прусту. Более того, оно неожиданным образом помогло ему выразить собственное чувство вины по отношению к своим родителям.

Преступление было совершено Анри Ван Бларанбергом, отец которого являлся директором Восточной железнодорожной компании и входил в число знакомых семьи Пруста. С 1906 года, года смерти его отца, Анри жил с матерью. 24 января 1907 года он в необъяснимом приступе ярости убил ее и застрелился сам. Гастон Кальмет, знавший о знакомстве Пруста с Анри, 30 января предложил Марселю написать статью для «Фигаро» по поводу происшествия. Пруст составил свой текст всего за пять часов: 31 января он работал с трех часов ночи до восьми утра. Статья вышла в свет 1 февраля, она заняла четыре колонки на первой странице «Фигаро». Быстрота, с которой был составлен этот текст, показывает, что тема, затронутая в статье, была близка писателю, а многие мысли имели уже готовый для записи характер. Этот текст тронул очень многих читателей. Сам редактор «Фигаро» Кальмет напишет Прусту несколько писем, чтобы уверить его в том, что статья произвела на него глубокое впечатление. Пруст-журналист получит и другие восхищенные отзывы, а некоторые из его прежних друзей, как, например, Даниэль Галеви, соученик Пруста по лицею Кондорсе, даже вырежут статью, чтобы сохранить заинтересовавший их текст.

Статья привлекла читателей тем, что имела автобиографический характер, это отзыв на события, который больше был сосредоточен на мыслях и чувствах автора, чем на самом преступлении. Пруст начинает с воспоминаний о своих встречах с Анри Бларанбергом. Он сообщает, что знакомство их было поверхностным, что Анри был улыбочивым, элегантным молодым человеком, какие во множестве встречались в парижском свете. Однако его мнение о неглубоком характере Анри отчасти изменилось после получения двух писем Бларанберга, которые также процитированы в статье. Первое письмо — это ответ на соболезнования,

посланные Прустом после смерти отца Анри. В нем молодой человек признавался, что потеря отца вызвала у него такие страдания, что он вынужден был по совету врачей в течение четырех месяцев путешествовать и только начинал возвращаться к нормальной жизни. Второе письмо было написано 12 января 1907 года, менее чем за две недели до трагедии. Оно являлось ответом на просьбу Пруста найти информацию об одном из служащих железной дороги, которого писатель разыскивал по просьбе своих друзей. Служащий не был найден, о чем сообщил Анри и закончил письмо фразой: «Я не знаю, что мне готовит 1907 год, но пожелаем друг другу, чтобы он принес нам обоим улучшение здоровья, которое позволит нам встретиться». Пруст уверен, что два письма показывают Анри человеком чувствительным, привязанным к своим родным и способным понять страдания других людей. Пруст даже отчасти отождествляет себя с Бларанбергом, поскольку, подобно ему, он совсем недавно потерял своих родителей.

Далее следует еще одно автобиографическое введение. Пруст вспоминает о том, как он узнал о случившейся трагедии. Он рассказывает, что он проснулся холодным утром 25 января 1907 года и начал свой день с раздумий, как ему ответить на последнее письмо Анри. В этот момент он развернул «Фигаро» и среди множества трагических событий, которые, как замечает Пруст, читатели приобрели привычку, не теряя аппетита, узнавать за чашкой кофе (новый военный конфликт, недавнее землетрясение, очередные банкротства, забастовки и пожары), он увидел маленькую заметку о преступлении, совершенном Анри.

За длинной вступительной частью наконец наступает черед концентрированного изложения фактов, связанных с убийством. Пруст рассказывает о том, как раненая мать Бларанберга перед смертью несколько раз повторила: «Что ты наделал, Анри!» Как слуги, потерявшие голову от страха при виде окровавленного тела, вызвали полицию. Как полицейские, взломав дверь, вошли в комнату Анри и нашли молодого человека лежащим на кровати с простреленной головой, но еще живого. Пруст не останавливается перед тем, чтобы дать даже самые тяжелые подробности случившегося. Он сообщает, что выстрел обезобразил половину лица Анри и задел его глаз.

Чтобы найти причины преступления, Пруст прибегает к примерам из греческой мифологии. Сначала поступок Бларанберга сравнивается писателем с одной из трагедий Эсхила, в которой Аякс, оскорбленный тем, что оружие погибшего Ахилла было передано Одиссею, а не ему, в приступе неконтрольного гнева уничтожил скот греков. Введенный в

заблуждение Афиной, он был уверен, что борется с Агамемноном и Одисеем. Осознав свою ошибку, Аякс покончил жизнь самоубийством. Далее Пруст находит в истории Анри параллели с судьбой Эдипа, который ослепил себя, узнав о преступлении, которое он совершил. Пруст, не зная произведений Фрейда, прибегает для объяснения поведения Бларанберга к приему, сходному с тем, что использовал австрийский психиатр, который опирался на ту же трагедию об Эдипе для своих психоаналитических построений.

В описании преступления Анри явный автобиографический подтекст имеет мысль о гибели матери, спровоцированной ее сыном, а также чувство вины, которое испытывает преступник по отношению к своим родителям. Эта тема ответственности за смерть близких еще подробнее разрабатывается в заключительной части статьи, которая носит уже прямо исповедальный характер. В ней Пруст рассуждает о том, что ему понятно чувство вины, которое привело Анри к самоубийству, поскольку он может вспомнить о тех страданиях, которые вызывал у своих близких и которые приближали день их смерти.

Субъективное наполнение статьи, присутствующее на разных уровнях повествования, делает этот текст одним из самых интересных и важных в творческом наследии писателя до начала его работы над романом «В поисках утраченного времени». В статье присутствует такая центральная для романа тема, как вина перед родителями. Очень по-прустовски также разработана проблема воспоминания, которое уже называется писателем деятельностью магической. Пруст описывает, например, как меняется взгляд тех, кто пытается вспомнить ушедшее, соединить воедино прошлое и настоящее, старается «воскресить» минувшие события. Писателю кажется, что эти разглядывающие невидимое глаза отличаются каким-то особым очарованием, необычной красотой.

Несмотря на то что тематика статьи «Сыновние чувства убийцы собственной матери» кардинальным образом отличается от сюжета эссе «О чтении», между двумя текстами имеются важные сходства, которые позволяют говорить о том, что повествовательная техника Пруста наконец принимает свою зрелую форму. Оба произведения построены не на абстрактном и безличном изложении фактов, но с помощью субъективных введений. Кроме того, в последней статье повествование приобретает многоуровневый характер. Автобиографические реминисценции разного типа пронизывают структуру текста, принимают разные формы: от простого рассказа о знакомстве с Анри и исповедального признания в вине перед родителями до скрытого отождествления с главным персонажем

статьи. Все это кардинальным образом меняет обычную структуру письма, приближая ее к той, что используется в романе «В поисках утраченного времени».

ЛЕТО 1907 ГОДА В КАБУРЕ

В августе 1907 года Пруст наконец решился покинуть Париж, для того чтобы отдохнуть на море. Он принял решение об отъезде в Нормандию, в Кабур очень быстро — за два часа, стараясь не утонуть, как обычно, в бесконечных сомнениях, которые мучили его еще в начале лета, когда он, по признанию Рейнальдо Ана, выбирал между Кабуром, Бретанью, Туренью, Германией и Парижем. Поездка оказалась настолько приятной, что Пруст будет возвращаться в курортный городок каждое лето в течение семи лет. Отправиться на отдых ему советовали врачи, которых беспокоило, что Пруст более не вставал с постели: с начала года он выходил из квартиры только пять раз. Однако за выбором Пруста, как всегда, пряталась целая серия причин, и мнение врачей имело в его решении не самое большое значение.

Не выносивший одиночества Пруст учитывал то, что рядом с Кабуром на летнем отдыхе проживали его многочисленные друзья: мадам Строс, Жорж де Лори, герцог де Гиш, Луиза де Морнан, Гастон Галлимар, художник Элле, который своей любовью к морским пейзажам напоминал Эльстира из романа Пруста. К тому же писатель был уверен, что преодолеть страх, который вызывали у него любые новые жилища, помогут приятные воспоминания, связанные с Кабуром: он уже бывал здесь и с бабушкой, и с матерью.

Пруст ехал в Нормандию за вдохновением. Он попросил у Эмиля Маля и у своих друзей указать ему на какие-нибудь городки, сохранившие старинную атмосферу и способные разбудить его воображение. Он хотел бы, конечно, добраться до более живописной Бретани, но дорога до нее представлялась ему слишком долгой, тогда как до Кабура на поезде можно было доехать за пять часов, а достопримечательности в его окрестностях не менее интересны для любителя старинной архитектуры и истории Франции.

Пруста привлекала не только старина. Не менее чем средневековой архитектурой он был очарован всем, что связано с последними веяниями прогресса. Поэтому он решил остановиться в «Гранд-отеле», реконструированном и открытом для отдыхающих 1 июля 1907 года, о чем 10 июля в «Фигаро» была напечатана подробная статья. Автор ее назвал отель «замком из “Тысячи и одной ночи”», а сам Кабур «королем пляжей». Отель был рассчитан на самую изысканную публику: на праздник по

поводу открытия были приглашены 150 избранных гостей, прибывших в Кабур на специально зарезервированном поезде из Парижа. Фасад отеля выходил прямо к пляжу, из вестибюля открывался вид на море. Холл отеля был оформлен архитектором Люсьеном Виро в стиле Людовика XVI. Украшением здания явился огромный ресторан со смотрящими на море широкими окнами, которые в хорошую погоду открывались и превращали ресторан в террасу. Архитектор попытался максимально модернизировать отель: в каждом номере были обустроены обширные ванные комнаты с горячей и холодной водой. Из номеров, расположенных со стороны пляжа, можно было любоваться морским пейзажем через большие окна или с лоджий. Из окон на противоположной стороне отеля открывался вид на живописные окрестности Кабура и сады находящегося поблизости казино. Среди способов провести время, которые предлагались постояльцам отеля, журналист упоминал отдых на огромном песчаном пляже, прогулки по дамбе, а также игру в казино или на поле для гольфа.

Пруст нашел в Нормандии множество развлечений: и тех, что предлагали туристические проспекты, и тех, что он изобрел для себя сам. Он организовал свое время в Кабуре следующим образом. Днем вел жизнь, как он сам говорил, «пушечного ядра»: отправлялся на прогулки по окрестностям, осматривал достопримечательности или навещал друзей. Пруст, который еще недавно практически не вставал с кровати, неожиданно превратился в полного сил туриста, за несколько недель он посетил Кан, Байе, Баллеруа, Див, Понт-Одмер, Лизье, Эвре.

И снова его любовь к техническим новинкам (а в его романе будут упомянуты и телефон, и автомобиль, и самолеты) помогла ему. Он сумел повидать так много благодаря таксомоторной компании, которая принадлежала Ротшильдам и которой управлял Жак Бизе, соученик Пруста по лицею Кондорсе. Зимой такси «уник» обслуживали Монако или Париж, а летом переезжали в Шербур или Кабур. Пруст пользовался услугами трех шоферов: Жусьена, Одилона Альбаре и Альфреда Агостинелли. Чаще всего он путешествовал с Агостинелли, красивым молодым человеком, с карими глазами и полными щеками, которому в тот момент было 19 лет. Автомобиль, кстати, помогал Прусту открывать достопримечательности даже ночью. Писатель рассказывал, что Агостинелли освещал ему фарами соборы, невидимые в темноте. Так случилось в Лизье, где Пруст хотел увидеть несколько скульптурных листьев, украшавших фасад церкви, о которых рассказывал Рёскин. Точно так же он открыл для себя розовый сад его знакомых Клермон-Тоннеров. Ночью астматик Пруст дышал свободнее и, боясь остаться до утра, он попросил осветить цветы с помощью фар

автомобиля.

Среди вечерних развлечений Пруста были не только поздние визиты к достопримечательностям. После наполненного впечатлениями дня он часто отправлялся в казино, где играл в баккара и, конечно, проигрывал. Его страсть к игре и биржевым спекуляциям еще не приняла серьезных масштабов, но он уже начал терять небольшие суммы денег.

Кроме того, его интересовали постояльцы отеля, рассказами о повадках которых он развлекался еще в переписке с матерью. Знакомые, навешавшие его, были поражены тем, что он находился в курсе всех самых свежих новостей и животрепещущих сплетен из жизни гостей Кабура. Секрет осведомленности Пруста прост: для того чтобы получать информацию из первых рук, он по ночам играл в шашки с прислугой. А его привычка давать огромные чаевые оказалась не такой уж ненужной тратой денег: она позволяла узнавать от благодарных слуг самые интимные подробности из жизни постояльцев. Пруст был настолько увлечен общением с персоналом отеля, что даже как-то признался Морису Дюпле, что слуги ему нравятся больше, чем его светские приятели: в силу своей профессии «они гораздо лучше воспитанны, намного более вежливы».

«ДОРОЖНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОЕЗДКИ НА АВТОМОБИЛЕ»

Пруст расскажет о событиях того лета в статье «Дорожные впечатления от поездки на автомобиле», опубликованной в «Фигаро» 19 ноября 1907 года. В эссе Пруст, кажется, делает рекламу новому виду транспорта, отмечая прежде всего свободу передвижения: возможность путешествовать тогда, когда возникает желание, не завися от расписаний поездов или омнибусов. Однако главное, что для Пруста создает автомобиль, — это не просто независимость, но новый взгляд на реальность, связанный с новым ощущением скорости, а значит, движения времени.

В статье Пруст начинает разрабатывать проблему относительности любой точки зрения на окружающий мир. Эта тематика будет исследоваться в ракурсе оптических иллюзий, которые рождает скорость. Пруст, например, отмечает, что в закрытом и плавно едущем автомобиле создается ощущение, что движется не само такси с пассажирами, но бегут и протягивают им то розы, то другие цветы дома из нормандских деревень. Из-за быстрого изменения пространственного положения автору статьи кажется, что три колокольни, которые видны в окно, не остаются неподвижными, но, как в танце, вращаются друг относительно друга. Огромность пространства, наполненного зеленью равнины, голубизной моря и неба, порождает еще одну иллюзию: чувство неподвижности быстро несущегося вперед автомобиля.

В романе Пруста вопрос о перспективах восприятия станет одним из центральных: так, повествователя в живописи Эльстира более всего будут интересовать полотна, которые воспроизводят «оптические иллюзии, доказывающие нам, что мы не узнавали бы окружающее, если бы не заставляли работать наш рассудок». Так же иллюзорно, по мнению Пруста, и наше видение других людей, которое к тому же осложнено постоянными переменами: пока мы корректируем неверные представления о человеке, у него есть время, чтобы измениться и снова сделать наши идеи ложными.

В статье «Дорожные впечатления о поездке на автомобиле» происходит еще одно важное для генезиса романа «В поисках утраченного времени» событие. В тексте Пруста впервые дана роль Альфреду Агостинелли, который через несколько лет станет главным прототипом одного из важнейших персонажей романа — Альбертины. Причем

Агостинелли уже изображается с использованием женских образов: шофер в широкой прорезиненной накидке с капюшоном кажется автору статьи похожим на «монахиню скорости» или святую Сесилию. Кстати, Агостинелли, тронутый тем, что его имя упомянуто в «Фигаро», напишет Прусту письмо с благодарностью и комплиментами статье.

И еще один момент, который можно выделить в тексте Пруста, — его полуфигурный характер. Пруст переходит от жанра статьи (связанной с реальными событиями) к художественному повествованию, поскольку он описывает не действительную, но выдуманную поездку. Такой вывод можно сделать из того, что в статье упоминаются родители автора, которые ждут его и с радостью устремляются ему навстречу со свечами в руках, заслышав клаксон автомобиля. Это частичное искажение действительности, это балансирование на грани реального и выдуманного уже напоминает «Поиски утраченного времени», где родители повествователя избегают смерти до конца романа и где Пруст будет не столько вообразать несуществовавшие события, сколько трансформировать свою биографию.

ДЕЛО ЛЕМУАНА

Успех статьи «Сыновние чувства убийцы собственной матери», посвященной событию из криминальной хроники, дал Прусту идею еще раз обратиться к традиции реалистического романа XIX века, в котором так часто использовались истории преступлений. Пруста привлекает сюжет о мошенничестве, организованном инженером Анри Лемуаном, которое занимает центральное место на страницах французских газет в январе 1908 года. В течение месяца, с 22 февраля по 21 марта 1908 года, Пруст публикует пародии, в которых описывает дело в стиле писателей разных эпох: Бальзака, Флобера, Сент-Бёва, Гонкуров, Мишле, Фаге, Ренана (к которым в 1909 году добавится Ренье и в 1919-м — Сен-Симон). Пруст пытается описать криминальную аферу то с точки зрения автора романов или мемуаров, то с точки зрения историка или критика.

Жанр пастишей был в моде на рубеже веков: так, например, в 1907 году Поль Ребу и Шарль Мюллер опубликовали сборник из пятнадцати имитаций стилей разных писателей. Пруст, таким образом, использует уже установившуюся литературную традицию, но опирается на собственный несомненный талант пародирования: многие его современники вспоминали о его способности имитировать голос и поведение своих знакомых. Подражания стилю других авторов встречаются, например, в корреспонденции Пруста, особенно в его письмах Рейнальдо Ану. Более того, Пруст уже обращался к пастишу в сборнике «Утехи и дни», в котором пародировал Флобера. Под псевдонимом Горацио в «Фигаро» от 18 января 1904 года им также был опубликован пастиш «Празднество у Монтескью в Нейи. Отрывок из “Мемуаров” герцога де Сен-Симона». Монтескью, кстати, был настолько польщен этой статьей, что опубликовал ее отдельным тиражом и дарил всем своим друзьям. Пруст, также получивший свой экземпляр статьи и уверившийся в том, что обидчивый граф оценил качество текста, признается в своем авторстве.

Писатель избирает темой своих пародий дело, которое интересовало французскую публику в течение нескольких месяцев. Некий инженер Лемуан решил, что он может заработать, манипулируя президентом компании «Де Бирс» Юлиусом Вернером. Лемуан сообщает в «Де Бирс», что ему удалось изобрести способ изготовления искусственных алмазов. Президент, убежденный, что информация, которой обладает Лемуан, может привести к разорению его компании, решает заплатить инженеру за

молчание два миллиона франков. Однако Лемуан вынужден повторить свои опыты в присутствии экспертов, и поскольку получить обещанные результаты ему не удастся, в декабре 1907 года он обвинен в мошенничестве и арестован. В январе 1908 года начинаются первые допросы инженера. Лемуан, который нанимает себе того же адвоката Лабори, что защищал самого Дрейфуса, признается в том, что денег, полученных от Вернера, ему оказалось недостаточно, он хотел добиться понижения акций «Де Бирс», чтобы купить их в этот момент, а затем продать при повышении курса. Инженер, освобожденный под залог в апреле 1908 года, скрывается от полиции, однако вскоре он снова арестован и в конце концов приговорен к шести годам заключения. Возможно, что Лемуан был вдохновлен романом Жюль Верна «Южная звезда», в котором молодой инженер также пытается изобрести способ изготовления алмазов.

Пруст, который имел в своем владении довольно большой пакет акций «Де Бирс», естественным образом был заинтересован делом и решил использовать его для серии пастшей. Однако ни в одной из его пародий нет полного анализа дела, Пруст каждый раз выбирает лишь какой-то аспект событий, который позволяет проанализировать психологию персонажей, а также показать его владение стилем любимых писателей. Он также смешивает в этих текстах реальность и фантазию, включая в фиктивные описания имена реальных персонажей светской хроники Парижа и своих друзей.

Роберу Дрейфюсу Пруст признавался, что писал пастши, так как ему «было лень» заниматься настоящей критикой: он заменял критическое исследование практической реализацией принципов, обнаруженных им в стиле нескольких писателей. Подчеркнем здесь желание Пруста уйти от абстрактного теоретического анализа к созданию текстов, имеющих более художественный, фиктивный характер, желание, которое, развиваясь, приведет Пруста к написанию его собственного романа. В 1919 году пастши (в их число Пруст позже добавит еще несколько новых текстов) будут опубликованы отдельной книгой, в которой будут объединены пародии и наиболее интересные статьи писателя.

СПЕКУЛЯЦИИ НА БИРЖЕ

Дело Лемуана, планировавшего обогатиться на понижении и повышении курса акций, привлекло Пруста и потому, что сам он все больше и больше увлекался биржевыми спекуляциями. Эта слабость имела своими корнями сложное эмоциональное отношение к деньгам, которое сформировалось у Пруста. После смерти мадам Пруст эта эмоциональная составляющая только усилилась. Он вступил во владение своим наследством в январе 1906 года, когда в клинику Солье специально приехали его брат Робер и нотариус Гранже. Общая сумма того, что ему досталось от отца, матери и двоюродного деда Луи Вейля, составляла почти полтора миллиона франков с годовым доходом около 50 тысяч франков. Таким образом, Пруст стал владельцем очень крупного состояния.

Однако первой его реакцией на большие суммы денег, оказавшиеся в его распоряжении, был страх: он боялся разориться, боялся остаться без средств к существованию. В первые годы после смерти матери он старался придерживаться принципов экономии, к которым его приучила Жанна Пруст. Причем некоторым из них он останется верен всю жизнь: в повседневности его расходы на самого себя были невелики: он не тратил больших сумм ни на украшение своей квартиры, ни на питание, ни на одежду.

В противоречие с этим стремлением к экономии вступали другие желания. Так, например, он не тратил денег на себя, но он не жалел их на самые дорогие подарки своим близким. Неуверенный в себе, он был готов оплачивать любое внимательное отношение, было ли оно выражено слугами, родными или друзьями. В этот эмоциональный коктейль, в котором перемешались страх и желание удержать другого, добавлялась еще надежда на легкое и быстрое обогащение благодаря игре на бирже.

Начиная с 1908 года Пруст в письмах друзьям, например Роберу де Бийи и Луи д'Альбюфера, рассуждает об акциях разнообразных компаний, которые он мечтал купить. Для организации своих операций он обратился за консультациями к Леону Небурже, своему финансовому советнику из банка Ротшильда, в котором хранилась часть его средств. Небурже, желая спасти непрактичного клиента, рекомендовал ему найти надежного человека, который помогал бы ему с ведением счетов и другими финансовыми вопросами, связанными с управлением наследством. Он также предложил Прусту кандидатуру своего племянника Льонеля Озе

(1868–1958), который, по его мнению, поможет Прусту сориентироваться в мире финансов.

Пруст был знаком с Льонелем — это его дальний родственник и друг детства. Льонель уже сделал себе имя в банковском деле: он работал в Гамбурге и Лондоне, в Барселоне и Санкт-Петербурге, а в момент обращения к нему Пруста являлся представителем солиднейшего банка «Варбург». Льонелю на тот момент было около сорока лет, он серьезный и честный советник. За все время его управления делами Пруста им будут даваться исключительно разумные советы, которым, однако, Пруст не всегда будет следовать. На многочисленные послания Марсея, в которых он предлагал все новые и новые рискованные операции, Льонель всегда будет отвечать спокойно и обстоятельно, каждый раз пытаясь урезонить своего клиента, который покупал свои акции только тогда, когда они стоили дорого, а продавал, когда они падали в цене.

Пруст не только не всегда будет следовать советам Льонеля, но также будет скрывать от него часть своих доходов и часть своих трат. Он будет играть на бирже, теряя при этом крупные суммы денег, используя, например, помощь одного из своих секретарей — Альбера Намьяса. В результате к 1915 году его капитал уменьшится на треть. Такое поведение, естественно, будет вызывать конфликты с его финансовым советником, и в конце концов в 1919 году Льонель оставит своего клиента.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
«ПРОТИВ СЕНТ-БЁВА» И РОЖДЕНИЕ
«ПОИСКОВ»

КАБУР В 1908 ГОДУ И ДУЭЛЬ С ПЛАНТЕВИНЕМ

Во второй раз Пруст приехал в Кабур 18 июля 1908 года. Он, как всегда, был недоволен публикой в «Гранд-отеле», которая, как он утверждал, состояла из нескольких богатых, но вульгарных буржуа и самодовольной провинциальной знати. Однако среди незнатных отдыхающих Кабура он сблизился с молодым человеком, которому не было еще двадцати лет и который быстро стал его другом. Молодого человека звали Марсель Плантевинь, он был сыном состоятельного торговца галстуками. Пруст мельком встречался с ним еще в 1907 году, а в 1908-м их представила друг другу в кабурском казино виконтесса д'Альтон. Плантевинь был очарован манерой Пруста вести беседу, его умением с необыкновенной психологической тонкостью анализировать парижскую светскую хронику. Молодого человека также интриговали и другие странности Пруста, например его необыкновенная щепетильность в отношениях с персоналом отеля. Так, например, писатель просил Плантевиня помочь ему разобраться в том, как строятся взаимоотношения в иерархии служителей. Если, скажем, кто-то хочет зарезервировать столик в ресторане, то к какому из двух метрдотелей он должен обратиться: к первому, который выше рангом, или ко второму, который лучше знает зал ресторана? И если лучше обратиться ко второму, то не будет ли первый обижен невниманием клиента? Получив от Плантевиня необходимую информацию, Пруст отправил его с деликатным поручением: попросить второго метрдотеля зарезервировать столик, который был бы наиболее удобен для страдавшего астмой писателя, но так, чтобы никто Плантевиня не видел, и особенно чтобы первый метрдотель не догадался о том, какие интриги плетутся за его спиной. Об этих небольших поручениях, а также о своих занимательных разговорах с Прустом Марсель Плантевинь расскажет в своей книге воспоминаний, которая, кстати, показала, что молодой человек не был лишен психологической тонкости и литературных способностей.

Этот литературный дар Плантевиня проявился, например, в том, что именно ему принадлежала честь изобретения названия «Под сенью девушек в цвету» для второй части эпопеи Пруста. О том, как это произошло, Плантевинь рассказал в своих мемуарах и многочисленных интервью, данных по поводу их публикации. Все началось с того, что

Пруст из разговора с несколькими обитателями Кабура узнал, что Марсель Плантевинь всегда был окружен целой стайкой молодых девушек, которые любили проводить с ним время. Пруст, заинтересованный этой особенностью, обратился к Плантевию. Он попросил объяснить, почему Марсель любил проводить время с совсем юными девушками. Плантевинь признался, что в таком окружении он чувствует себя под защитой. «Под защитой, или под сенью, — продолжал он, — и поскольку речь идет о лете, можно сказать, что я нахожусь под сенью девушек в цвету». Пруст сейчас же уловил красоту метафоры, родившейся так спонтанно. «Марсель, но вы придумали прекрасное название романа! — воскликнул он. — Подарите ли вы мне его? Могу ли я его использовать, если однажды мне придет в голову идея написать о юных девушках из Кабура?» Польщенный Плантевинь, естественно, согласился. Впоследствии это название было одобрено Леоном Доде, с которым Пруст обсуждал вторую часть «Поисков утраченного времени».

Плантевинь навещал Пруста практически каждый день, до тех пор пока какая-то дама во время прогулки по дамбе не предупредила его о том, что интерес писателя к нему носит не совсем невинный характер. Растерянный Марсель Плантевинь не нашелся, что ответить на такое предостережение, и ничего не рассказал о состоявшемся разговоре Прусту. Как сам он объяснял в своих воспоминаниях, он был настолько очарован писателем, что готов был проводить время в разговорах с ним, даже зная о его не совсем благополучной репутации. К несчастью, предупреждения Плантевию были услышаны другими отдыхающими, которые сообщили о произошедшем Прусту. Писатель был обижен и молчанием Плантевиня, и тем, что его друг не выступил против выдвинутых обвинений.

Пруст пишет письмо, в котором упрекает молодого человека в том, что за внешней доброжелательностью он прятал желание «поразить его ножом в спину». Пруст объявляет, что, поскольку Плантевинь разрушил их дружбу, они больше никогда не увидятся. Пораженный этими укорами Плантевинь попытался объяснить с Прустом, но обслуга отеля сообщила ему, что писатель запретил кому бы то ни было подниматься в его номер. Пруст был раздражен настолько, что хотел вызвать Плантевиня на дуэль, однако его друг являлся еще несовершеннолетним, а потому писатель послал секундантов к Плантевию-отцу, который до крайней степени был удивлен этим вызовом и пытался понять, в чем дело. Однако его сын не мог дать никаких подробностей, поскольку сам не понимал, что происходит.

В конце концов благодаря свидетелям Пруста виконту д'Альтону и маркизу Пончарра, а также настойчивости самого Марселя Плантевиня

писатель все-таки признался в том, что вызвало его возмущение. Он согласился встретиться с Плантевином-младшим, который рассказал ему свою версию событий. Дама на дамбе обратилась к нему с предупреждением, но он ей ответил только: «Я знаю, что вы хотите мне сказать, но для меня это не имеет значения». На вопрос же Пруста о том, как Плантевинь догадался о том, что имела в виду дама, молодой человек признался, что в Кабуре об этом известно всем. В ответ Пруст со вздохом произнес: «Как это очаровательно приехать куда-то, куда твоя репутация уже добралась раньше тебя». После разговора с Плантевином-сыном Пруст отправился мириться с Плантевином-отцом. Как только конфликт был улажен, молодой друг Пруста возобновил свои визиты и писатель даже помог Марселю в получении рекомендаций для продолжения его карьеры в Лондоне. Однако история с Плантевином оставит свои следы: в 1908 году во многих письмах Пруст будет жаловаться на слухи, которые ходят о его склонностях.

РОМАН «ПРОТИВ СЕНТ-БЁВА»

В начале 1908 года произошло событие, важное для генезиса романа «В поисках утраченного времени». Пруст начал работать над произведением, которое пока не имело в его сознании четко определенной формы, но которое позже трансформируется в «Поиски». Метод Пруста своеобразен: он одновременно пишет несколько текстов, которые посвящены разным темам. Эти отрывки, как и в сборнике «Утехы и дни», могут быть разделены на две группы: те, что напоминают главы романа, и те, что похожи на философские эссе. Фрагменты, над которыми Пруст работал с января 1908 года параллельно с пастишами на дело Лемуана, не объединялись пока в целостное повествование.

В июле Пруст составил список страниц и тем, которые им были уже завершены. В описи речь шла о главах, которые по своему содержанию были близки к «Жану Сантею». В них рассказывалось о детстве главного героя, о его поездках в провинцию на каникулы, о взаимоотношениях с матерью и бабушкой. В описании сельской местности появилось разделение пространства на стороны Вильбон и Мезеглиз, которые позже будут трансформированы в стороны Свана и Германтов. Среди глав были те, что посвящались поездке героя в Нормандию и его увлечению молодыми девушками. Пруст описывал также путешествие главного героя в Венецию. Рядом с этими отрывками романного типа Пруст разрабатывал более теоретические эссе, о некоторых из которых он упоминал в письме к своему другу Луи д'Альбюфера в мае 1908 года. Он рассказывал, что пишет «этюды» о Сент-Бёве, о Флобере, о женщинах, о гомосексуальности, о витражах, о надгробных камнях, о романе.

Как видно из списка тем, к которым обращался Пруст, он пока еще не очень ясно себе представлял, в каком направлении он должен двигаться. Неудача с романом «Жан Сантей» заставила его сомневаться в том, что он способен написать полноценный художественный текст. Поэтому он размышлял о том, чтобы придать своему произведению более строгую форму критического или философского очерка. В одной из тетрадей, которые заполнялись им в 1908–1909 годах, Пруст прямо фиксировал свои сомнения. Он спрашивал себя, следует ли ему сделать из того, что им написано, роман или философское эссе, способен ли он вообще писать романы. С этим же вопросом Пруст обращался осенью 1908 года к своим знакомым: Жоржу де Лори и Анне де Ноай. Он спрашивал их о том, должен

ли он предпочесть эссе в стиле Тэна или более оригинальную, более близкую к художественному тексту форму.

По всей видимости, Жорж де Лори посоветовал ему работать над эссе, однако Пруст, согласный с тем, что совет, данный другом, является более разумным, принял решение двигаться в другом направлении. В конце 1908 года Пруст купил большое количество тетрадей, которые будут использоваться им как черновики для его романа. Покупка говорит о том, что у Пруста возник план какого-то крупного произведения. Он начал работать над сочинением, которое явилось первым вариантом «Поисков утраченного времени» и которое сам он пока еще предполагал назвать «Против Сент-Бёва. Воспоминания одного утра». В середине августа 1909 года Пруст уже обратился в издательский дом «Меркюр де Франс» к его директору Альфреду Валлету с предложением опубликовать его новый роман. Пруст предположил, что в его произведении будет более четырехсот страниц. Однако Валлет отказался от публикации.

Несмотря на то что Пруст уже искал издателя, роман как единое целое не был написан. По крайней мере, такой вывод напрашивается из анализа черновиков Пруста. Можно только строить гипотезы о том, каким образом писатель предполагал объединить фрагменты. О сложности такой работы для исследователей творчества Пруста можно судить уже по тому, что в настоящий момент опубликованы три варианта этого произведения, подготовленные Бернаром де Фалуа, Пьером Клара и Луциусом Келлером. На основании анализа рукописей исследователь Жан-Ив Тадье дает свою версию того, каким виделся роман «Против Сент-Бёва» самому Прусту. По мнению биографа, сочинение должно было начинаться с того, что ночью главный герой, страдая от бессонницы, вспоминал прошлое. В первую очередь он возвращался к своим каникулам в провинции, к сцене с поцелуем матери перед сном, к двум сторонам (к Вильбону и Мезеглизу). Далее шел черед воспоминаний о путешествии к морю, в Нормандию, куда он ездил с бабушкой и где он познакомился с Монтаржи, блестящим светским молодым человеком, который позже превратится в Сен-Лу. На следующее утро главный герой вспоминал о своей поездке в Венецию с матерью. Он также слушал шумы парижского утра и размышлял о светской жизни. В этой части повествования уже появлялись такие герои, как Сван, Вердюрены и их клан, маркиз де Герси (будущий Шарлюс). Далее в комнату героя входила его мать, которая приносила ему газету «Фигаро» с его только что опубликованной статьей.

Роман заканчивался беседой с матерью по поводу биографического метода Шарля-Огюстена Сент-Бёва. Герой критиковал подходы одного из

выдающихся литературных критиков середины XIX века, который в своих многотомных исследованиях дал развернутую и подробную панораму литературной жизни Франции начиная с XVI века. В основе его видения литературы было изучение всех деталей формирования характера писателя, основанное на анализе воспоминаний тех, кто был с ним лично знаком. Сент-Бёв включал в свои работы также и собственные впечатления о встречах с артистами. Пруст, вступая в конфликт с Сент-Бёвом, предложил свою теорию о двух личностях гениального творца: та, которая доступна для наблюдения в повседневной жизни, не соответствует другой, более глубоко спрятанной, которая ответственна за создание гениальных произведений. Именно это несоответствие, по мнению Пруста, делает бесполезными поверхностные биографические этюды Сент-Бёва.

Хотя работа над романом «В поисках утраченного времени» и была первоначально связана с критикой Сент-Бёва, этот автор отсутствует в окончательном тексте произведения. Поскольку Пруст не находил издателя для своего романа, он продолжал работу над рукописью. Беседа с матерью, которая должна была находиться в конце произведения, постепенно теряла свое значение и исчезла в своем первоначальном виде из текста «Поисков», в то время как главы, описывавшие события из жизни главного героя, занимали все большее место, трансформировались и превращались в полноценный роман. При этом Пруст сохранил круговую структуру произведения: только последние его главы объясняют то, что происходило на всем протяжении романа.

Пруст получил отрицательный ответ от Валлета в августе 1909 года, во время своей очередной поездки в Кабур. Такой же ответ был отправлен Прусту от издателя Кальмана-Леви. Однако неожиданную поддержку ему в очередной раз оказал главный редактор «Фигаро» Кальмет: он согласился опубликовать «Сент-Бёва» по частям в виде романа с продолжением. Обнадеженный Пруст отдал начало сочинения, посвященное Комбре, машинистке, и уже осенью читал ее перепечатанный набело вариант своим друзьям Жоржу де Лори и Рейнальдо Ану. В ноябре 1909 года он посылает машинопись в «Фигаро». По неизвестным причинам Кальмет не сдержал своего обещания, текст Пруста остается без движения в редакции в течение нескольких месяцев. Однако проблемы с публикацией, которые, без сомнения, вызывали разочарование писателя, в конечном итоге оказали позитивное воздействие на генезис романа. Пруст принимается за переработку своего сочинения, которое вскоре сменит и название, и структуру.

ОТ ПОДЖАРЕННЫХ ХЛЕБЦЕВ К БИСКВИТАМ МАДЛЕН

Работая над текстом «Против Сент-Бёва», Пруст зимой 1908/09 года пишет проект предисловия к своему произведению. Это небольшое эссе включает в себя первое подробное описание метода произвольного воспоминания, которое станет основой романа «В поисках утраченного времени». В этом фундаментальном для истории творчества Марселя Пруста отрывке писатель противопоставляет два типа памяти: интеллектуальную и произвольную. Речь ведется от лица повествователя. По его мнению, то, что разум сохраняет под именем прошлого, не является достоверной копией происходившего. Он считает, что подлинные воспоминания не связаны с интеллектом. Воскресить прошлое помогает не он, а предметы: каждый час жизни человека соединен с какой-то вещью и с ощущением, которое она вызвала. Поскольку объекты, в которых «спрятано» минувшее, незначительны, незаметны, редко обращают на себя внимание, большая часть «законсервированного» в них существования потеряна навсегда. Однако изредка некоторые из этих магических предметов случайно встречаются на нашем жизненном пути и помогают спасти прошлое от забвения.

Далее повествователь приводит три примера таких произвольных воспоминаний, вызванных неожиданной встречей с забытым ощущением. Каждый из примеров в трансформированном виде будет присутствовать в «Поисках». Первый описывает, как продрогший повествователь возвращается холодным зимним вечером домой и никак не может согреться после прогулки. Его старая кухарка предлагает ему несколько кусочков поджаренного хлеба с горячим чаем, который он обычно никогда не пьет. Вкус того, что предложено кухаркой, возвращает герою воспоминание о сельском доме, где по утрам он спускался в комнату деда, который завтракал и угощал внука чаем и гренками. Благодаря этому совпадению ощущений из прошлого и настоящего повествователь получает доступ к тому, что уже не существует, он видит перед собой во всех подробностях и дом, и деда, и сад, окружающий дом.

Эпизод с хлебцами переписывался Прустом несколько раз: существует шесть рукописных его версий, а также машинописи и корректуры. В результате в 1913 году родилась знаменитая сцена с бисквитами Мадлен. В ходе работы Пруст заменил старую кухарку сначала служанкой

Франсуазой, а потом матерью главного героя; его дед трансформировался в тетю Леонию; поджаренные хлебцы стали воздушными и имеющими форму раковин пирожными Мадлен. Пруст среди прочего заменил строчные буквы в названии печенья буквами прописными, подчеркивая важность этого «волшебного предмета» в его романе. Часть исследователей, кстати, видят в этом использовании прописных букв желание Пруста ввести в текст романа свои собственные инициалы М и П.

Следующие два эпизода, которые упомянуты в предисловии, связаны с неровными плитами, на которые герой наступает во дворе своих друзей и которые возвращают ему воспоминания о поездке в Венецию и о визите в собор Святого Марка, а также со звуком упавшей в тарелку ложки, которая помогает вспомнить его поездку на поезде. Таким образом, три воспоминания, описанные в предисловии, по всей видимости, отсылали к трем главным эпизодам романа: каникулам в провинции, поездке к морю и путешествию в Венецию. В романе «В поисках утраченного времени» эпизод с хлебцами войдет «В сторону Свана», а два других воспоминания будут в трансформированном виде упомянуты в «Обретенном времени». Они будут подготавливать окончательное прозрение главного героя и его решение взяться за работу над собственным романом.

В анализе генезиса эпизода с бисквитами Мадлен важным является вопрос о том, насколько он связан с реальными событиями в жизни Пруста. Так, Джордж Пейнтер, первый биограф Пруста, был уверен, что писатель зимой 1908/09 года на самом деле пережил нечто подобное тому, что описывается в романе: вернувшись поздно вечером домой, он попросил принести ему чаю с печеньем и вспомнил свои каникулы в Илье. Однако современные исследователи, имеющие доступ к черновикам Пруста, склоняются к тому, что теория произвольного воспоминания имеет в своей основе скорее знакомство Пруста с разнообразными литературными и философскими текстами.

При этом рождение концепции произвольной памяти не может быть связано только с одним источником. Как и большинство теоретических построений Пруста, а также событий и персонажей его романа, она имеет множество корней, ключей, дополняющих друг друга. Теория воспоминаний может быть, во-первых, связана с чтением психологических исследований, посвященных памяти (как, например, работ доктора Солье). Источником философских построений могли стать и художественные произведения, поскольку тема воспоминаний хорошо разработана и в литературе романтизма, и в литературе рубежа веков (например, в творчестве Анатоля Франса). Кроме того, основой могли стать и

философские работы преподавателей Пруста в Сорбонне, прежде всего Габриэля Сеайля и Виктора Эггера. Так, оба названных философа придавали большое значение воспоминанию, которое, по их мнению, давало возможность обрести целостное видение собственного жизненного пути, а значит, понять собственную индивидуальность.

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА И РУССКИЕ БАЛЕТЫ

Начиная с 1909 года в жизни Пруста наступает период интенсивной работы, он все реже появляется в свете, все меньше видится с друзьями, не так часто посещает театры и выставки. Состояние его здоровья становится прекрасным предлогом для того, чтобы перестать встречаться с теми, кто не представляет для него интереса и кто не может помочь ему в создании романа. Пруст постепенно превращается в настоящего затворника. Двери его квартиры практически всегда открыты только для одного Рейнальдо Ана.

Выходы Пруста в свет в то время определялись желанием найти новые впечатления или информацию для своего романа. Он часто просил своих знакомых то организовать его знакомство с какой-нибудь интересной для книги особой, то дать сведения о каком-либо аристократическом имени, то рассказать подробности о событии из светской жизни, которое имело место несколько лет назад, то прислать фотографию, которая помогла бы ему «оживить» память и обогатить содержание романа. Дотошность и внимание Пруста к мельчайшим деталям, а также его неожиданные визиты для получения сведений по какому-нибудь важному для него вопросу вошли в легенду. Так, однажды он решился отправиться в пригород Парижа на автомобиле, чтобы снова увидеть цветущие яблони (такие поездки Пруст совершал нередко, он разглядывал цветы, которые для него срывал шофер, через окно автомобиля, боясь очередного приступа астмы). Писатель выбрал для поездки окрестности Рюэя, не зная, что вокруг этого города наводила страх банда некоего Бонно, разъезжавшая на автомобиле. Пруст и его шофер долго не могли понять, почему их появление пугает местных жителей, которые при виде автомобиля и его небритого и измученного бессонницей пассажира были готовы разбежаться в стороны. В другой раз он приехал в гости к Гастону де Кайаве, чтобы повидать его дочь Симону. Поскольку Пруст нанес визит около полуночи и девочка уже спала, ее пришлось будить и одевать, чтобы представить писателю. Очевидно, эта поездка была необходима ему для того, чтобы описать дочь Жильберты Сван и Робера де Сен-Лу в романе.

Таким образом, интерес Пруста к происходящему вокруг него, и в частности к светской хронике, становится все более избирательным. Но некоторые события все же привлекают его внимание. В начале 1910 года Пруст узнает о смерти мадам Арман де Кайаве, которая скончалась 13

января. Официально причиной ее смерти был бронхит, однако реальные ее корни были скорее психологического порядка. Она очень страдала от неверности Анатоля Франса во время его турне по Латинской Америке. За несколько месяцев до смерти она даже попыталась покончить жизнь самоубийством.

Пруст пишет Франсу письмо с выражением соболезнований по поводу кончины Леонтины, на которое получает прочувствованный ответ. Несмотря на частичное разочарование во Франсе, подробности отношений которого с мадам де Кайаве Марсель узнает от своих друзей, Пруст впоследствии отправит писателю экземпляр «В сторону Свана» с посвящением, в котором назовет его «своим первым учителем, самым великим и самым любимым». Такое посвящение не случайно. В романе «В поисках утраченного времени» легко прослеживается большое тематическое сходство с произведениями Анатоля Франса. Такими общими для двух авторов сюжетами являются: ностальгия по прошлому, интерес к анализу светской жизни, пессимистическое видение любви как страдания, внимание к ревности и иллюзиям в любви, скептицизм по отношению к возможности понимания мира, субъективизм, релятивизм, сенсуализм.

Анатоль Франс оказал также определяющее влияние на создание образа писателя Бергота в романе «В поисках утраченного времени». Персонаж, кстати, появляется в черновиках Пруста как раз в конце 1909 — начале 1910 года. Сближает Бергота и Франса множество общих черт, например любовь к метафорам, архаизмам, прилагательным «очаровательный», «сладкий», а также схожая внешность: нос, борода, манера говорить. Однако прежде всего сходна роль, которую играет писатель в жизни повествователя. Влияние Бергота важно для главного героя в романе, так же как влияние Франса для творчества Пруста. Отметим при этом, что у Бергота было множество других прототипов, как и у всех важных персонажей «Поисков». Его образ создавался в результате смешения черт Анатоля Франса с элементами из жизни Поля Бурже, Альфонса Доде, Мориса Барреса, Анри Бергсона и др. Сам Пруст так метафорически описывал историю рождения своих героев в романе: «[...] Книга — это большое кладбище, где на большинстве могильных камней уже невозможно прочесть стертые имена».

Среди важных событий 1910 года можно также отметить открытие Прустом русских балетов. Когда труппа Сергея Дягилева впервые приехала в Париж в 1909 году, ее представления не вызвали интереса писателя. Однако под давлением своих многочисленных друзей (Люсьена Доде, Рейнальдо Ана, Робера де Монтестью и графини де Греффюль) Пруст

скоро полностью меняет свое отношение и становится горячим поклонником Русских сезонов. В течение 1910 года Пруст увидел следующие постановки: «Шехерезаду», «Карнавал», «Клеопатру», «Сильфиды». С этого времени приезды русских артистов всегда привлекали его внимание, и он регулярно посещал русские спектакли. Так, в 1913 и 1914 годах он посмотрел «Весну священную», «Золотого петушка», «Послеполуденный отдых фавна», «Бориса Годунова», «Князя Игоря». Он увлечен и хореографией Михаила Фокина, и декорациями Леона Бакста, и талантом Вацлава Нижинского, а также музыкой русских композиторов Римского-Корсакова, Стравинского, Бородина, Мусоргского.

Звездный состав авторов, ставших известными благодаря Русским сезонам, привлекается Рейнальдо Аном для своего балета «Синий бог». В 1911 году Рейнальдо даже отправился в Санкт-Петербург, чтобы обсудить свою новую постановку и представить свою музыку русскому театральному бомонду. Через год в мае 1912-го в Париже состоялась премьера спектакля, либретто к которому написал Жан Кокто, хореографом стал Фокин, главные роли исполнялись Нижинским и Карсавиной, а декорации и костюмы были изготовлены по эскизам Бакста. Пруст не смог присутствовать на премьере из-за приступа астмы, а сама постановка, как и большинство спектаклей русского балета этого сезона, не имела успеха.

АЛЬБЕР НАМЬЯС И ПОИСКИ ИЗДАТЕЛЯ

Поскольку Пруст все дальше продвигался в написании романа, важную роль в его жизни начали играть секретари и машинистки, которые помогали ему приводить в порядок его рукописи, готовя их к печати. Одним из помощников Пруста стал Альбер Намьяс, молодой человек, с которым Пруст был знаком с 1907 года. Их первая встреча произошла в гольф-клубе Кабура, президентом которого был один из друзей Марселя. Альбер Намьяс — сын состоятельного биржевого маклера, который снимал виллу «Берта» в Кабуре. Сначала взаимоотношения между Марселем и Альбером носили дружеский характер. Так, летом 1910 года Пруст сблизился с молодым человеком настолько, что давал ему советы по поводу его конфликтов с возлюбленной.

Затем с лета 1911 года Намьяс начал помогать Прусту в качестве секретаря. Он работал в паре с машинисткой «Гранд-отеля» Сесилией Хейворд. Альбер и Сесилия продолжили разбирать рукописи Пруста и в Париже. Их сотрудничество с писателем было особенно активно в 1911–1912 годах. За это время Сесилия и Альбер совместными усилиями создали машинопись «Потерянного времени» — первой части очередного варианта «Поисков».

В чем заключалась задача Намьяса? Дело в том, что Пруст использовал свои тетради для черновиков двумя способами: одни из них предназначались для записи отдельных мыслей и эпизодов, а другие служили для связывания написанных фрагментов в последовательное повествование. Эти вторые тетради и готовились Намьясом для их перепечатки: он должен был соединять части текста, следуя сложным инструкциям, которые давал ему Пруст. Внимательный Намьяс нередко вносил в рукописи Пруста небольшие коррективы, гармонизируя, например, цвет платья, а иногда и имена персонажей, которые могли отличаться в отрывках, находящихся в разных тетрадях.

Однако взаимоотношения Пруста с Намьясом не были однозначными. Параллельно с работой секретаря Намьяс, сын маклера, втянул Пруста в спекуляции на бирже. Первые попытки игры для Пруста были счастливыми, благодаря своему помощнику он легко зарабатывал небольшие суммы денег в 200, 500 франков. В благодарность он даже послал отцу Намьяса свою книгу «Утехи и дни». Однако в декабре 1911 года Пруст включился в более крупную игру и потерял 40 тысяч франков. 1

марта следующего года в письме Намьясу Пруст жаловался, что банки, в которых хранились его средства, сообщили ему об убытках и что, если их расчеты верны, то на потерянные деньги он мог бы купить «Джоконду». Такие траты пугали не только осторожного Льонеля Озе, но даже Робера Пруста, который взял с брата обещание избегать игры на бирже.

О трансформации отношений с Намьясом свидетельствуют и конфликты Пруста с секретарем, которые стали происходить в 1912 году. Во время очередного отдыха в Кабуре летом 1912 года случилась ссора, которая показала, насколько Пруст мог быть вспыльчивым во взаимоотношениях с близкими ему людьми. Пруст назначил Намьясу встречу на дамбе, но тот не пришел на randevu. Пруст, оскорбленный отсутствием и, как он посчитал, пренебрежением Намьяса, написал ему письмо, наполненное упреками еще более жестокими, чем в уже упомянутом послании к Плантевию. Он сравнивал Намьяса с водой, лишенной цвета и формы, а потому неспособной измениться к лучшему. Также, рассказывая о своей привязанности, он признавался, что оскорбление вызвало у него желание «то плакать, то броситься в воду». Он вспоминал, что великий писатель Альфонс Доде отправлял ему письма дважды, только чтобы узнать, как лучше угодить ему во время обеда. А не менее великий Анатоль Франс переносил прогулку с ним каждый день в течение недели, чтобы дожидаться, когда Пруст наконец почувствует себя лучше. Как оказалось, гнев Пруста не имел под собой оснований. Альбер Намьяс опоздал на встречу из-за аварии: под машину, на которой он ехал, попала девочка. За периодом конфликтов наступило временное охлаждение, которое постепенно переросло в дружбу. Так, после побега Альфреда Агостинелли именно Намьясу Пруст поручит поиски беглеца и переговоры с его отцом по поводу возможного возвращения молодого человека к писателю.

За 1911–1912 годы, время работы с Альбером и Сесилией, Пруст сильно переделал проект своего романа, он также дал ему новое название. Идея произведения, посвященного методу Сент-Бёва, уже забыта. По мысли Пруста, его будущий роман должен называться «Сердечные перебои», и он будет состоять из двух томов. Первая часть будет носить название «Потерянное время», а вторая — «Обретенное время». Машинопись, подготовленная мисс Хейворд в конце июня 1912 года, носила название «Сердечные перебои. Потерянное время. 1-я часть». Таким образом, летом 1912 года Пруст был уверен, что он почти закончил свой роман, что для его завершения нужно лишь упорядочить многочисленные отрывки, разбросанные по черновикам.

Поскольку работа, по мнению писателя, близилась к концу, он начал искать издателей. Он обратился сначала к Эжену Фаскелю. Поддержать его в этом издательском доме обещал сам Гастон Кальмет, который даже отправил письмо издателю и уверял Пруста, что тот скоро сможет подержать в руках первый том своего романа. Однако, несмотря на поддержку издателя и главного редактора «Фигаро», Фаскель возвратил машинопись. Основа решения об отказе — мнение одного из членов редакции, Жака Мадлена, который дал следующий отзыв: даже после прочтения семисот страниц текста остается непонятным, о чем в романе идет речь. Рецензент был уверен, что произведение написано чувствительным до болезненности молодым человеком и что оно слишком не похоже на все, что обычно публиковалось в издательстве.

Гастон Галлимар, директор НРФ, также не был готов выпустить в свет творение Пруста. Писатель направил ему рукопись в начале ноября 1912 года, а 23 декабря ему уже послали письмо с отказом. Ответственность за принятие этого решения ложится на Андре Жида, который не оценил и не понял роман, поскольку увидел в нем произведение светского человека, плохо скомпонованное и бесконечно длинное. Он составил свое мнение о Прусте на основании встреч с ним в свете и был уверен, что Пруст — дилетант и сноб, а потому попросту не стал внимательно изучать его текст. Жид впоследствии считал эту ошибку одной из самых больших в своей жизни и пытался объяснить ее тем, что при чтении натолкнулся на некоторые детали, которые убедили его в невнимательности автора. Он, в частности, приводил в пример фразу из описания лба тети Леонии, на котором «проступали позвонки». Разгадке появления этих загадочных «позвонков на лбу», кстати, посвящены уже несколько исследований, в которых фраза Пруста объясняется то ошибкой переписчика, то научными теориями начала века, которые рассматривали череп как одну из разновидностей позвонков. К чести Жида, следует отметить, что он уже в 1914 году написал письмо, в котором попросил у Пруста прощения за ошибку и признал его незаурядный талант.

Разочарованный Пруст отправил свой роман Юмбло, директору издательства «Олландорф», который написал отказ, ставший знаменитым: «Я, может быть, глуп как пробка, но я не в состоянии понять, как какой-то господин может потратить 30 страниц на описание того, как он переворачивается с боку на бок в постели перед тем, как заснуть...»

В конце концов измученный непониманием Пруст решил обратиться в издательство «Грассе» с просьбой опубликовать его роман за счет автора. В издательстве быстро дали свое согласие. Пруст предложил продавать свой

первый том по три с половиной франка, стремясь избежать ошибки своей молодости, когда завышенная цена в 13 с половиной франков привела к тому, что его сборник «Утехи и дни» так и не нашел своего читателя. Цель Пруста как можно более широкое распространение книги. Таким образом, 1912 год заканчивается частичным поражением писателя, вынужденного публиковать роман за свои собственные деньги.

АЛЬФРЕД АГОСТИНЕЛЛИ

1913 год стал одним из важнейших в биографии писателя. Этот год ознаменовался двумя важнейшими событиями: публикацией первого тома эпопеи «В поисках утраченного времени» и взаимоотношениями с Альфредом Агостинелли, которые кардинальным образом изменили содержание будущего романа Пруста.

Альфред Агостинелли, с которым Пруст был знаком уже несколько лет, снова появился в жизни писателя в начале 1913 года. Он потерял работу таксиста и какое-то время жил в Монако, где сблизился с Анной, которую он называл своей женой. Поскольку в Монако заработать на жизнь ему не удалось, Альфред приехал в Париж и попросил у Пруста место шофера. Однако писатель отказался предоставить ему эту должность, так как вот уже довольно долгое время он пользовался услугами Одилона Альбаре. Пруст ни в чем не мог упрекнуть Одилона: это серьезный шофер, не только умеющий хранить в секрете поручения Пруста, не только отличающийся ровным и спокойным характером и услужливостью, не только не завышающий счетов за свои услуги, не только никогда не совершающий ошибок за рулем, но еще и всегда готовый возить Пруста поздно вечером и ночью. Поэтому Пруст предложил Агостинелли место секретаря для перепечатывания рукописей своего романа. Кроме того, Марсель хотел бы, чтобы Агостинелли вместе с Анной жили в его квартире на бульваре Осман. Агостинелли согласился на предложенные условия и переселился к Прусту.

Можно предположить, что для молодого человека жизнь поблизости от писателя быстро превратилась в пытку. Причины тому многочисленны и очевидны. Шофер, привыкший к постоянным передвижениям, к смене мест жительства, к работе с разными людьми и на свежем воздухе, был вынужден проводить целые дни за пишущей машинкой в квартире, которая наполнялась дымом от ингаляций астматика Пруста и где к тому же в течение всего дня запрещалось повышать голос. Добавим к этому психологические сложности. Он должен был страдать и от ревности Анны — некрасивой женщины, которая регулярно устраивала сцены, и от подозрительности самого Пруста, который стремился контролировать каждый шаг своего подопечного. Пруст, например, скрупулезно собирал информацию о семье Альфреда (его сестре, его братьях, его отце), так как, по его мнению, все эти люди могли бы создать ему сложности во

взаимоотношениях с секретарем. К этому можно добавить еще и ревность Николя и Селины Коттен, которые видели в Альфреде конкурента в борьбе за место рядом с Прустом.

Со своей стороны Марсель также не чувствовал себя счастливым. В течение всей весны 1913 года он жаловался в своих посланиях друзьям на эмоциональные страдания, а также на новые денежные расходы. Так, в письме мадам Строс в апреле 1913 года Пруст описывал себя как «влюбленного и разоренного игрока на бирже». По всей видимости, взаимоотношения с Альфредом складывались не так, как этого хотелось бы писателю. Пруст предчувствовал, что ему не удастся надолго удержать рядом с собой молодого человека.

26 июля 1913 года Марсель в компании Альфреда, Анны и Николя Коттена отправился по заведенной уже несколько лет традиции на летний отдых в Кабур. Что произошло в отношениях между Агостинелли и Прустом в этот момент, не совсем ясно. Но примерно через неделю после прибытия в «Гранд-отель» Пруст вместе с молодым человеком, не захватив с собой ничего из вещей, вдвоем возвратились в Париж на поезде. Пруст отправил из кафе сообщение Николя Коттену о том, что тот вместе с Анной также должен ехать домой.

Пруст, по всей видимости, в чем-то подозревал Агостинелли. Об этом можно судить из совсем недавно ставшей доступной для исследования записной книжки писателя, в которой он делал записи в 1909 и 1913 годах. Этот ежедневник был продан на аукционе «Кристис» за 50 тысяч евро частному лицу в 2013 году (ровно через 100 лет после публикации первого тома романа Пруста). Однако Национальной библиотеке Франции удалось найти меценатов, которые выкупили этот драгоценный документ размером всего 11 на 6 сантиметров и передали его в библиотеку. В книжке оказались заполненными всего около тридцати страниц. Рядом с записями, относящимися к редактированию романа, есть несколько листов, заполненных странной информацией. Она представляет собой описание перемещений по Парижу 11, 12, 13 и 14 августа 1913 года кого-то, кого Пруст обозначает буквой А. Можно предположить, что речь идет о слежке за Агостинелли, которую заказал Пруст. Детектив, следивший за секретарем, рассказывал о том, что ему удалось обнаружить, а Пруст делал записи в своем ежедневнике. Скорее всего, преследование не дало никаких интересных результатов и было прекращено Прустом, который пытался найти другие способы удержать Агостинелли.

Писатель, зная о мечте молодого человека стать летчиком, предложил оплатить ему уроки пилотажа. В ноябре 1913 года Пруст подписал

контракт с Фердинандом Колленом, директором школы авиаторов Блерио, расположенной в окрестностях Парижа. Однако Агостинелли бросил занятия незадолго до экзаменов. Рано утром 1 декабря 1913 года Альфред и Анна покинули квартиру Пруста и отправились в Монако.

Пруст, не выносивший неожиданных разрывов и исчезновений, попытался найти беглецов. Он обратился за помощью к верному Альберу Намьясу с просьбой сообщить ему имя какого-нибудь бывшего полицейского, который смог бы проследить за Агостинелли. Затем он решил послать Намьяса в Монако для переговоров с отцом Альфреда. Он хотел предложить выплачивать отцу небольшую пенсию, если тот согласится повлиять на сына и заставит его вернуться к Прусту. Однако этот план Намьясу реализовать не удалось: отец оставил решение за Альфредом.

Несмотря на просьбы писателя, Агостинелли отказался возвращаться под крышу Пруста. Вместо этого он записался в школу пилотажа братьев Гарберо в Антибе, выбрав для себя имя Марсея Свана, что говорит о его знакомстве с персонажами романа «В поисках утраченного времени». 30 мая 1914 года во время второго полета, который он проделывал в одиночестве, Агостинелли решил пролететь над морем, что было категорически запрещено. Ему не удалось удержать самолет в воздухе, машина упала в воду. Присутствовавшие при полете зрители (в том числе Анна и друзья Агостинелли, приехавшие из Монако) видели пилота, безуспешно звавшего на помощь и делавшего знаки находившимся на берегу. Лодки, которые отправились в сторону уходящего под воду самолета, опоздали: Агостинелли не умел плавать и, не дождавшись помощи, утонул. Анна послала Прусту телеграмму с трагической новостью. Брат Альфреда просил у Пруста финансовой помощи для организации поисков погибшего с помощью водолазов. Тело Агостинелли было найдено только 7 июня.

Скорее всего, отношения между Прустом и Агостинелли не прерывались окончательно. Они продолжали обмениваться письмами. Писатель, стараясь контролировать Альфреда хотя бы на расстоянии, продолжал держать его в курсе всех важных событий своей жизни, вплоть до проблем с публикацией романа. Об этой переписке можно судить по единственному письму, дошедшему до нас. Все остальные послания, отправленные молодому человеку, были уничтожены семьей Агостинелли. История обнаружения этого документа достойна отдельного рассказа. Письмо было отправлено Прустом 30 мая, в день гибели пилота, а потому не могло быть доставлено адресату. Исследователь Филипп Кольб, который

готовил к публикации корреспонденцию Пруста, обнаружил его в архиве французской почты.

Это послание показывает, насколько у Пруста иногда сближались реальная жизнь и содержание романа. Так, в письме он упоминает об одной фразе из послания Агостинелли, которая его очень тронула. Из фразы он цитирует только прилагательное «сумеречный». В переписке Альбертины и повествователя это прилагательное будет употреблено в следующем контексте: Альбертина уверяет влюбленного в нее главного героя, что никогда не забудет своей последней прогулки с ним, прогулки, которая была дважды сумеречной: потому что наступала ночь и потому что это был их последний вечер вдвоем перед расставанием. Писатель, кстати, просит Агостинелли вернуть ему его письма. Можно предположить, что за этой просьбой стоит не только страх огласки, но и другие причины: Пруст предполагает использовать свои собственные послания, прямо их цитируя, в своем романе.

В письме Пруста речь также идет о самолете и о другом крупном подарке (возможно, «роллс-ройсе»), которые куплены писателем и от которых Агостинелли, по всей видимости, отказывается. Пруст тем не менее обещает, что самолет не будет им возвращен продавцу и навсегда останется в гараже. Эта история с подарками будет воспроизведена в романе «В поисках утраченного времени», в котором повествователь дарит Альбертине «роллс-ройс» и яхту. Отметим при этом, что Прусту пришлось пойти на серьезные траты: стоимость самолета составила около 27 тысяч франков, цена другого подарка была приблизительно такой же. Для их приобретения Прусту пришлось продавать акции, на проценты с которых он жил, что в очередной раз вызвало тревогу Льонеля Озе.

Как утверждал Пруст, именно Анна толкала Агостинелли к занятиям авиацией, надеясь, что благодаря им ему удастся начать хорошо зарабатывать. Пруст даже предупреждал Агостинелли, что в случае какого-либо несчастья в полете он не будет помогать Анне, поскольку будет считать ее виновной в гибели Альфреда. Однако Марсель не сдержал своего слова. После похорон он пригласил Анну в Париж и даже попытался помочь ей получить наследство Агостинелли. Для этого он обратился к принцу Монако. Однако поскольку выяснилось, что Анна не являлась официальной супругой Агостинелли, все усилия Пруста оказались напрасными.

Боль от потери была настолько велика, что после получения трагических известий Пруст на несколько недель прервал работу над корректурами своего романа. Тем не менее именно взаимоотношения с

Агостинелли начиная с 1913 года оказали серьезное влияние на содержание произведения: в нем появилась развернутая история новой героини — Альбертины. Насколько этот персонаж важен, видно из того, что по количеству его упоминаний (2360 раз) с ним может сравниться лишь сам повествователь. Героиня занимает центральное место в частях «Под сенью девушек в цвету», «Пленница» и «Исчезнувшая Альбертина». В первый раз имя Альбертины было употреблено в черновиках Пруста в 1914 году. Писатель работал в этот момент над рассказом о побеге и смерти возлюбленной главного героя.

ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ПОИСКОВ»

Во время подготовки к публикации первой части своего романа Пруст еще раз изменил заглавие и структуру произведения. Значительные перемены совпадали с важными событиями в его личной жизни. Весной 1913 года, приблизительно в то же время, когда Агостинелли поселился у писателя, он решил дать своему сочинению новое название. Пруст хотел отказаться от прежнего наименования «Сердечные перебои» в пользу «В поисках утраченного времени». На его решение повлияло то, что он встретил книгу «Сердечный беспорядок» Бине-Вальмера, основателя влиятельного журнала «Ренессанс латин». Поскольку название чужого произведения слишком напоминало ему его собственное, Пруст сохранил «Сердечные перебои» только для одной из глав романа. Пруст предполагал также разделить свой текст на три части, из которых только две были уже названы им: «В сторону Свана» и «Сторона Германтов». Разделение на три тома связано с предположением Пруста о том, что его роман будет состоять из 1500 страниц. Первый том был опубликован в ноябре 1913 года, и в нем насчитывалось 537 страниц. Писатель думал, что следующие два тома будут иметь тот же объем.

Несмотря на то что в данном варианте роман казался очень логичным, планы Пруста были разрушены. В них вмешались два обстоятельства, одно из которых личного, а другое исторического порядка. В сочинение Пруста были введены новые эпизоды, о которых писатель не думал ранее и которые связывались, с одной стороны, со взаимоотношениями с Альфредом Агостинелли, а с другой — с Первой мировой войной. На изменение планов Пруста повлияла также остановка публикации романа, вызванная началом военных действий. В результате в своем окончательном варианте роман увеличился вдвое по сравнению с планом 1913 года: вместо 1500 он достигнет трех тысяч страниц.

Во время подготовки к публикации первого тома «Поисков», а также сразу же после нее Пруст активно рекламировал свое произведение. Эти усилия писателя были дополнены тем, что предпринял Бернар Грассе, который был известен своими умелыми рекламными акциями. Отзывы на роман печатались во всех популярных французских изданиях. Газета «Жиль Блаз» сообщила о выходе книги и публиковала отрывок из нее под названием «Музыкальный вечер». «Тан» предлагал своим читателям интервью с Прустом, а затем статью Поля Суде о романе. В «Фигаро»

давалось объявление о публикации, а затем свои критические статьи посвятили роману Люсьен Доде и Шевасю. «Мируар» отдал свои страницы под интервью с автором. «Эксельсиор» выделил место под статью Кокто, в которой даже приводился портрет Пруста. Кроме того, огромное количество экземпляров книги распространялось самим Бернаром Грассе, который рассылал роман критикам, журналистам и просто близким к миру литературы личностям. Пруст дополнил эту рассылку Грассе, отправляя книги многим своим светским друзьям и знакомым. Таким образом было разослано нескольких сотен экземпляров.

Эта массивная кампания принесла плоды: роман Пруста, который по своим характеристикам значительно отличался от обычных произведений, публиковавшихся в Прекрасную эпоху, не был коммерчески провальным. Так, уже до начала военных действий было продано более 2800 экземпляров книги, а общее число проданных Грассе томов составит 3300 штук. Если добавить к этому, что большинство отзывов на роман были положительными, то можно сказать, что публикация Пруста выглядела относительно успешной.

**ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИИ
«ПОИСКОВ»**

МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОТЕРИ

Начало военных действий в августе 1914 года резко изменило образ жизни Пруста. Эти перемены были связаны прежде всего с мобилизацией слуг, друзей и родных писателя. Первым отправился на фронт его брат Робер, который был приписан к военному госпиталю в Вердене. Затем уехал Рейнальдо Ан. Несмотря на то что Пруст пытался его удержать, друг писателя решил участвовать в боевых действиях. Бертран де Фенелон — еще один из знакомых Пруста, который выполнял свой долг на фронте, покинув дипломатическую службу.

Пруст опасался, что его самого также могут отправить на фронт. Писателю регулярно посылались вызовы на медицинские осмотры, несмотря на состояние его здоровья. 23 октября 1914 года он получил от доктора Биза, который обычно его консультировал, справку о том, что ежедневные приступы астмы не позволяют ему служить в армии. Доктор находился в Альби, там же, где проходил службу Рейнальдо Ан, поэтому свое заключение он выслал по почте. Пруст попросил также дополнительный документ от доктора Фезана, который подтвердил бы мнение Биза. Вызовы на освидетельствование возобновились в апреле 1915 года в связи с новой проверкой состояния здоровья освобожденных от воинской повинности. В августе того же года медицинская комиссия явилась для осмотра Пруста к нему домой. Решение о его непригодности к службе было принято только осенью 1915-го.

С самого начала второго года войны Пруст получал новости о гибели своих друзей и знакомых. В декабре 1914 года Бертран де Фенелон, увлекая своих солдат в атаку, был смертельно ранен. В феврале 1915 года сестра Бертрана сообщила об этом Прусту, но он отказался ей поверить: он видел Бертрана во сне, разговаривал с ним, и этот сон убедил его в том, что Бертран еще жив. Только в 1916 году Пруст находит силы признать гибель Бертрана. Он напишет по поводу смерти Фенелона, что «его мужество было тем более возвышенно, что совершенно не было связано с ненавистью». Бертран прекрасно знал немецкую литературу и, кроме того, был ошибочно убежден, что Германия не несла ответственности за развязывание военного конфликта. Та же любовь к литературе и отсутствие ненависти к врагу будут отличать и Робера де Сен-Лу в романе «В поисках утраченного времени». Еще один из друзей Пруста — Робер д'Юмьер — в мае 1915 года погиб от пули, попавшей ему прямо в сердце. В июле 1916

года Пруст узнал и о смерти Николя Коттена, заболевшего на фронте. В письмах своим близким Пруст сообщал, что оплакивает друзей день и ночь, что начиная с момента ухода его брата на фронт он думает о войне непрерывно. Характерно то, что в своем отношении к военным действиям Пруст избегал громких фраз и официальных форм выражения патриотизма. В его позиции доминировали прежде всего эмоции, связанные с конкретными потерями тех, кто был ему дорог.

Другой особенностью того, как Пруст видел войну, являлось его желание перейти от эмоционального к более глубокому анализу происходящего. Он старался следить за всеми новостями, внимательно просматривал все газеты. Однако полная информация о реальном состоянии дел, о том, что представляла собой новая форма войны с ее огромными по сравнению с предыдущими военными конфликтами потерями, конечно, была недоступна тем, кто читал только официальную прессу. Тем более что по закону, принятому во Франции 5 августа 1914 года, в стране была введена военная цензура. Пруст тем не менее пытался понять логику развития военных действий и, например, в отличие от многих своих соотечественников был уверен, что война не закончится быстро. Марсель с особым вниманием относился к тому, что писал ему Рейнальдо — его свидетельства, не имевшие ничего общего с официальными сводками, помогали Прусту лучше понять происходившее.

Интерес к «философии войны» явно присутствует в романе «В поисках утраченного времени». При этом представление о том, как проходят военные действия, адаптируется Прустом к идее о нестабильности и сложности окружающего мира, доминирующей в его произведении. Пруст даже пессимистически сравнивает войну с любовью: поведение возлюбленных, по его мнению, так же непредсказуемо, как непонятны военным противникам планы друг друга. Среди важных перемен, произошедших в тексте «Поисков» после начала военных действий, можно назвать также перенос географического расположения Комбре: если в первом издании «В сторону Свана» городок находится поблизости от Шартра, то во втором он оказывается в окрестностях Реймса и, таким образом, подвергается опасности быть оккупированным.

Внимательно следя за тем, что писали в газетах, писатель был довольно критически настроен к работе французских журналистов во время войны. Так, например, Пруст в отличие от многих соотечественников не был охвачен националистическими настроениями. Он избегал шовинистической экзальтации при всем уважении к тем, кто отдавал свою жизнь на фронте. Он был, в частности, удивлен тем, как в прессе

изменилось отношение к немецкой культуре. Поражен, что Сен-Санс выступал в печати с критикой творчества Вагнера, а также тем, что некоторые авторы предлагали исключать из концертов произведения Бетховена и Штрауса. Описывая эти изменения в письмах, он задавал своим друзьям закономерный вопрос: если бы война велась с Россией, то каково было бы отношение журналистов к Толстому и Достоевскому?

Проникновение в закономерности войны, умение проследить стратегические и тактические демарши, «психологию» и скрытые пружины ведения военных действий позволяли Прусту обрести тот же провидческий дар, который когда-то он подверг критике в статье Льва Толстого «Дух христианства и патриотизм». В конце Первой мировой войны Пруст предсказал приближение еще одного военного конфликта, поскольку, по его мнению, Германия захочет взять реванш за свое поражение. Такое провидческое письмо Пруст отправил мадам Строс 12 ноября 1918 года, на следующий день после подписания мира.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Повседневная жизнь Пруста поменялась с началом военных действий. Отправились на фронт его слуги Николя Коттен и Одилон Альбаре. Чтобы заменить уехавшего Николя в доме Пруста поселилась Селеста Альбаре (1891–1984) — молодая супруга Одилона, на которой он женился в марте 1913 года. Пруст ищет еще одного слугу и нанимает сначала очень маленького и с виду болезненного молодого человека, которого, несмотря на болезненность, в свою очередь призывают. Наконец, Пруст берет на службу шведа Эрнста Форсгрена.

В сентябре 1914 года вместе с Селестой и Эрнестом Пруст отправился в свою последнюю поездку в Кабур. Добираться до вокзала Сен-Лазар им пришлось пешком, так как в Париже было невозможно найти ни одного такси. Поезд, на котором они намеревались ехать, был переполнен, место нашлось только в вагоне третьего класса. Прусту удалось сесть только потому, что у него был крайне болезненный вид, а его слугам пришлось стоять в течение всего путешествия. Поездка продолжалась 22 часа.

Пруст взял с собой все свои рукописи в большом старом чемодане, а также дорожный сундук на колесиках, в котором вез все ему необходимое вплоть до одеял, поскольку он не мог использовать пахнущие нафталином гостиничные. В Кабуре он занял три комнаты для себя и своих слуг на последнем этаже «Гранд-отеля», первые этажи которого были отданы раненым. Эрнст Форсгрэн стал его секретарем и не только проводил время с Прустом, играя в шашки и читая ему вслух, но и выполнял небольшие поручения, например передавал подарки писателя раненым, находящимся в отеле.

Возвращение Пруста из Кабура сопровождалось сильнейшим приступом астмы, настолько тяжелым, что писатель принял решение более никогда не выезжать за пределы Парижа. Интересно, что свидетельства Селесты Альбаре и самого Пруста, описывающие эту поездку, сильно отличаются. Селеста в своих воспоминаниях утверждает, что на обратном пути из Кабура они обнаружили, что все медикаменты Пруста были закрыты в багажном вагоне. Видя, что писатель задыхается, Селеста, по ее словам, на одной из остановок попросила открыть вагон. Сам Пруст дает совсем другую версию событий. Он рассказывает, что он получил свои медикаменты благодаря вмешательству Эрнста Форсгрена. Секретарь открыл двери багажного вагона, несмотря на сопротивление персонала

железной дороги. Противоречивая информация помогает понять, что в анализе сведений о Прусте необходимо учитывать не только то, что близкие к писателю люди могли забыть ту или иную подробность, но и то, что информация могла исказиться в интересах того, кто ее давал. Селеста Альбаре старалась приуменьшить роль Форсгрена просто потому, что она недолюбливала молодого человека, которому Пруст доверял до такой степени, что дал ему должность секретаря.

Бытовые сложности не мешали Прусту продолжать работу над романом. Можно даже сказать, что военный период явился одним из самых продуктивных в творческой жизни писателя. Так, Пруст постоянно искал необходимую ему для его произведения информацию. Он начал уделять особенно большое внимание музыке. Уже в течение нескольких лет он пользовался услугами театрофона: в начале века в Париже существовала возможность за небольшую плату слушать концерты и спектакли по телефону. Он также посещал редкие музыкальные события (как, например, фестиваль Форе в 1916 году или постановку оперы Вагнера «Парсифаль» в 1914-м, которая наконец получила право быть представленной за пределами Байрёйта). Дополнительно к этому он приглашал музыкантов к себе домой, чтобы в одиночестве послушать их игру. Информация об этих частных концертах известна от Гастона Пуле, музыканта из квартета, к которому в 1916 году обратился Пруст. За исполнителями поздно вечером заезжали четыре такси, которые привозили их в квартиру Пруста. Писатель просил играть ему Моцарта, Бетховена, Равеля, Шумана, Форе и Франка. Свои любимые произведения, например последние квартеты Бетховена, он просил исполнять по нескольку раз. Как можно предположить, музыка, которую слушал Пруст, была нужна ему для работы над его романом, в частности над историей умершего непризнанным композитора Вентейля.

Военное время становится периодом финансовых сложностей для Пруста, хотя он уже и не может терять деньги в игре на бирже, которая закрыта из-за военных действий. Неожиданно Пруст обнаруживает, что его накопления начали таять с огромной скоростью из-за того, что он платит огромные суммы по долгам — 80 процентов в год. К счастью для него, Льонель Озе вновь спасает его от разорения: он продает некоторые акции Пруста по хорошей цене тогда, когда добиться этого практически невозможно, и главное, он добывает для писателя очень выгодный кредит одного из английских банков, что позволяет выплатить долг. Пруст сохраняет свое состояние, но его доходы значительно уменьшаются: отныне вместо 50 тысяч франков в год он получает по 30 тысяч.

СЕЛЕСТА АЛЬБАРЕ, СЛУЖАНКА ПРУСТА

Во время войны происходит еще одно важное изменение в жизни Пруста: как мы уже упоминали, Селеста Альбаре становится его служанкой. О том, как это случилось, можно узнать из свидетельства самой Селесты, которая рассказала о своем приходе к писателю в книге «Господин Пруст», опубликованной в 1973 году. Ее муж Одилон Альбаре в марте 1913 года отправился в Лозер на свою родину для того, чтобы жениться на Селесте, которой в этот момент был всего 21 год. В день свадьбы молодожены получили поздравительную телеграмму от Пруста, а по прибытии в Париж Одилон представил Селесту своему нанимателю. В ноябре 1913 года после выхода в свет книги «В сторону Свана» Пруст разослал большое количество ее экземпляров своим знакомым и друзьям. Поскольку Одилон рассказывал писателю, что Селеста скучает в их маленькой квартире, проводя целые дни дома одна, Пруст предложил ей разносить его книги и письма. Она должна была приходить каждый день после обеда, чтобы проверить, не нужно ли доставить куда-либо почту.

В декабре 1913 года служанка Пруста Селина Коттен, которая вместе со своим мужем Николя Коттеном проживала в квартире писателя с 1907 по 1914 год, заболела и легла на операцию. Пока она оставалась в больнице, Николя навещал ее каждый день, после обеда его заменяла Селеста. Селина, выйдя из госпиталя и отдохнув у родителей, в январе 1914 года возвратилась в квартиру Пруста. Однако писатель был недоволен тем, что она давала ему слишком много советов, а также тем, что она мешала ему работать. Он отправил ее продолжить отдых. Она возвратилась к Прусту во второй раз немного позже, но и в этот раз между ними продолжились конфликты. Марсель решил, что более не хочет нанимать ее, но он сохранил место Николя Коттена. В этот момент Селеста заместила Селину.

Какое-то время Николя и Селеста работали вместе, однако после начала войны Коттена, как и Одилона Альбаре, забрали на фронт. Селеста вскоре переселилась в квартиру писателя. Летом 1914 года вместе с Марселем Прустом и Эрнстом Форсгреном она отправилась в Кабур. После возвращения с курорта Форсгреном, которого призвали в армию, эмигрировал в США, и Селеста снова осталась в квартире Пруста одна. По словам служанки, именно в Кабуре Пруст начал называть ее Селестой, а также впервые рассказал ей о некоторых событиях из своего прошлого. На обратном пути из Кабура у Пруста случился сильнейший приступ астмы,

после которого он решил более не совершать путешествий. В Париже Пруст провел безвыездно последние восемь лет своей жизни, в течение которых его постоянно обслуживала Селеста.

Писателя и его новую служанку сближали общие черты характера. Оба они чувствовали себя отчасти посторонними в мире, который их окружал: Пруст в силу своей чувствительности и оригинального взгляда на происходящее, Селеста в силу своей оторванности от родных. Пруст догадывался об этом тайном страдании молодой женщины, впервые оказавшейся так далеко от своих близких, и пытался ее поддержать. Со своей стороны Селеста с уважением и восхищением относилась к Прусту, а также с удовольствием слушала его. Пруст рассказывал ей о том, как продвигается работа над его романом, о своих денежных затруднениях и о впечатлениях от выходов в свет. Чтобы объяснить свою привязанность к Прусту, Селеста напишет в своих воспоминаниях, что больше всего ей нравилось в общении с писателем то, что иногда она чувствовала себя его матерью, а иногда ребенком. Селеста сравнивает Пруста то со своим младшим братом, который умер, когда ему было девять лет, то со своей матерью, которую она считает образцом доброты. Доверие и привязанность Пруста к его служанке были так велики, что во время его последней болезни Селеста явилась единственной, чье присутствие писатель допустил рядом с собой.

Селеста очень быстро из прислуги, занятой работой по дому, превратилась в компаньонку: ее домашние заботы ограничивались приготовлением кофе и уборкой комнаты писателя. Из-за того, что Пруст не выносил резких запахов, ей практически никогда не приходилось готовить: еду Прусту, как правило, доставляли из «Рица». В остальное время Селеста помогала разбирать рукописи, слушала рассказы Пруста, обсуждала с ним его проблемы. Селеста, несмотря на недостаток образования, безусловно, была умна. Ее словечки Пруст с удовольствием повторял своим друзьям. Так, именно Селеста дала Андре Жиду, который навещал Пруста, прозвище «поддельный монах», которое с удовольствием повторял Пруст. Писатель отразил особые отношения, которые сложились у него со служанкой, в романе, где Селеста и ее сестра Мари Жинест фигурируют под своими реальными именами. Они представлены в виде двух служительниц отеля в Бальбеке, которые ухаживают за повествователем. Герой очарован и их особой манерой речи, и их умением угодить ему.

Одним из качеств, привлекавших Пруста в Одилоне Альбаре, было умение хранить в секрете любые полученные им поручения. Это же качество выработала в себе и Селеста. Живя рядом с Прустом, она не

замечала того, что не должна была замечать, и продолжала защищать писателя и после его смерти: в своих воспоминаниях она будет избегать большинства нескромных подробностей о жизни Пруста. Так, она считала Агостинелли только секретарем писателя и напоминала, что он жил на бульваре Осман вместе с той, кого он называл своей женой.

Пруст предсказал Селесте, что после его смерти множество людей будут обращаться к ней с просьбой рассказать о том времени, которое она провела с ним. Он даже посоветовал ей вести дневник и с грустной иронией утверждал, что он будет продаваться лучше, чем его собственные книги. Селеста отчасти реализовала пожелания Пруста, написав свои воспоминания. Безусловная одаренность Селесты очевидна в ее мемуарах, которые были записаны Жоржем Бельмоном. Служанка Пруста, не имевшая серьезного образования, с большой тонкостью и достоверностью рассказывала о своей жизни рядом с Прустом.

После кончины писателя выяснилось, что он не оставил завещания, а потому ни Селеста, проведенная рядом с писателем восемь лет, ни ее муж ничего не получили в благодарность за свою преданность. Робер Пруст вместе с Горасом Финали и мадам Строс решили подарить ей небольшую сумму денег, однако Селеста с достоинством от нее отказалась. Как она объяснила, финансовые компенсации ей не были нужны, поскольку самый главный подарок — возможность провести поблизости от Пруста несколько лет — она уже получила. В конце своей книги воспоминаний она напишет: «Пруст меня никогда не покидал. Каждый раз, когда мне в жизни приходилось что-либо предпринимать, я находила его очередного почитателя, который устранял все мои трудности, как если бы и после смерти он продолжал меня защищать». Преданность Прусту продемонстрирует и Одилон Альбаре, который после смерти писателя решит оставить свою работу шофера. Он объяснит свой поступок тем, что только общение с Прустом позволяло ему выносить бестактность других пассажиров.

ОТ ГРАССЕ К ГАЛЛИМАРУ

Сразу после публикации романа «В сторону Свана» Прусту начали поступать предложения о смене издателя. И если отказаться от предложения Фаскеля Прусту было довольно просто, то устоять перед Искушением перейти в престижное издательство «Галлимар» было гораздо сложнее. Марсель колебался и даже вступил в переписку с Бернаром Грассе по поводу своего возможного ухода. Издатель пытался напомнить Прусту о контракте, но поскольку публикация была осуществлена за счет автора, писатель сохранил все права на свое произведение. Грассе был вынужден согласиться с решением Пруста о передаче прав на издание романа. Однако неожиданно Марсель, получивший согласие Грассе, вспомнил о пренебрежении других издательских домов тогда, когда ему так нужна была их помощь. Вопреки первоначальному решению он остается верным Грассе и предполагает опубликовать новую часть своего романа у своего первого издателя.

С началом военных действий коммерческая деятельность Грассе останавливается, тогда как Галлимар только замедляет свои публикации. Именно это обстоятельство оказывается определяющим для Пруста, хотя и в данном случае писатель соглашается на перемены далеко не сразу. В феврале 1916 года Галлимар послал ему новое письмо, в котором предложил выкупить первый том его романа у Грассе и публиковать все последующие тома. Таким образом, издательство хотело загладить ошибку, совершенную несколькими годами ранее. Пруст, для которого вопрос о переходе был решен еще в 1914 году, сначала ответил отказом.

В мае Галлимар, чувствуя колебания Пруста, сделал предложение еще раз. Пруст ответил обширным посланием, в котором перечислил «недостатки», которые, по его мнению, могут вызвать отказ Галлимара от публикации: во-первых, роман слишком длинный, во-вторых, в нем присутствуют «аморальные» персонажи (как, например, Шарлюс), в-третьих, Пруст связан обязательствами с его первым издателем и не уверен, что получит согласие Грассе на свой уход. Перечислив эти обстоятельства, Пруст сообщил, что если эти препятствия не пугают Галлимара, то он согласен попробовать отказаться от сотрудничества с Грассе. Издательский дом немедленно принял все условия Пруста. Писатель обратился к Грассе, который находился на лечении в Швейцарии. Первый издатель после нескольких попыток убедить Пруста был вынужден согласиться. Таким

образом, вопрос о переходе в «Галлимар» был решен.

«ПОД СЕНЬЮ ДЕВУШЕК В ЦВЕТУ» И ПРЕМИЯ ГОНКУР

Начиная с декабря 1917 года Пруст, подписавший контракт с издательством «Галлимар», принимается за работу над вторым томом «Поисков», получившим название «Под сенью девушек в цвету». В общем виде эта часть романа была закончена им в апреле — мае 1918 года. Первоначальный проект Пруста и Галлимара заключался в том, чтобы, дождавшись написания всего произведения, разделить его на части и опубликовать их все одновременно. Однако Пруст, поняв, насколько долго он занимался всего одним томом, пришел к выводу, что может просто не успеть закончить свой роман до того, как его здоровье окончательно испортится. Он осознает, что для завершения сочинения потребуется несколько лет, которых у него уже, возможно, нет. Он думает и о том, что читатели могут просто забыть о Прусте и о его произведении, если им придется ждать следующих томов слишком долго.

В связи с этим писатель принял решение опубликовать «Под сенью девушек в цвету» как можно быстрее. Уже в июле 1918 года он подписал документ, разрешивший выпуск романа в печать. Однако из-за военных действий в издательстве не хватало рабочих рук и сигнальный экземпляр Пруст получил только в декабре 1918 года. Пруст был недоволен результатами: Галлимар выбрал слишком мелкий шрифт, а расстояние между строчками такое маленькое, что книгу практически невозможно было читать. Второй его претензией являлось то, что Галлимар не смог организовать достойную рекламную кампанию. Кроме того, первая часть романа, продажи которой должны были вырасти благодаря публикации второго тома, не переиздана, а достать экземпляры от Грассе в книжных магазинах уже невозможно. Поскольку Галлимар предполагал издать также сборник пастишей и статей Пруста, принято решение опубликовать все три книги одновременно. В результате появление «Под сенью девушек в цвету» в магазинах откладывалось еще на несколько месяцев, так как три новых тома будут готовы только в апреле 1919 года. Пруста ожидала еще одна задержка: Жак Ривьер, редактор журнала «Нувель ревью франсез», попросил до начала продаж опубликовать отрывок из второй части романа в его издании. Таким образом, книги поступили в магазины только в июне 1919 года.

Издание сразу же имело огромный успех. Уже в августе Рейнальдо Ан,

вернувшийся с фронта и вновь включившийся в светскую жизнь, сообщил Прусту, что Леон Доде предполагает поддержать кандидатуру Пруста на премию Гонкур. Однако присуждение премии Прусту хотя и представлялось возможным, все же имело и препятствия. Во-первых, премией награждались, как правило, молодые авторы, а Прусту уже 48 лет. Во-вторых, премия была предназначена для небогатых писателей, которые на какое-то время получали возможность заниматься творчеством, не заботясь о материальных проблемах. Между тем Пруст (хотя и потерявший большую часть своего состояния) не нуждался в средствах. В-третьих, общественное мнение склонялось в пользу писателей, которые участвовали в военных действиях и посвятили свои произведения войне. Фаворитом с этой точки зрения являлся Ролан Доржелес со своим романом «Деревянные кресты». Содержание же романа Пруста, описывавшего счастливую эпоху до начала войны, казалось совершенно несоответствующим требованиям времени.

Несмотря на все эти препятствия, Леону Доде удалось убедить членов жюри в превосходстве романа Пруста, который получил шесть голосов против четырех, отданных за «Деревянные кресты». 11 декабря 1919 года писателю пришло письмо с радостной вестью от Академии Гонкур. Хотя сразу после объявления результатов Прусту доставили 870 поздравительных посланий от знакомых и незнакомых людей, реакция на присуждение премии не была однозначной. Награждение Пруста вызвало критику разного рода. Воскресли старые обвинения в использовании светских связей для получения премии. Некоторые газеты были разочарованы вручением награды создателю романа о мирном времени. «Юманите» подчеркивала несоответствие возраста Пруста требованиям, предъявляемым к авторам. Альбен Мишель, издатель «Деревянных крестов», опубликовал рекламные афиши, на которых под названием романа написано «Премия Гонкур» и маленькими буквами добавлено «четыре голоса против шести». Эти афиши очевидным образом провоцировали сомнения в том, кому досталось первое место. Галлимар подал на него в суд, но хотя Альбен Мишель в 1920 году был приговорен к выплате моральной компенсации в размере двух тысяч франков, афиши произвели свой эффект: победа на книжном рынке осталась за «Деревянными крестами». Роман Ролана Доржелеса был продан в три раза большим тиражом, чем «Под сенью девушек в цвету». В целом сочинение Пруста привлекло скорее интеллектуальную элиту, чем обычного читателя, который предпочел более понятную ему книгу о войне. После получения премии для Пруста началось время общественного признания. И хотя

реализовать самую заветную свою мечту — стать академиком — ему не удалось, Пруст получил все-таки высшую награду Франции — орден Почетного легиона — уже 23 сентября 1920 года.

В течение всего 1919 года Пруст продолжает работать над рукописями и готовит к публикации новую часть романа — «Сторона Германтов». Он опять надеется на то, что сможет издать одновременно несколько томов своего произведения, чтобы у читателя была возможность увидеть его сочинение целиком, понять идеи автора такими, какими они предстают из романа в его единстве. К этой огромной работе над текстом «Поисков» добавляется еще одна публикация, посвященная Флоберу.

Пруст не может удержаться от искушения вступить в спор с Альбером Тибоде, который в ноябре 1919 года в «Нувель ревю франсез» опубликовал статью «Литературная полемика по поводу стиля Флобера». В этой статье он утверждает, что Флобер не является великим писателем, поскольку он недостаточно хорошо владеет французским глаголом. Пруст, отвечая Тибоде, по сути, поясняет свою собственную манеру изображения реальности, которая имеет корнями среди прочего и стиль Флобера. Писатель отмечает, что Флобер по-новому использует глагольные формы, производя в мировой литературе такой же переворот, какой спровоцировали сочинения Канта в философии. Флобер отдает предпочтение формам имперфекта, соответствующим в русском языке прошедшему времени несовершенного вида, что дает ему возможность зафиксировать течение времени, процесс становления, развития реальности. В пример Пруст приводит описание пейзажа, который видит Фредерик Моро на первых страницах «Воспитания чувств». Глаголы, используемые Флобером, передают трансформацию пейзажа под влиянием изменения поля зрения персонажа, находящегося на движущемся корабле. Этот же прием используется Прустом в его собственной статье «Дорожные впечатления от поездки на автомобиле» в описании оптических иллюзий, вызванных скоростью.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
НАПЕРЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ

ПЕРЕЕЗД НА УЛИЦУ АМЛЕН

Хотя получение премии Гонкур придало Прусту уверенности в себе, 1919 год оставался одним из самых тяжелых в жизни писателя. В этот период его ожидало множество материальных и сентиментальных забот. К уже существовавшим сложностям — постоянной работе над романом, а также финансовым потерям — добавились новые. Первая из них — необходимость съехать с квартиры. В начале года Пруст узнал, что его тетя, которой принадлежал дом 102 на бульваре Осман, продала здание банкиру Варену-Бернье, предполагавшему выселить всех его обитателей и превратить жилые помещения в бюро. Пруст должен был покинуть свои апартаменты не позднее 1 июня 1919 года. Кроме того, ему нужно вернуть накопившиеся долги, поскольку, как и другие жильцы, благодаря мораторию на квартплату, введенному правительством в 1916 году, он не платил за жилье в течение войны. Однако в отличие от других нанимателей Пруст не просил снизить ему цену, мотивируя это уменьшение форс-мажорными обстоятельствами, поэтому его долг был очень велик, он составил 25 тысяч франков.

Писатель бросился на поиски нового жилья, которое бы соответствовало его многочисленным требованиям (без деревьев рядом с домом, без пыли, без шума, без соседей над головой). Он даже думал снимать несколько комнат на последнем этаже отеля «Риц», но отказался от этой идеи из-за очевидной дороговизны такого предприятия. В конце концов за пять дней до конца контракта Пруст переехал в меблированную квартиру в принадлежащем актрисе Режан доме 8 по улице Лоран-Пиша. Квартира оказалась не очень удобной: из-за тонких стен Пруста беспокоили шумы от соседей, у него усилились приступы астмы. Писатель надеялся остаться на улице Лоран-Пиша лишь на месяц, но ввиду того, что найти жилье в Париже было непросто, его переезд откладывался до осени.

Только в октябре 1919 года Пруст нашел квартиру в доме 44 на улице Амлен. Пруст послал изучить предложенный ему вариант Селесту Альбаре, которая осмотрела жилье. Получив подробное описание от служанки, Пруст принял решение о переезде. Апартаменты были расположены на пятом этаже и по площади чуть меньше тех, что он занимал на бульваре Осман: кроме спальни Марсея в них были салон, будуар, а также комнаты для Селесты и одного секретаря. Льонель Озе напомнил Прусту, что с доходом 25 тысяч франков в год и его расходами на

обслужу и еду он не может себе позволить снимать жилье за 16 тысяч франков. Советник Пруста считал, что цена за квартиру была слишком высока: она такая же, как на улице Курсель, откуда Пруст уехал после смерти родителей из-за дороговизны. Но писатель рассчитывал снизить оплату, поскольку будет использовать собственную мебель. Хотя квартира стоила дорого, Пруст был настолько утомлен своей бессонницей, что стал даже платить соседке сверху за то, чтобы она не шумела.

Параллельно с проблемами, связанными с переездом, в сентиментальной жизни Пруста разыгралась очередная драма. С лета 1918 года у него появился новый секретарь по имени Анри Роша. Пруст познакомился с ним в отеле «Риц», где тот служил. Переехав к Прусту, настоящей секретарской работы Роша практически не выполнял, отдавая большую часть своего времени занятиям живописью. Селеста с недоверием относилась к этому новому помощнику Пруста. В своих воспоминаниях она старается подчеркнуть, что и сам Пруст видел своего секретаря с большой долей иронии. «Он думает, что он рисует» — так, например, по словам Селесты, писатель оценивал страсть Роша к созданию картин.

Как всегда, увлечение Пруста было связано с новыми денежными потерями. Писатель жаловался своим друзьям на огромные траты: например, он рассказывал Полю Морану, посетившему его в новой квартире, что накануне Роша купил одежды на три тысячи франков. Поскольку состояние финансов Пруста больше не могло выдерживать таких расходов, Марсель пытался избавиться от своего секретаря. Однако тактичному и чувствительному Прусту это было сделать непросто, тем более что Роша никак не мог найти себе заработка. Сначала секретарь уехал на Лазурный берег, чтобы отыскать там работу, но скоро возвратился к Прусту, который готовился к переезду. В июле Роша едет в Швейцарию, но спустя короткое время снова оказывается в квартире писателя, так как и в этом случае его поиски заработка не дали результата. Роша остался жить у Пруста до июня 1921 года. В конце концов писатель обратился за помощью к Горасу Финали, который отправил секретаря в Буэнос-Айрес для работы в одном из филиалов банка Париба́.

Поскольку Анри Роша проживал у Пруста дольше, чем Альфред Агостинелли, можно предположить, что его присутствие помогло Прусту в написании части «Пленница», описывающей совместную жизнь главного героя романа «В поисках утраченного времени» с Альбертиной. Таким образом, впечатления от взаимоотношений с Агостинелли начинают дополняться в романе информацией из других источников. Кроме того, элементы биографии секретаря Пруста можно обнаружить в образе

Мореля, одного из содержантов барона Шарлюса в романе. Подобно Морелю Роша, уезжая в Южную Америку, бросает свою невесту. Как утверждает Селеста, Пруст даже отправился утешать покинутую девушку, дочь консьержки, точно так же как он утешал Анну после смерти Агостинелли.

Переезды, а также нестабильные взаимоотношения с Роша вызвали у Пруста проблемы со здоровьем. Если в течение войны писателю удавалось найти равновесие между работой и отдыхом, то начиная с 1919 года болезнь постепенно брала верх. Осознавая, что здоровье его клонится к упадку, Пруст все больше и больше беспокоился из-за задержек в публикации его романа. Все чаще он говорил своим друзьям не просто о плохом самочувствии, но о приближающейся смерти.

НОВЫЕ ЧАСТИ РОМАНА И РЕАКЦИЯ НА НИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

В 1920–1921 годах Пруст продолжает публиковать новые части романа, используя уже выработанную практику разделения текста на тома. Так, «Сторона Германтов I» продается с 22 октября 1920 года. Пруст, кстати, посвящает ее Леону Доде. Затем в 1921 году выходят в свет «Сторона Германтов II» и «Содом и Гоморра I». С весны 1921 года Пруст работает над «Содомом и Гоморрой II» и планирует издание «Содома и Гоморры III — Пленницы».

Опубликованные тома «Стороны Германтов» описывают светский опыт Пруста, а значит, некоторые знакомые писателя из парижского бомонда начинают узнавать себя в персонажах романа. Несколько старых друзей писателя воспринимают «Поиски» как насмешку и оскорбление. Так, Луи д'Альбюфера распознает свои черты в Сен-Лу и разрывает отношения с Прустом. Графиня де Шевинье считает, что Пруст отразил ее характер в образе герцогини Германтской, и возмущена до такой степени, что отказывается читать «Сторону Германтов II» и сжигает все послания Пруста. Лора Хейман, которой кажется, что она напоминает Одетту де Креси, в своем письме Прусту называет его «монстром». Робер де Монтестью, основной прототип барона Шарлюса, умирает в декабре 1921 года, что провоцирует легенду о том, что он не смог перенести своего сходства с персонажем романа. Однако его переписка с Прустом не подтверждает этого предположения. В своих посланиях писателю Робер де Монтестью не демонстрирует никакого возмущения. Он лишь расспрашивает Пруста об источниках его персонажей. Пруст сообщит Монтестью, что для создания образа Шарлюса он опирался на опыт своего общения с бароном Доазаном.

Пруст вел переписку и с незнакомыми читателями. В декабре 1920 года он получил письмо от некоего Гарри Свана, который протестовал против того, что его имя использовалось для названия романа. Писателю пришлось представлять историю создания своего персонажа, и для этого он, в частности, упомянул его прототипа Шарля Ааса. Пруст также сообщил, почему имя Сван привлекло его: с одной стороны, оно имеет английское звучание, с другой — гласная «а» ассоциируется у него с белым цветом. О еще одном комическом письме Пруст рассказывал Уолтеру Берри во время одного из своих традиционных ужинов в отеле «Риц» на

Вандомской площади. Из письма одной американки Пруст узнал, что она читала его книги вот уже три года, но ничего не могла в них понять. В конце концов, потеряв всякую надежду разобраться в романе Пруста самостоятельно, она решила обратиться за разъяснениями к самому автору. В своем послании она сформулировала свой вопрос так: «Дорогой Марсель Пруст, объясните мне в двух строках, что Вы хотели сказать своим романом». Естественно, что Пруст не нашелся, как ответить своей «поклоннице».

Несмотря на некоторые комические моменты в переписке с теми, кто интересовался его сочинениями, Пруст очень внимательно относился к своим читателям и их вопросам. Он отдавал себе отчет, что публикация романа по частям не давала возможности понять его глобальный замысел. Поэтому Марсель постоянно писал длинные и подробные письма литературным критикам, в которых он объяснял структуру своего произведения, принципы его организации. Так, в ответе Андре Лангу, просившему Пруста об интервью, он сообщил, что выражение «аналитический роман», которое часто применяется к его сочинению, не совсем соответствует духу его произведения, поскольку заставляет думать, что автор находится в поиске все более мелких деталей психологической жизни, что он использует для своих наблюдений микроскоп. Сам Пруст предпочитал определение «интроспективный роман», поскольку он пользовался не микроскопом, а телескопом, стараясь выявить самые общие закономерности психологической и социальной жизни.

То, что Пруст все чаще был вынужден вступать в переписку с читателями, которых он совсем не знал, заставило его задуматься над тем, какой образ его самого создается из его корреспонденции. Он вдруг осознал, что написанные им письма будут изучаться его биографами, будут выставляться на аукционах, будут издаваться, то есть покинут область его личной жизни, чтобы стать частью жизни публичной. Эта мысль пугала его, и в начале 1921 года он начал консультации со своими знакомыми по поводу возможного запрещения публиковать его корреспонденцию. Однако его советники не могли дать ему никакой обнадеживающей информации, поскольку любое посланное письмо принадлежит адресату, который имеет право использовать его по своему усмотрению. По всей видимости, Марсель смирился с тем, что его письма станут достоянием публики. По крайней мере, своим близким никаких запретов на издание он не оставил, так как первый сборник писем Пруста будет подготовлен его братом и выйдет в свет уже в 1930 году.

Вопрос, который Марсель Пруст задает по поводу своих писем,

показывает, что он все чаще задумывался о смерти. Состояние его здоровья продолжало ухудшаться. Так, в 1921 году по случаю вручения престижной премии от филантропической организации Флоранса Блюменталя Пруст, являвшийся членом жюри, встретился с Анри Бергсоном. И тот и другой страдали от бессонницы, поэтому темой их разговора стали разнообразные успокоительные и наркотические препараты. Прусту было что обсудить, поскольку, как он признавался, среди снотворных он уже попробовал практически всё: и трионал, и веронал, и несколько других барбитуратов, и опиум. Ему уже несколько раз пришлось прибегнуть к морфину. К счастью, морфин вызывал у него обострение астмы, поэтому привычки к препарату у него не выработалось. Пруст практически ежедневно принимал большие дозы усыпляющих препаратов, а затем был вынужден использовать тонизирующие, для того чтобы проснуться и быть в форме. Среди медикаментов, стимулирующих сердечную деятельность, которые принимал Пруст, был и такой довольно опасный, как адреналин.

Из важных для Марселя творческих событий в этот последний период его жизни можно отметить встречу Пруста с Джеймсом Джойсом. 18 мая 1922 года он отправился на представление «Лисы» — балета Вацлава Нижинского на музыку Игоря Стравинского с декорациями Михаила Ларионова. После спектакля был приглашен на светский вечер, организованный семейством Шиф в отеле «Мажестик»: на вечере присутствовали Дягилев и многие артисты его труппы, а также Стравинский, Пикассо и Джойс. Пруст обсуждал со Стравинским последние квартеты Бетховена, но композитор принял его за сноба. Пруст также беседовал с Джойсом. Эта встреча двух самых интересных писателей начала XX века несколько разочаровывает: похоже, что они не смогли понять и оценить друг друга. Джойс запишет в своем дневнике без особого восхищения, что фразы Пруста такие длинные, что читатель заканчивает их раньше самого автора. Пруст, со своей стороны, не оставил никаких упоминаний об этом знакомстве.

Показателем ухудшения здоровья писателя становятся все чаще случающиеся с Прустом небольшие «несчастные случаи». Время от времени ему случается забыть закончить письмо, которое он начал, о чем ему сообщают его корреспонденты. Иногда ошибки появляются даже в рукописях. Некоторые персонажи, над описанием которых Пруст работает в это время, умирают в его романе дважды, а некоторые умершие воскресают. В начале 1921 года он заболевает бронхитом. Только вылечившись, выливает на себя кипящее молоко: он не только обжегся, но и, оставшись некоторое время в мокрой одежде, снова простужается. В мае

1922 года он принимает сухой адреналин и сжигает себе пищевод и желудок. Измученный приемом то успокаивающих, то тонизирующих медикаментов, он начинает страдать от головокружений таких сильных, что иногда падает. Так, 4 сентября 1922 года он упал пять раз, а 8 сентября признается, что ему трудно вставать с постели. Посещающие его друзья поражены тем, какая в его комнате высокая температура: даже в самую сильную жару он не может согреться, укрывается множеством одеял и просит принести ему грелки. Андре Жид запишет в своем дневнике после одного из своих визитов к Прусту, что когда-то он был уверен, что писатель использует свою болезнь только как предлог для того, чтобы остаться дома и работать над своим романом, однако теперь он наконец видит, что Пруст на самом деле болен.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

О последних днях жизни Пруста известно из подробного их описания, сделанного в воспоминаниях Селесты Альбаре. В начале октября 1922 года, как сообщает Селеста, Пруст, уже чувствуя себя больным, отправился на вечер к Бомонам и там простудился. 11 октября у него повышается температура и начинается сильный кашель. Доктор Биз, с которым консультируется Пруст, назначает ему анализы, из которых 21 октября Пруст узнает, что его болезнь вызвана пневмококками. Пруст принимает решение отказаться от медицинской помощи, он не хочет видеть у себя ни доктора Биза, ни своего брата Робера. Селеста получает приказ никого более не впускать в его комнату. В конце октября Рейнальдо, узнав об этом отказе Пруста, пишет ему письмо с просьбой разрешить докторам ему помочь. Однако убеждения Рейнальдо пропадают втуне. В ноябре Рейнальдо, зная об ухудшении состояния Пруста, приходит к старому другу каждый день, однако Селеста не впускает его в комнату писателя, она только передает записки Рейнальдо Марселю и короткие ответы своего хозяина музыканту.

Несмотря на свое все более тяжелое состояние, Марсель продолжает думать о тех, кто ему дорог и кого бы он хотел поблагодарить. Он просит Селесту купить цветы и послать их Леону Доде и доктору Бизу. Писатель также упорно продолжает работать над правками к роману.

Постепенно состояние Пруста ухудшается: вирусное заболевание сменяется пневмонией, которая вызывает формирование в легких абсцесса. В последней стадии болезни абсцесс приводит к заражению крови. Пруст постепенно отказывается от еды, он пьет только кофе с молоком и холодное пиво, которое Одилон Альбаре привозит ему из «Рица». Робер пытается его убедить отправиться в больницу, но Марсель упорно отказывается. 17 ноября он диктует Селесте фразы о смерти писателя Бергота: Пруст все еще продолжает трансформировать свой собственный опыт в художественный текст. В ночь с 17 на 18 ноября до трех часов утра Пруст продолжает работать, он дает Селесте последние указания о том, что необходимо сделать с его рукописями.

18 ноября рано утром он сообщает вошедшей в его комнату Селесте, что он не хочет, чтобы она выключала свет, поскольку в комнате находится женщина в черном, которую он боится. Селеста обещает ему прогнать незваную гостью. Испуганная слабостью Пруста, она звонит доктору Бизу

и Роберу Прусту, чтобы сообщить им, что состояние Марселя ухудшилось. После обеда в квартиру поднимается доктор Биз и с помощью Селесты ему удается сделать Прусту укол камфоры. Пруст, который вытребовал у Селесты обещание не пускать к нему докторов, щиплет ее за руку. Робер, придя после доктора Биза, ставит Прусту банки, которые еще больше утомляют больного. Для консультации к Прусту приглашен доктор Бабинский, который, посоветовавшись с Робером, предлагает остановить всякое медицинское вмешательство, поскольку оно только заставляет больного страдать. После ухода Бабинского Робер и Селеста возвращаются в комнату Марселя, который, не отрываясь, смотрит на них. Через пять минут, приблизительно в 4 часа 30 минут Пруст умирает. Он не говорит перед смертью ни слова.

Рейнальдо, вскоре прибывший на улицу Амлен, берется оповестить друзей покойного. Похороны писателя состоялись 22 ноября, он был похоронен рядом со своими родителями на кладбище Пер-Лашез.

РОМАН ПРУСТА: ЗАКОНЧЕН, НО НЕ ЗАВЕРШЕН

Для того чтобы описать состояние романа Пруста в момент смерти писателя, обычно используют формулу «закончен, но не завершен». Основанием того, что роман можно считать законченным, считают эпизод, рассказанный Селестой Альбаре. В один из дней весной 1922 года Пруст сообщил служанке, что ночью произошло очень важное событие: он поставил слово «конец» в своих черновиках и теперь может умереть спокойно. Действительно, в одной из тетрадей Пруста, посвященной «Обретенному времени», сохранилась эта запись писателя. Тем не менее роман «В поисках утраченного времени» нельзя считать завершенным, поскольку до последнего дня своей жизни Пруст продолжал вносить в текст коррективы, более того, изменения, сделанные им за несколько дней до смерти, носят такой кардинальный характер, что сильно трансформируют структуру произведения.

Незавершенный характер романа долгое время скрывался от читателей. Робер Пруст и Гастон Галлимар, которые приводили в порядок рукописи писателя после его смерти, приняли решение придать произведению максимально законченный вид, даже если это пошло бы вразрез с последними желаниями Пруста. К моменту смерти писателя были опубликованы следующие части романа: «В сторону Свана», «Под сенью девушек в цвету», «Сторона Германтов», «Содом и Гоморра», «Пленница». Остальные части («Исчезнувшая Альбертина», известная также под названием «Беглянка», и «Возвращенное время») только готовились Прустом к печати. Первое из этих двух произведений было опубликовано в 1925-м, а второе в 1927 году. В 1929 году в момент публикации «Полного собрания сочинений Марселя Пруста» Гастон Галлимар объединил части, опубликованные Прустом в нескольких томах, и создал то, что называют «канон Галлимара», — роман «В поисках утраченного времени», состоящий из семи томов.

Вокруг части «Исчезнувшая Альбертина», или «Беглянка», будут разворачиваться самые важные события в истории посмертной публикации романа. В 1954 году Пьер Клара и Андре Ферре предпримут в рамках престижной серии «Библиотека Плеяды» новую публикацию романа с опорой на рукописи Пруста. Однако при подготовке издания выяснится, что черновик, носивший название «Исчезнувшая Альбертина», утрачен. Между

тем было известно, что Пруст предполагал заменить название «Беглянка» из-за выхода в свет одноименного романа Рабиндраната Тагора. Несмотря на это желание Пруста, Пьер Клара и Андре Ферре будут вынуждены использовать черновик, который носил название «Беглянка», и сохраняют это название в своем издании.

Только в 1986 году в архиве Сюзи Мант-Пруст, племянницы писателя, была обнаружена потерянная машинопись с названием «Исчезнувшая Альбертина». Она увидит свет в 1987 году. Натали Морьяк и Этьен Вольф подготовили эту публикацию, произведшую настоящий переворот среди специалистов по творчеству Пруста. Оказалось, что в последние дни перед смертью Пруст вычеркнул из «Исчезнувшей Альбертины» очень большое количество эпизодов, в том числе из поездки главного героя в Венецию — его визит в баптистерий Святого Марка. Между тем именно об этом визите вспоминает повествователь на утреннике у Германтов в «Обретенном времени». Именно воспоминание о неровных плитах баптистерия заставляет его погрузиться в прошлое, а потом начать писать свой роман. Таким образом, центральный эпизод из завершающей части романа повисает в воздухе. Причины, по которым Робер Пруст решил скрыть последний черновик писателя, над которым он работал накануне смерти, становятся понятными.

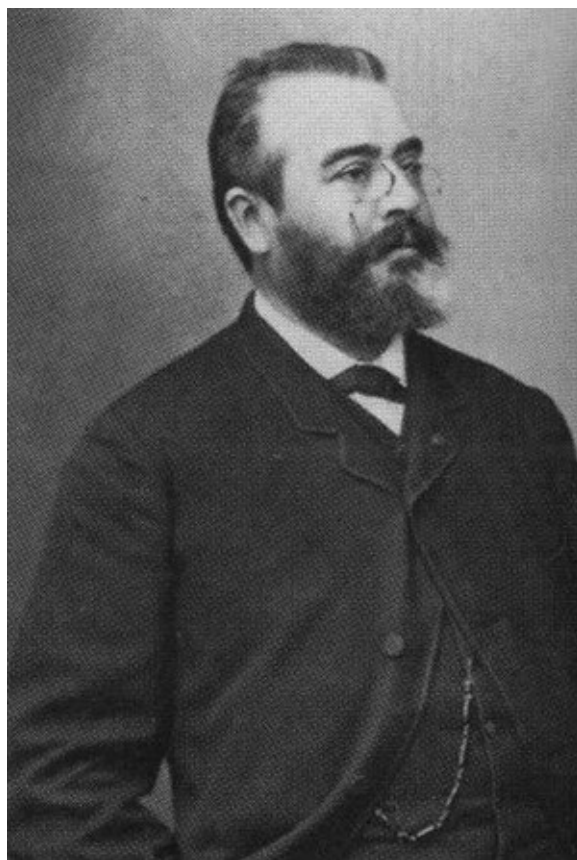
После обнаружения «Исчезнувшей Альбертины» исследователи разделились на две партии: на тех, кто требовал, чтобы роман публиковался в полном соответствии с черновиками Пруста, и на тех, кто выступал за сохранение единства романа. Жан Мийи, готовивший публикацию этой части романа в издательстве «Шампюан» в 1992 году, смог найти компромиссное решение, устроившее всех. Он опубликовал текст «Исчезнувшей Альбертины», сохранив все удаленные Прустом эпизоды, однако отметив с помощью специальных обозначений, что они были вычеркнуты писателем. Таким образом, было сохранено и единство романа, и воля самого автора.

Как видим, роман Пруста продолжает удивлять своих читателей, поскольку он и через 100 лет после смерти писателя все еще меняется и меняет наши представления о нем. В этой незаконченности и непредсказуемости произведения Пруста можно увидеть не столько недостаток, сколько выражение одной из фундаментальных идей писателя: в постоянно изменяющемся мире существует только одна константа — необходимость поиска и углубления знаний о реальности. Таким образом, незаконченные «Поиски» Пруста становятся символом того, что представляет собой, по мысли писателя, само человеческое существование.

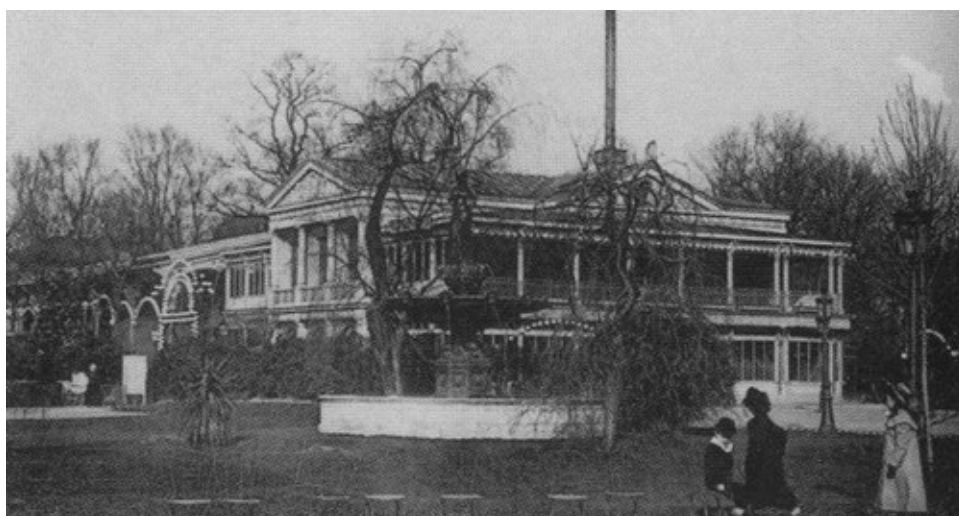
ИЛЛЮСТРАЦИИ

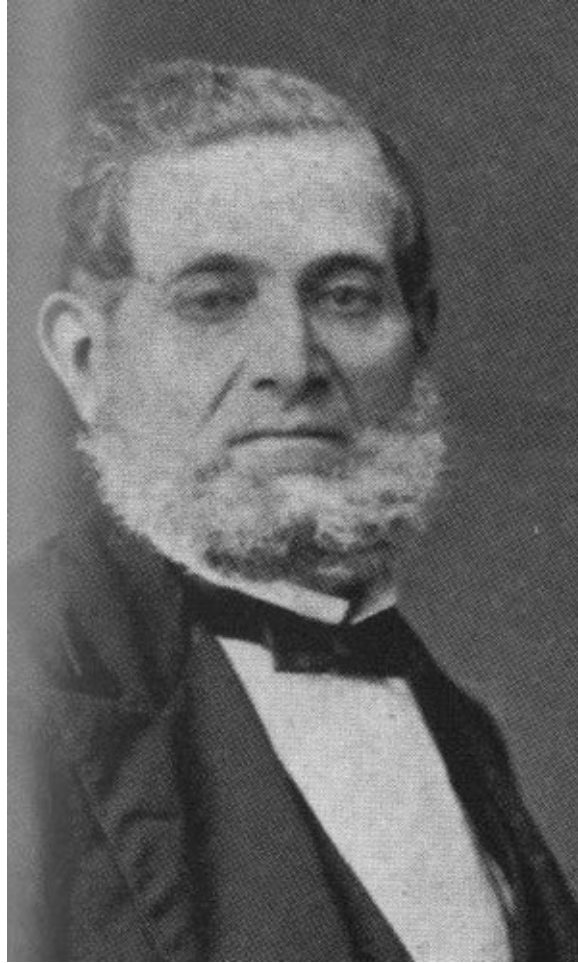
Адель Вейль, урожденная Бернкастель, бабушка Марселя Пруста со стороны матери

Адриен Пруст, отец писателя

Елисейские Поля. Почтовая открытка. Конец XIX — начало XX в.

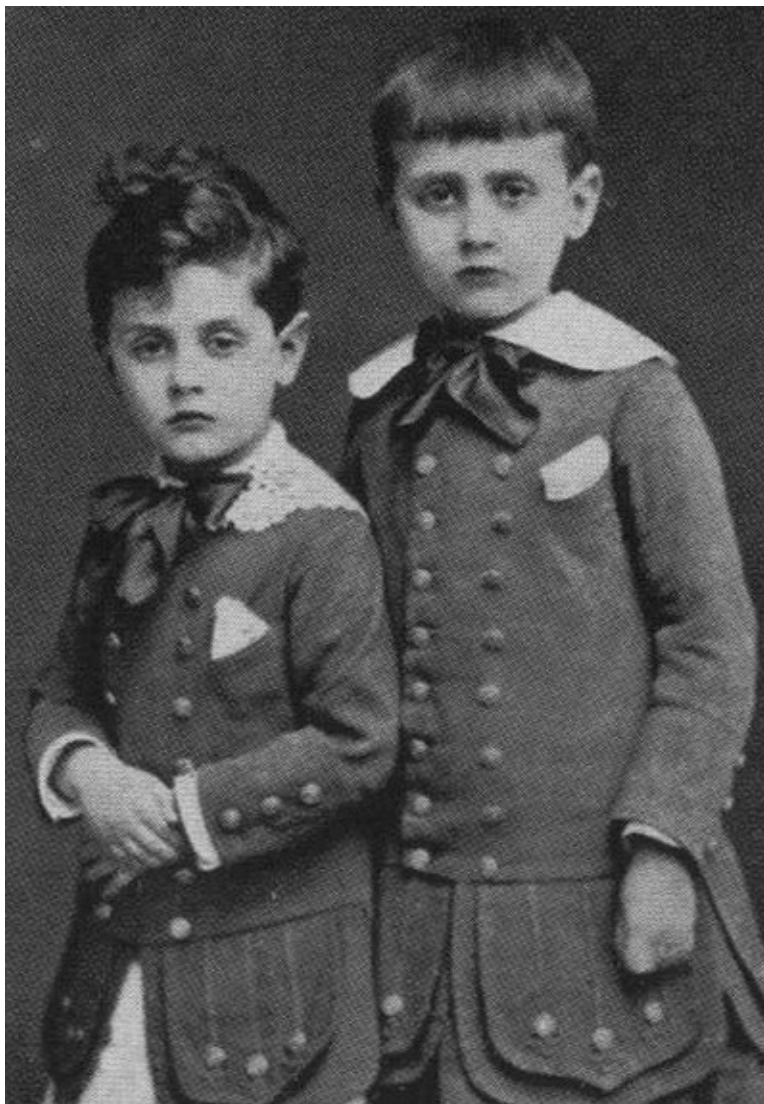

Нате Вейль, дед Пруста со стороны матери

Жанна Пруст, мать Марселя Пруста

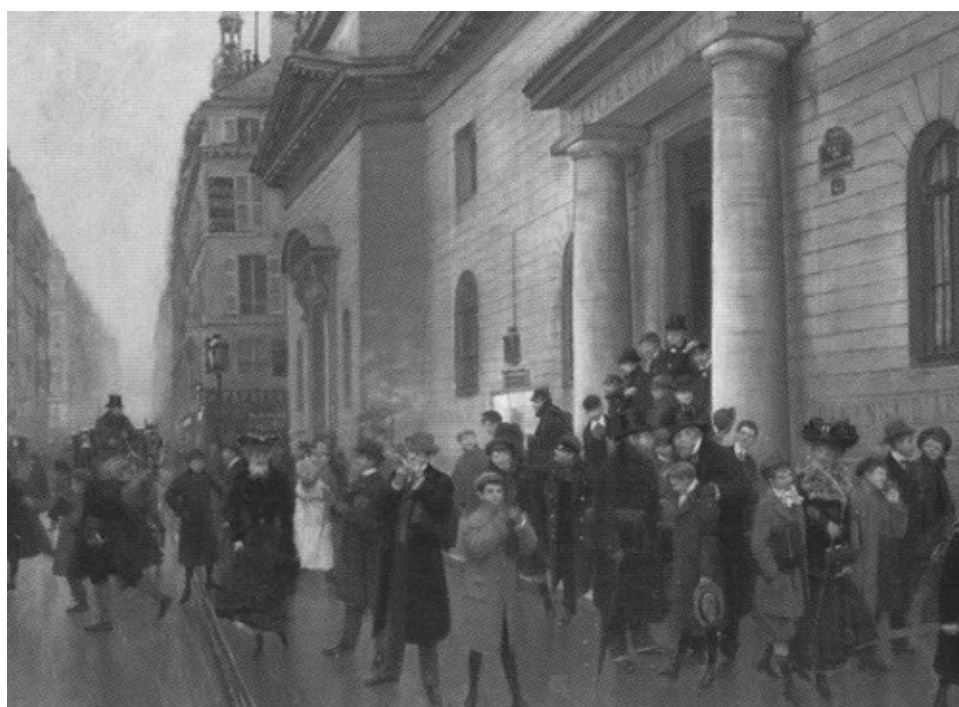
Робер и Марсель Пруст. 1877 г.

Марсель Пруст. 1887 г.

Робер Дрейфюс. 1890 г.

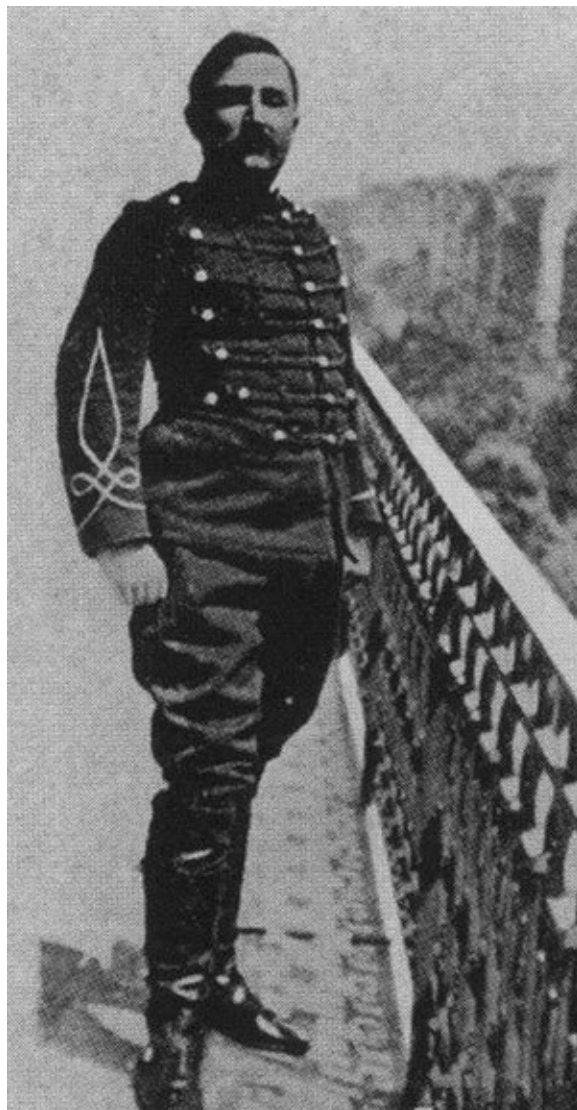
«Выход из Лицея Кондорсе». Ж. Боро. Около 1903 г.

Мария Бенардаки, юношеское увлечение Марселя Пруста

Класс философии Альфонса Дарлю в Лицее Кондорсе. Марсель Пруст (во втором ряду слева). 1889 г.

Гастон де Кайаве

Марсель Пруст во время военной службы в Орлеане

Марсель Пруст (на коленях с ракеткой) вместе с Жанной Пуке, которая позирует, стоя на стуле

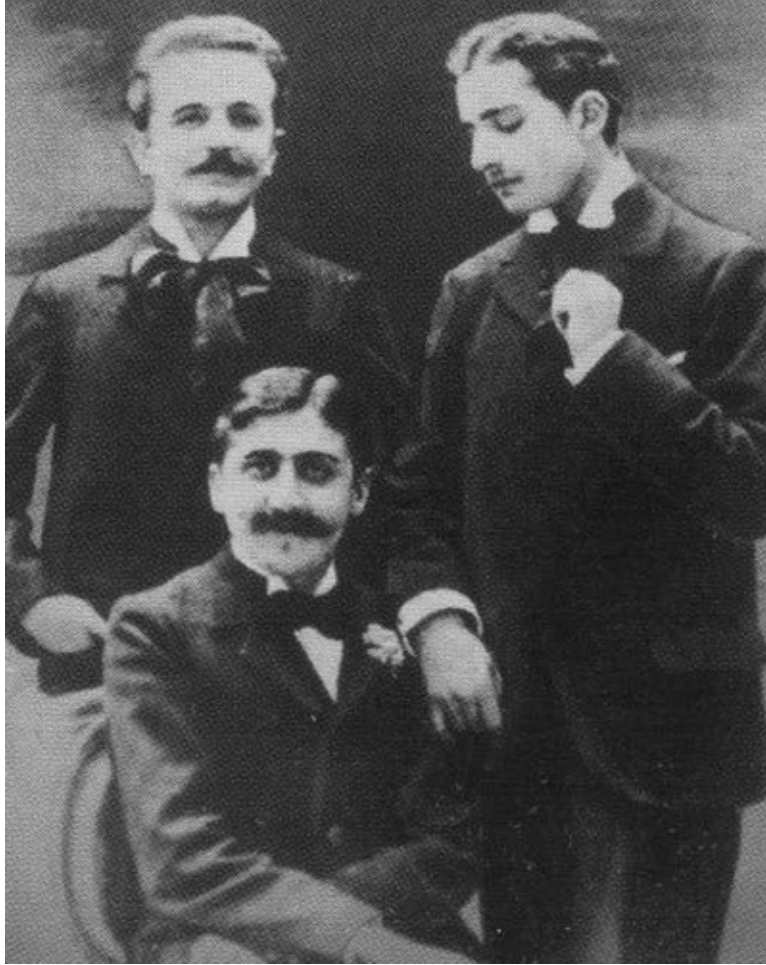

Леонтина Арман де Кайаве

Женевъева Строс

Роберт де Флер, Марсель Пруст и Люсьен Доде. Около 1894 г.

Анатоль Франс. 1893 г.

Рейнальдо Ан. 1898 г.

Шарль Аас

Лора Хейман

Лора де Сад, графиня де Шевинье

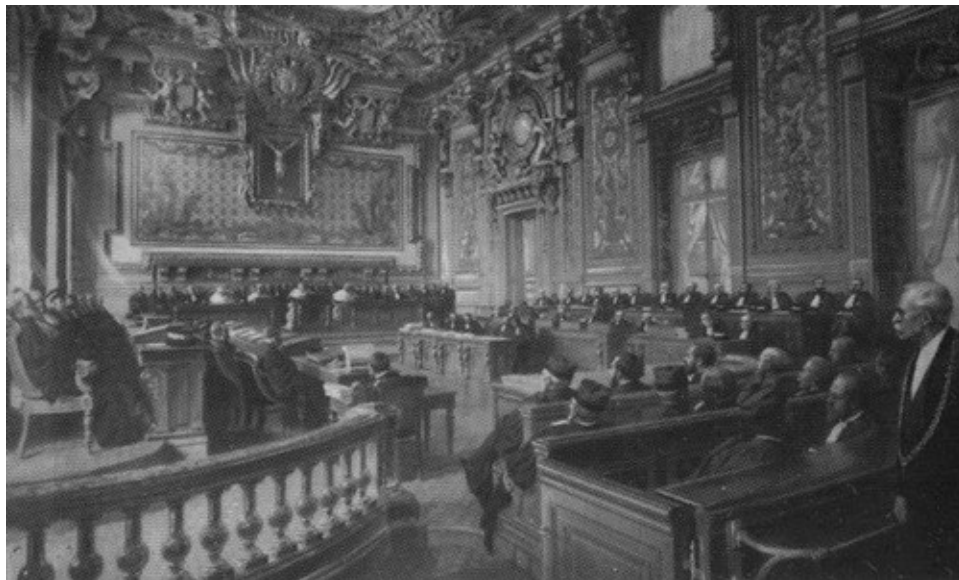

Мадлен Лемер. 1891 г.

Шато Ревейон. На переднем плане каштан, любимый Прустом

Заседание Большой палаты Кассационного суда Франции по делу Дрейфуса. Л. Р. Сабаттье. 1899 г.

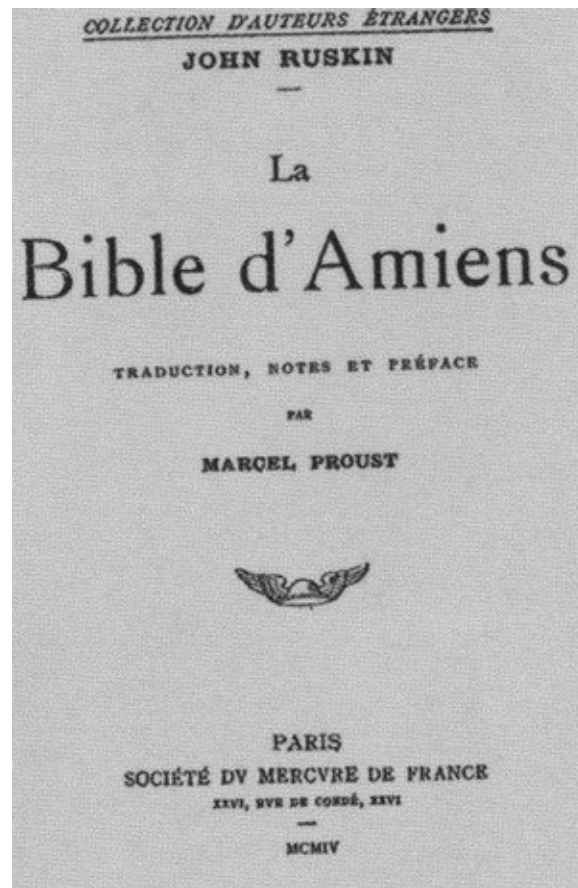
Альфред Дрейфус. 1890 г.

Эмиль Золя. 1898 г.

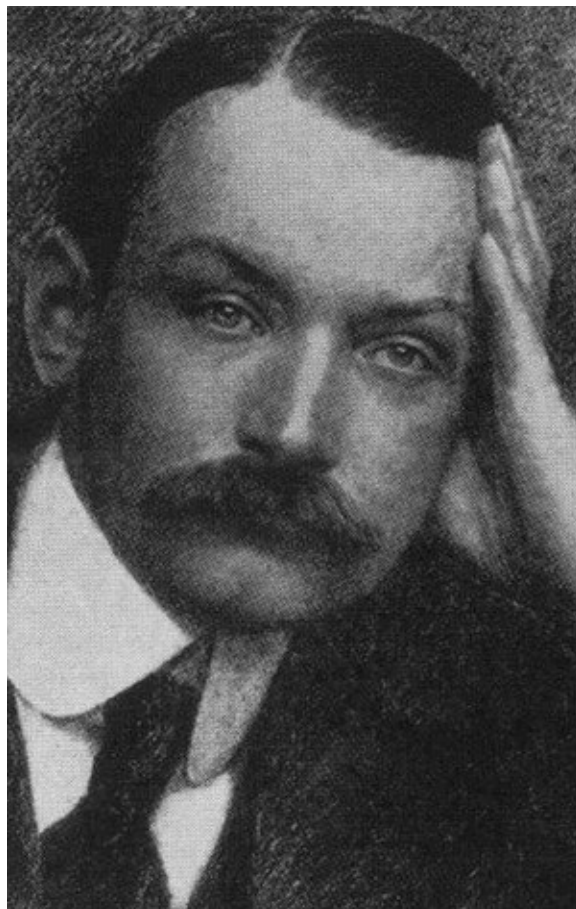
Марсель Пруст. 1891 г.

*Титульный лист «Библии Амьена» Дж. Рёскина в переводе М. Пруста.
1903 г.*

Эвян. Почтовая открытка. Конец XIX — начало XX в.

Бертран де Фенелон

Антуан Бибеско

Графиня Элизабет де Греффюль

Парижская биржа. Почтовая открытка. Конец XIX — начало XX в.

Робер де Монтескью. Дж. Болдини. 1897 г.

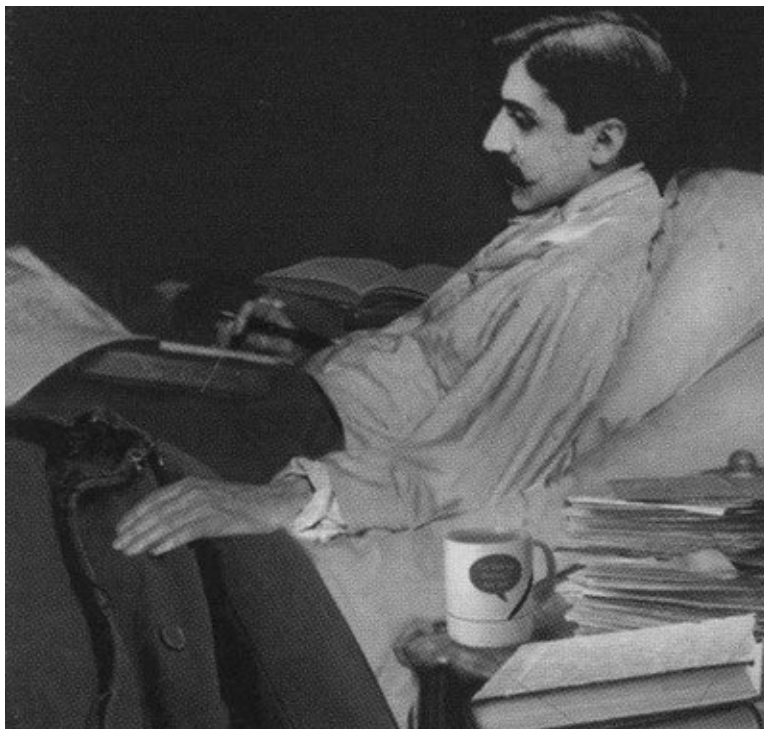
Страница рукописи М. Пруста «В сторону Свана». 1913 г.

Селеста Альбаре

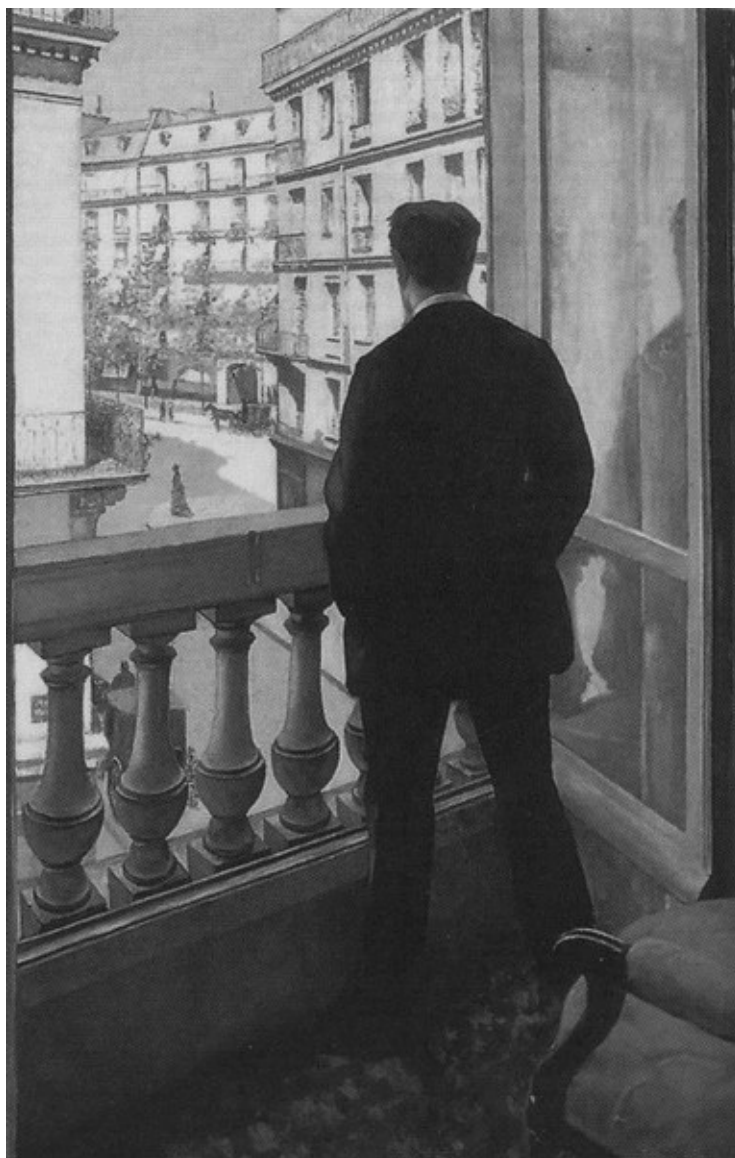
Одilon Альбаре и Альфред Агостинелли на автомобиле. 1908 г.

Марсель Пруст за работой в постели

Надгробие Марселя Пруста на кладбище Пер-Лашез

«Молодой человек у окна». Г. Кайботт. 1875 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА МАРСЕЛЯ ПРУСТА

1870, 3 сентября — свадьба Адриена Пруста и Жанны Вейль.

1871, 10 июля — рождение Марселя Пруста в Отее, у двоюродного дедушки Марселя Луи Вейля, проживавшего в доме 96 на улице Фонтен.

1873, 24 мая — рождение Робера Пруста, брата Марселя.

1 августа — переезд семьи Марселя в дом 9 на улице Мальзерб, где она останется на 27 лет.

1881, весна — первый приступ астмы в Булонском лесу. Пруст посещает начальную школу Пап-Карпантье.

1882, октябрь — поступление в лицей Фонтан, который с января 1883 года получает имя Кондорсе.

1885 — с декабря до конца учебного года Марсель не посещает занятия из-за состояния своего здоровья.

1886 — Марсель Пруст отвечает на анкету Антуанетты Фор.

Летом он в последний раз едет на каникулы в Илье.

1887 — влюбленность в Мари Бенардаки.

Октябрь — Пруст переходит в класс риторики. Его преподаватель — Максим Гоше.

1888, октябрь — Пруст переходит в класс философии. Его любимый преподаватель — Альфонс Дарлю. Влюбленность в Жака Бизе и Даниэля Галеви. Платоническая влюбленность в Лору Хейман, модель главной героини новеллы Бурже «Глэдис Харвей». Сотрудничество в лицейских изданиях «Ревю верт» и «Ревю лила».

1889, 15 июля — Пруст заканчивает учебу в лицее.

Сентябрь — отдых в Остенде с семейством Финали.

Осень — Пруст представлен Анатолю Франсу и мадам Арман де Кайаве.

11 ноября — начало военной службы.

1890, 3 января — смерть от уремии Адель Вейль, бабушки Марселя со стороны матери.

Сентябрь — во время увольнительной он отдыхает в Кабуре.

14 ноября — конец военной службы.

Ноябрь — Пруст записывается в Вольную школу политологии и на юридический факультет Сорбонны.

1891, сентябрь — октябрь — поездки в Кабур и Трувиль.

Осень — встречается с Оскаром Уайльдом и Жаком-Эмилем Бланшем, который рисует карандашный портрет Пруста.

1892 — Пруст присутствует на свадьбе своей кузины Луизы с Анри Бергсоном.

Январь — основание журнала «Пир».

Март — выходит в свет первый номер «Пира».

Июль — Жак-Эмиль Бланш заканчивает портрет Пруста маслом.

1893–1896 — Пруст публикует серию произведений в «Ревю бланш».

1893, 13 апреля — Пруст представлен Роберу Монтестью в салоне Мадлен Лемер.

Июль — Пруст впервые встречается с графиней де Греффюль.

Август — поездка в Санкт-Мориц. Работа над романом в письмах вместе с Луи де Ласалем, Даниэлем Галеви и Фернаном Греггом.

Осень — Пруст получает диплом юриста.

Декабрь — Пруст начинает учебу на филологическом факультете.

1894, 22 мая — Пруст знакомится с Рейнальдо Аном.

Август — Пруст приезжает к Мадлен Лемер в замок Ревейон, где встречается с Рейнальдо Аном и читает Льва Толстого.

1895, 27 марта — поступает на философский факультет. Пруст посещает множество салонов (он бывает у Альфонса Доде, Робера де Монтестью, мадам Обернон, мадам Лемер).

6 июня — Пруст получает должность в Библиотеке Мазарини, но сразу же берет отпуск по состоянию здоровья, отпуска будут продолжаться до 1900 года, когда будет принято решение о его увольнении.

Август — сентябрь — каникулы вместе с Рейнальдо Аном: поездки в Дьеп, Бель-Иль, Бег-Мэль. Начало работы над романом «Жан Сантей».

1896, 10 мая — смерть Луи Вейля, двоюродного дедушки со стороны матери.

12 июня — сборник «Утехи и дни» поступает в продажу.

30 июня — смерть Нате Вейля, деда со стороны матери.

Осень — сближение с Люсьеном Доде.

Октябрь — в Фонтенбло Пруст записывает эпизод разговора с матерью по телефону.

1897, 6 февраля — дуэль с Жаном Лорреном.

16 декабря — смерть Альфонса Доде. Пруст помогает Люсьену Доде пережить потерю, в течение нескольких дней сопровождая его вместе с Рейнальдо Аном.

1898, 13 января — Эмиль Золя публикует открытое письмо «Я

обвиняю» в газете «Аврора».

14 января — в той же газете опубликована петиция в поддержку Дрейфуса, которая подписана Марселем Прустом.

7–23 февраля — Пруст присутствует на процессе Золя.

Июль — мадам Пруст удаляют фиброму.

1899, осень — Пруст оставляет работу над романом «Жан Сантей». Он начинает переводить «Библию Амьена».

1900, 20 января — смерть Джона Рёскина. Пруст пишет серию статей, посвященных философу.

Апрель — поездка в Венецию вместе с матерью. Пруст также отправляется в Падую, чтобы увидеть фрески Джотто.

Октябрь — вторая поездка в Венецию, без родителей. Переезд семьи Пруст в дом 45 по улице Курсель.

1901 — завершение перевода «Библии Амьена», рукопись перевода передана в издательство «Олландорф».

Осень — сближение с Антуаном Бибеско и Бертраном Фенелоном.

1902, сентябрь — Пруст передает рукопись «Библии Амьена» в издательство «Меркюр де Франс».

Октябрь — поездка в Бельгию и Голландию с Бертраном де Фенелоном. Знакомство с творчеством Яна Вермера Дельфтского.

8 декабря — Бертан де Фенелон уезжает в Константинополь.

1903, 2 февраля — женитьба Робера Пруста.

26 ноября — смерть Адриена Пруста, отца Марселя.

1903–1906 — Пруст публикует ряд статей, посвященных парижским салонам.

1904, февраль — публикация перевода «Библии Амьена» с посвящением Адриену Прусту.

Август — круиз на яхте «Элен».

16 августа — в «Фигаро» опубликована статья «Гибель соборов».

1905, 15 июня — публикация в журнале «Ренессанс латин» предисловия Пруста к его переводу «Сезама и лилий» Рёскина.

Начало сентября — поездка с матерью в Эвьян. По прибытии на курорт Жанна Пруст заболевает уремией. Робер Пруст отвозит ее в Париж.

26 сентября — смерть мадам Пруст.

3 декабря — Пруст начинает лечение в клинике доктора Солье.

1906, 25 января — Пруст покидает клинику Солье.

Май — выход в свет перевода «Сезама и лилий».

Август — декабрь — Пруст проживает в отеле «Резервуар» в Версале.

Конец декабря — переезд в новую квартиру в доме 102 на бульваре

Осман.

1907, 1 февраля — публикация в «Фигаро» статьи «Сыновние чувства убийцы собственной матери».

Начало августа — первая поездка писателя в Кабур, где Пруст будет отдыхать летом в течение семи лет. Знакомство с молодым шофером Альфредом Агостинелли.

19 ноября — публикация в «Фигаро» статьи «Дорожные впечатления от поездки на автомобиле».

1908, февраль — март — публикация в «Фигаро» пастишей на дело Лемуана. Начало работы над эссе «Против Сент-Бёва».

1909, весна — «Против Сент-Бёва» постепенно трансформируется в роман.

Август — издательство «Меркюр де Франс» отказывается опубликовать роман.

1910, 12 января — смерть мадам Арман де Кайаве.

4 июня — впервые посещает одно из представлений Русских сезонов — премьеру балета «Шехерезада» в постановке Фокина и с участием Нижинского и Карсавиной.

1911, август-сентябрь — отдых в Кабуре. Альбер Намьяс и Сесилия Хейворд начинают готовить машинопись первой части романа, которая называется «Сердечные перебои. Потерянное время. 1-я часть».

Декабрь — Пруст теряет крупные суммы денег, играя на бирже.

1912, конец года — издательства «Фаскель» и «Галлимар» отказываются опубликовать роман Пруста, который пока носит название «Сердечные перебои».

1913, начало года — издательство «Олландорф» отказывается опубликовать роман Пруста.

Май — Агостинелли становится секретарем Пруста.

26 июля — Пруст вместе с Альфредом, Анной и Николя Коттенем отправляется в Кабур.

4 августа — Пруст и Агостинелли вдвоем возвращаются в Париж.

14 ноября — начинаются продажи «В сторону Свана», опубликованного за счет автора в издательстве Бернара Грассе.

1 декабря — Агостинелли исчезает из квартиры Пруста.

1914, март — Агостинелли записывается в школу пилотажа братьев Гарберо в Антибе.

31 мая — смерть Агостинелли на Лазурном Берегу.

1 августа — всеобщая мобилизация. Одилон Альбаре и Николя Коттен призваны в армию.

Сентябрь — последняя поездка в Кабур.

Осень — остановка работы издательства «Грассе». Селеста Альбаре переезжает в квартиру Пруста.

Декабрь — гибель Бертрана де Фенелона.

1916, март — Пруст разрывает контракт с издательством «Грассе», чтобы заключить контракт с Галлимаром.

1917, 22 августа — самоубийство Эмманюэля Бибеско. Сближение с Анри Роша.

1919, май — переезд в дом 8 по улице Лоран-Пиша.

Июнь — начало продаж части «Под сенью девушек в цвету».

1 октября — переезд в дом 44 по улице Амлен.

10 декабря — присуждение Прусту премии Гонкур.

1920, 25 сентября — Пруст награжден орденом Почетного легиона.

Октябрь — выход в свет части «Сторона Германтов I».

1921 — публикация части «Сторона Германтов II — Содом и Гоморра I». Луи д'Альбюфера и графиня де Шевинье, узнавшие себя в Робере де Сен-Лу и герцогине Германтской, разрывают отношения с Прустом. Писатель убеждает Монтескую в том, что тот не является прототипом Шарлюса.

Июнь — отъезд Анри Роша, секретаря Пруста, в Аргентину.

1922, апрель — выход в свет части «Содом и Гоморра II».

Весна — Пруст сообщает Селесте Альбаре, что он поставил слово «конец» в черновиках своего романа.

18 мая — Пруст присутствует на вечере, организованном семейством Шиф после представления балета «Лиса» Вацлава Нижинского. Писатель встречается с Игорем Стравинским и Джеймсом Джойсом.

18 ноября — смерть Марселя Пруста.

1925, ноябрь — выход в свет «Исчезнувшей Альбертины».

1927, сентябрь — выход в свет «Обретенного времени».

1952 — выходит в свет роман «Жан Сантей», изданный Бернаром де Фалуа.

1954 — выход в свет романа «Против Сент-Бёва», изданного Бернаром де Фалуа.

1987 — Натали Морьяк и Этьен Вольф публикуют вновь найденную рукопись «Исчезнувшей Альбертины».

БИБЛИОГРАФИЯ

Корреспонденция Пруста

Correspondance avec Daniel Halévy, éd. d'Anne Borrel avec Jean-Pierre Halévy. Paris: Fallois, 1992.

Correspondance avec Madame Straus. Paris: Hachette, 1974.

Correspondance avec sa mère 1887–1905, Paris: Plon, 1953.

Index Général de la Correspondance de Marcel Proust, éd. de Kazuyoshi Yoshikawa. Kyoto: Presses de l'Université de Kyoto, 1998.

Lettres à Reynaldo Hahn, éd. de Philip Kolb. Paris: Gallimard, 1956.

Mon cher petit: Lettres à Lucien Daudet, éd. de Michel Bonduelle. Paris: Gallimard, 1991.

Proust M. Correspondance, éd. de Philippe Kolb, 21 vol. Paris: Plon, 1970–1993.

Proust M., Rivière J. Correspondance 1914–1922, éd. de Philip Kolb. Paris: Gallimard, 1976.

Proust Marcel. Gallimard, Gaston, *Correspondance*, éd. de Pascal Fouché, Paris, Gallimard, 1989.

Воспоминания, посвященные Марселю Прусту

Bibesco M. Au bal avec Marcel Proust, Paris: Gallimard, 1928.

Bibesco M. La Duchesse de Guermantes: Laure de Sade, comtesse de Chevigné. Paris: Plon, 1950.

Billy R. de. Marcel Proust. Lettres et conversations. Paris: Les Portiques, 1930.

Blanche J.-E. Mes modèles. Souvenirs littéraires. Paris: Stock, 1928.

Collin F. Parmi les précurseurs du ciel. Paris: Peyronnet, 1947.

Daudet L. Autour de soixante lettres de Marcel Proust. Paris: Gallimard, 1929.

Dreyfus R. Souvenirs sur Marcel Proust avec des lettres inédites de Marcel Proust. Paris: Grasset, 1926.

Gide A. Journal I, 1887–1925. Paris: Gallimard, 1996.

Gregh F. Mon amitié avec Marcel Proust: souvenirs et lettres inédits. Paris:

Grasset, 1932.

Hahn R. Notes (Journal d'un musicien). Paris: Plon, 1933.

Jaloux E. Avec Marcel Proust suivi de dix-sept lettres inédites de Proust. Paris; Genève: La Palatina, 1953.

Lauris G., de. Souvenirs d'une belle époque. Paris: Amiot-Dumont, 1948.

Morand P. Le Visiteur du soir suivi de quarante-cinq lettres inédites de Marcel Proust. Genève: La Palatine, 1949.

Plantevignes M. Avec Marcel Proust: causeries, souvenirs sur Cabourg et le Boulevard Haussmann. Paris: Nizet, 1966.

Биографии Марселя Пруста

Albaret C. Monsieur Proust: souvenirs recueillis par Georges Belmont. Paris: Laffont, 1973.

Bonnet H. Marcel Proust de 1907 à 1914. Paris: Nizet, 1959.

Bonnet H. Les Amours et la sexualité de Proust. Paris: Nizet, 1985.

Carter W. Marcel Proust: A Life. New Haven; London: Yale University Press, 2000.

Carter W. Proust in love. New Haven; London: Yale University Press, 2006.

Diesbach Gh., de. Proust. Paris: Perrin, 1991.

Duchêne R. L'impossible Marcel Proust. Paris: Laffont, 1994.

Erman M. Marcel Proust. Paris: Fayard, 1994.

Ferré A. Les Années de collège de Marcel Proust. Paris: Gallimard, 1959.

Francis C., Gontier F. Marcel Proust et les siens suivi de: Souvenirs de S. Mante-Proust. Paris: Plon, 1981.

Painter G., d'. Marcel Proust (1871–1922). 2 vol. Paris: Mercure de France, 1963 et 1966.

Pierre-Quint L. Marcel Proust, sa vie, son œuvre. Paris: Sagittaire, 1935.

Tadié J.-Y. Marcel Proust: biographie. 2 vol. Paris: Gallimard, 1996.

White E. Marcel Proust. Québec: Fides, 2001.

Энциклопедические издания, посвященные Марселю Прусту

Bouillaguet A. Marcel Proust. Bilan critique. Paris: Nathan, 1994.

Dictionnaire Marcel Proust, publié sous la direction d'Annick Bouillaguet et Brian G. Rogers. Paris: Champion, 2004.

Периодические издания, посвященные Марселю Прусту

Bulletin d'informations proustiennes. 1975.

Bulletin de la société des amis de Marcel Proust et des amis de Combray.
1950.

Les Cahiers Marcel Proust (1ère série: 1927–1935). Paris: Gallimard.

Les Cahiers Marcel Proust (nouvelle série: 1970–1987). Paris: Gallimard.